

КОНТРОЛЬНЫЙ ЭКЗ.

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

3

1979

ИЗДАТЕЛЬСТВО
· НАУКА ·

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАЙ — ИЮНЬ

СОДЕРЖАНИЕ

3
1979

<i>Мозеров В. Д.</i> Развитие трудовой активности рабочего класса в Болгарии (1958—1962)	3
<i>Носкова А. Ф.</i> Фашистский оккупационный режим и позиции классов и социальных групп в странах Центральной и Юго-Восточной Европы	11
<i>Аврус А. И.</i> Моцровские кампании против террора в Польше	29
<i>Саливон А. Н.</i> К вопросу об образовании народности ободритов	42
<i>Соловьева А. П.</i> Литературные программы и развитие чешской национальной литературы	56
<i>Пономарева Н. Н.</i> Современная болгарская и советская драматургия (связь и типологическая общность)	68
<i>Молошная Т. Н.</i> О славянском типе адъективной сочетаемости	75

СООБЩЕНИЯ

<i>Костюшко И.</i> Историко-славистические исследования в СССР (1971—1978)	87
<i>Дьяков В. А., Мильников А. С.</i> Изучение истории славистики чехословацкими учеными в 1968—1978 гг.	96
<i>Бухало Г. В.</i> Польская историография о воссоединении Украины с Россией	102
<i>Беляева В. И.</i> Мюнхенский слогор и общественное мнение Великобритании в англо-американской буржуазной историографии	105

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Салехов Н.</i> «Рабочий класс и строительство социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы»	112
---	-----

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Пименова И.</i> Интеллигенция как объект историко-социологического исследования	114
<i>Горенков А.</i> «Под знаменем боевой дружбы»	116
<i>Воронков В. И. J. R. Szaflik.</i> «O rząd chłopskich dusz»	118
<i>Билунов Б. Н., Москаленко А. Е., Хайретдинов Х. Х.</i> «Вопросы истории славян»	120
<i>Наумов Е. П.</i> Библиография исследований, посвященных Светозару Марковичу	122

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Мороз В. К.</i> Научная конференция, посвященная 60-летию образования Коммунистической партии Польши	124
<i>И. М.</i> Советско-польский коллоквиум по проблеме «Фашизм и антидемократические режимы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1918—1945»	125
<i>Венедиктов Г. К.</i> Конференция по вопросам языкового строительства в Болгарии	127

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), Л. Б. ВАЛЛЕВ, В. А. ДЬЯКОВ,
 В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
 В. Д. КОРОЛЮК, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
 Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
 Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.
 Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *И. И. Козловская*

В. Д. МОЗЕРОВ

РАЗВИТИЕ ТРУДОВОЙ АКТИВНОСТИ РАБОЧЕГО КЛАССА В БОЛГАРИИ (1958—1962)

1958 год ознаменовался значительными достижениями болгарского народа в строительстве социализма. На седьмом съезде БКП (июнь 1958 г.) было отмечено, что социалистическая собственность стала основным источником национального богатства. Завершилась социалистическая перестройка сельского хозяйства. Победили социалистические производственные отношения.

Победа социалистического общественного строя означала, что переходный период от капитализма к социализму в Болгарии завершился и открылся новый период построения социалистического общества посредством «еще большего развития материально-производственной базы и повышения социалистического сознания трудящихся»¹. Специфической чертой нового периода являлось то, что социализм теперь стал развиваться на собственной общественно-экономической основе². Ликвидация классовых антагонизмов вызвала прилив творческой энергии масс, создала условия для широкого развития производственной активности трудящихся.

Эта проблема недостаточно разработана, хотя она в какой-то мере освещалась в болгарской литературе³. Буржуазная же историография дает искаженное представление о ней⁴.

Демократизация хозяйственного управления была вызвана жизненными интересами страны, необходимостью дать простор производительным силам. На данном этапе одним из главных средств достижения этой цели было повышение роли и расширение демократических начал в деятельности местных органов государственной власти. Примечательна в этом отношении передача ряда функций центральных органов народным советам.

Совершенствование методов хозяйственного управления предусматривало также более полное использование материальных стимулов. После Апрельского пленума ЦК БКП 1956 г. материальное стимулирование трудящихся развивалось по нескольким направлениям. Одним из них

¹ «Седми конгрес на БКП. Стенографски протокол». София, 1958.

² «Програма на БКП». София, 1971, с. 35.

³ И. Н е ц о в. Мястото и ролята на бригадите за ударен комсомолски труд в борбата за ускорено икономическо развитие на страната. «Известия на ВПШ», т. 24. София, 1965; Н. Н и к о л о в. Движението за комунистически труд — висш етап на социалистическото съревнование. «Профсъюзни летописи», кн. 4. София, 1965; е г о ж е. Социалистическото съревнование и движението за комунистически труд. София, 1966; М. П е т р о в. Поява и развитие на движението за комунистически труд. «Профсъюзни летописи», кн. 8. София, 1969; З. С т а й к о в, Н. Г е о р г и е в. Движението за комунистически труд и техническият прогрес. София, 1963.

⁴ Е. Н е i m a n n. Sociale Theorie der Wirtschaftssysteme. Tübingen, 1963, S. 289.

было упорядочение зарплаты рабочих, служащих и инженерно-технических работников с ярко выраженной тенденцией к ее увеличению⁵. Стали интенсивно внедряться прогрессивные формы оплаты труда. Так, в 1958 г. значительно возросло число рабочих с повременно-премиальной оплатой труда⁶.

Существенные изменения в систему оплаты труда внесло постановление ЦК БКП и Совета Министров от 23 декабря 1959 г., в соответствии с которым с 1 апреля по 1 октября 1960 г. были введены новые штатные расписания и тарифные ставки для рабочих, руководящих, хозяйственных и инженерно-технических работников. По новым штатным расписаниям и тарифам зарплата рабочих, ИТР и руководителей возросла от 6 до 28%⁷. Минимальная зарплата увеличилась до 50 левов рабочим и до 47 левов служащим⁸.

В 1960 г. были пересмотрены тарифные сетки и штатные расписания во всех отраслях промышленности, укреплен отраслевой принцип тарификации труда, устранялись несоответствия во внутриотраслевой его оплате. Значительно повысилась относительная доля тарифной ставки в номинальной зарплате рабочих, от 50—60% по прежним тарифным ставкам до 70—75% по новым, т. е. нормирование труда стало более реальным. Значительно возросла дифференциация ставок по разрядам⁹. Новыми штатными расписаниями устранялись значительные несоответствия в оплате труда рабочих и ИТР. Если зарплата рабочих в металлургии повысилась на 8,8%, в химической промышленности — на 11, полиграфической — на 12, машиностроении — на 6 и т. д., то ИТР и специалистов — от 12 до 28%. Наибольшее увеличение зарплаты получили низовые руководители (мастера, бригадиры и т. д.)¹⁰. За 1960—1961 гг. из государственного бюджета на повышение зарплаты было выделено около 25 млн левов¹¹. Среднегодовая зарплата рабочих и служащих в промышленности возросла от 84,7 левов в 1957 г. до 96 в 1960 и 114 в 1965 г.¹².

В 1960 г. был введен ряд дополнительных вознаграждений за непрерывный трудовой стаж, за высокую квалификацию и почетное звание. В Болгарии получила большое распространение коллективная оплата труда. В 1962 г. она охватывала 64% всех рабочих, работавших по трудовым нормам¹³.

Совершенствование материального стимулирования затронуло и систему премирования рабочих, служащих, руководящих и инженерно-технических работников. Эта система разрабатывалась с таким расчетом, чтобы повысить материальную заинтересованность работников промышленности в выполнении и перевыполнении не только количественных, но и качественных показателей. В постановлении ЦК БКП и Совета Министров от 28 декабря 1959 г. подчеркивалась важность выполнения качественных показателей плана по доходам и себестоимости. Вопрос о качестве продукции обсуждался и на мартовском совещании 1961 г., где отмечались еще имевшиеся недостатки, особенно в машиностроении.

⁵ «Решения на Апрельский пленум в действие», с. 53; Обращение на ЦК на БКП. «Работническо дело», 29 VII 1962; «Осми конгрес на БКП. Стенографски протокол». София, 1962, с. 356.

⁶ «Социалистически труд», 1961, № 2, с. 157.

⁷ «Постановление на ЦК на БКП, Министерския съвет на НРБ и Централния съвет на профсъюзите от 28 XII 1959 г.». «Справочник на активиста». София, 1961, с. 362.

⁸ Там же, с. 373.

⁹ «Работническо дело», 27 VI 1960.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² «Статистически справочник». София, 1963, с. 27; «Статистически годишник на НРБ», 1968, с. 144.

¹³ «Ново време», 1963, кн. 1, с. 74.

Согласно постановлению Совета Министров от 7 апреля 1960 г. полагалась премия руководителям, ИТР и служащим за выполнение плана по себестоимости и доходам, при условии выполнения плана по товарной продукции в стоимостном выражении, номенклатуре, производительности труда, экспорту, кооперативным поставкам, освоению новой техники¹⁴. Максимальный размер премии устанавливался в размере 40—60% от основной зарплаты премируемого, в зависимости от группы предприятия. Прежде премии выплачивались главным образом за выполнение плана по объему продукции. Выполнение плана по снижению себестоимости и ассортименту до середины 1960 г. относилось лишь к условиям премирования¹⁵. Постановление увеличило средства на премирование и определило его новые источники. Премии за перевыполнение плана дифференцировались соответственно категориям предприятий, т. е. с учетом сложности руководства, специфики производства, условий труда и т. д.¹⁶.

Проблема дальнейшего совершенствования системы материальной заинтересованности стояла в центре внимания Сентябрьского пленума ЦК ВКП 1962 г.

Пленум указал на необходимость повышения роли качественных показателей в системе премирования, что предусматривалось постановлениями правительства от 25 и 31 августа 1962 г. Премирование за качество теперь производилось на основе дополнительной прибыли, полученной от перевыполнения качественных показателей плана, т. е. теснее увязывалось с ростом доходности предприятия¹⁷.

Постановлением правительства от 31 августа 1962 г. уточнялись основные (выполнение плана по объему продукции, ассортименту, производительности труда, себестоимости, прибыли, плана по экспорту) и дополнительные (выполнение плана по качеству, новой технике, кооперативным поставкам) условия премирования. При невыполнении дополнительных плановых условий размер премий сокращался наполовину¹⁸.

Вопрос о материальной заинтересованности рационализаторов и изобретателей рассматривался на пленуме ЦК ВКП, посвященном вопросам развития промышленности (1961). По решению правительства 1 июля 1961 г. были образованы фонды технического развития на предприятиях важнейших отраслей промышленности: машиностроения, химической, черной и цветной металлургии, производства строительных материалов, а также при Комитете по техническому прогрессу¹⁹. Они предназначались для покрытия расходов, связанных с испытанием новой техники (разработка и составление технических проектов, чертежей и другой научной документации и т. д.), премирования научных, руководящих, инженерно-технических работников и рабочих, внесших свой вклад в то или иное изобретение. Размеры фонда находились в зависимости от фактической себестоимости товарной продукции в стоимостном выражении и начислялись в процентах, определяемых ежегодно Госпланом и Министерством финансов по согласованию с Комитетом по техническому прогрессу²⁰. Фонд технического развития являлся основным источником финансирования мероприятий по внедрению новой техники.

¹⁴ «Постановление относительно утвърждаване на основни положения за подобряване на премиалните системи на работниците, ръководните и инженерно-техническите работници и служащите (7 IV 1960 г.)». «Справочник на активиста», с. 20, 212.

¹⁵ «Справочник на активиста», с. 20, 212.

¹⁶ Там же, с. 208.

¹⁷ «Известия на Президиума на народното събрание», 1962, 17 септември.

¹⁸ Там же.

¹⁹ «Известия на Президиума на народното събрание», № 27.

²⁰ Там же, № 52.

Устанавливался новый порядок образования и расходования фонда рационализации. Вознаграждения за рационализаторские предложения стали выплачиваться на основе начислений от экономии при их использовании²¹. Государство выплачивало значительные суммы рационализаторам и изобретателям²².

Материальную заинтересованность в промышленности повысили введенные в 1962 г. новые фабрично-заводские цены, сократившие число предприятий, попадавших из-за несовершенства ценообразования в отстающие. В 1962 г. вводятся новые расчетные нормы определения трудоемкости работ, позволявшие реальнее подходить к исчислению экономического эффекта, достигнутого усовершенствованиями в организации, технике и технологии производства.

Таким образом, до конца 50-х годов стимулировалось главным образом перевыполнение плана по объему товарной продукции, что соответствовало задачам и уровню развития болгарской промышленности в тот период. Но уже с 1958 г. усиливается роль качественных показателей.

Изменения в материальном стимулировании способствовали устранению недостатков в применении принципа оплаты по труду и положительно отразились на росте творческой активности трудящихся.

Одной из действенных форм привлечения трудящихся к управлению, повышения у них интереса к производственным вопросам являлось всенародное обсуждение мероприятий БКП, особенно широко практиковавшееся после Апрельского пленума ЦК 1956 г. и VII съезда БКП. Десятки и сотни тысяч людей принимали участие в обсуждении кардинальных проблем хозяйственного и социалистического строительства²³, что имело политическое и народнохозяйственное значение, ибо позволяло глубже изучать нужды производства, лучше учитывать накопленный опыт.

Заметно возросла роль общественных организаций — Отечественного фронта, Димитровского союза народной молодежи и др. Но развитие активности болгарских трудящихся в промышленности прежде всего было связано с профсоюзной работой. Профсоюзы осуществляли контроль за производственной деятельностью предприятий, являлись организаторами и инициаторами изучения и распространения передового опыта, заботились об улучшении материально-бытового положения рабочих, их профессиональной подготовке и т. д. Главной их функцией оставалось вовлечение трудящихся в управление производством.

Следует подчеркнуть, что возрастание роли профсоюзов в строительстве социализма и в управлении производством, в литературе иногда интерпретировалось как простое наделение их всеми правами государственной власти, в том числе и правами принуждения. Такая точка зрения отражена, например, в книге М. Геновского²⁴. Перспективы развития социалистических стран открывают пути как раз обратным тенденциям²⁵. Функция принуждения по своей природе — функция государственная. Профсоюзная работа осуществляется методами воспитания, обучения и убеждения. В своей работе БКП исходила из ленинского положения о том, что профсоюзы «не есть организация принуждения, это есть организация воспитательная, организация вовлечения, обучения, это есть школа, школа управления, школа хозяйничания, школа коммунизма»²⁶.

²¹ Там же, № 24.

²² «Планово стопанство и статистика», 1961, кн. 5, с. 28.

²³ «Отечествен фронт», 4 VII, 27 X 1959; «Партиен живот», 1960, кн. 4, с. 5; «Осми конгрес на БКП. Стенографски протокол». София, 1963, с. 120.

²⁴ М. Г е н о в с к и. Преминаване функциите на държавни органи върху обществените организации. София, 1962, с. 192—193.

²⁵ «Общее и специфическое в диктатуре пролетариата». М., 1967, с. 78.

²⁶ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 42, с. 203.

Активное участие масс в управлении осуществлялось на данном этапе через производственные совещания, технические конференции, совещания передовиков производства, рационализаторов и изобретателей.

Январский пленум ЦК БКП 1960 г. подчеркивал, что решения ЦК партии по ускоренному развитию народного хозяйства, совершенствование административного и хозяйственного руководства «создали условия для небывалого донныне развертывания творческой инициативы трудящихся, для раскрытия дополнительных резервов в производстве, для дальнейшего ускорения развития промышленности и всей нашей экономики»²⁷.

Демократизация общественной жизни способствовала развитию различных починов, развертыванию массового соревнования и его высшей формы — движения за коммунистический труд, являвшегося важным рычагом общественного прогресса в НРБ. Расширение коммунистических форм труда непосредственно связано с вовлечением трудящихся в управление производством. В результате правильной политической линии на улучшение руководства производством движение вначале за социалистический, а затем за коммунистический труд, зародившись в 1959 г. на предприятиях города Габрово, вскоре распространилось по всей стране. За короткое время оно приобрело общегосударственное значение²⁸.

При этом во всех соревнующихся коллективах рядом с опытными рабочими, кооператорами и служащими трудилась молодежь. Быстрое развитие движения бригад коммунистического труда объяснялось тем, что оно, с начала своего зарождения, находилось в центре внимания БКП и ее Центрального комитета. БКП направляла внимание профсоюзных и молодежных организаций на бригады коммунистического труда. Этому были посвящены первая национальная конференция участников движения за ударный коммунистический труд, 5-й конгресс профессиональных союзов²⁹.

Движение за коммунистический труд, приняв поистине всенародный характер, превратилось в большую материальную силу, в школу приобщения масс к управлению производством. Оно было тесно связано с рядом новых начинаний, которые по своей сущности являлись истинными ростками коммунизма. В конце 1959 г. на государственном текстильном комбинате им. Г. Димитрова (Сливенский округ) возникло движение за предприятие (цех) с самой низкой себестоимостью и самым высоким качеством продукции³⁰.

В годы третьей пятилетки зародились и распространились по всей стране почин ловчанцев, почин цеха «Янтра» текстильного комбината им. Георгия Генова за экономию основных материалов, почин газеты «Рабочье дело» за экономию сырья и рабочего времени. Машиностроительный завод в Вазовграде (Пловдивский округ) выдвинул лозунг: «Каждый рабочий — внеси предложение»³¹. Многие формы соревнования были восприняты болгарскими трудящимися у передовиков производства Советского Союза и нашли широкое применение в условиях болгарской действительности. Эти начинания отдельных предприятий при поддержке БКП распространялись по всей стране, охватывая десятки, а иногда и сотни

²⁷ «Решение на пленума на Централния комитет на БКП от 26—29 януари 1960 г.», «Справочник на активиста», с. 126.

²⁸ «Партиен живот», 1960, кн. 2, с. 42; «Рабочье дело», 7 IX 1959; 25 I, 16 VIII 1960; 24 XI 1961; «Ново време», 1962, кн. 4, с. 6; «Учим се да работи и живее по-коммунистически». София, 1962, с. 15; «Осми конгрес на БКП. Стенографски протокол», с. 154, 381.

²⁹ «Рабочье дело», 7 IX, 24 XI 1959.

³⁰ «Партиен живот», 1960, кн. 10, с. 10.

³¹ «Отечествен глас», 31 XII 1958.

заводов и фабрик. В 1962 г. в Болгарии возникли бригады, имевшие право сдавать продукцию без посредничества контролеров ³².

О массовом характере соревнования говорит хотя бы тот факт, что к началу 1962 г. его различными формами было охвачено 80% рабочих промышленности, строительства и транспорта ³³.

Показателем повышения роли общественности в управлении производством явилось принятие социалистических обязательств отдельными предприятиями и группами предприятий. Характерно, что в обязательствах намечалось перевыполнение плана не только по объему, но и по другим показателям: прибыли, снижению себестоимости, экономии сырья и материалов. Позднее в них включались пункты по освоению новой техники, передового опыта, повышению квалификации и улучшению материально-бытового положения рабочих. Договоры о соревновании заключались также между округами при повсеместном развитии соревнования в самих округах.

БКП придавала большое значение практике социалистических обязательств. Социалистические обязательства предприятий популяризировались в центральной и местной периодической печати.

В годы третьей пятилетки в Болгарии зародились и распространились бригады комплексной организации и оплаты труда. Широкое развитие по сравнению с предшествующим периодом комплексной механизации, внедрение автоматических устройств потребовали коллективного обслуживания агрегатов, знания смежных профессий. Практика отдельных предприятий показала целесообразность применения комплексной организации труда ³⁴. Ее выгоды побуждали рабочих к овладению несколькими специальностями ³⁵. Комплексная организация труда повысила взаимный контроль и ответственность рабочих за выполнение плановых заданий и принятых обязательств, заинтересованность всего рабочего коллектива в ритмичности производства.

Показателем развития социалистической демократии, творческой инициативы трудящихся масс было повсеместное внедрение общественных начал в работу государственных и хозяйственных органов. Особенно большую роль играли общественные организации в осуществлении контроля за различными видами производственной деятельности предприятий и работой учреждений.

Характерной чертой этих организаций являлось то, что в них вовлекались люди самых различных профессий и положений — от рядового рабочего до руководителя предприятия. Расширение общественных начал способствовало сокращению штатного аппарата и управленческих расходов. Однако, как отметил Т. Живков в докладе на Декабрьском пленуме ЦК БКП 1961 г., принцип общественного начала в работе государственных и хозяйственных органов является не только и не столько финансовым вопросом, сколько вопросом политическим, вопросом более полного привлечения широких трудящихся масс к руководству всей жизнью на местах, вопросом постепенного усиления самоуправления масс ³⁶. Расширение общественных начал в области управления производством являлось прямым следствием многогранной работы БКП по по-

³² «Ново време», 1962, кн. 4, с. 6.

³³ М. Г р и г о р о в. За нов подем в идеологическата работа на предприятия. София, 1962, с. 18.

³⁴ См. «Отечествен фронт», 21 III 1959; С. Г. Г е о р г и е в, П. Х р и с т о в. Комунистите в един завод «К. Маркс», Варна, 1961; «Партиен живот», 1960, кн. 6, с. 17.

³⁵ «Учим се да работи и живее по-комунистически. Статистически приложения», с. 205.

³⁶ «Работническо дело», 2 XII 1961.

выпению роли общественных организаций в экономической и политической жизни страны.

Исходя из опыта КПСС, по решению Политбюро в начале 1960 г. в Болгарии были созданы комиссии партийного контроля за деятельностью административного аппарата во всех отраслях народного хозяйства. Это решение было зафиксировано впоследствии Уставом БКП, принятым на VIII съезде партии³⁷.

Комиссии партийного контроля избирались на собраниях первичных партийных организаций. Они создавались по важнейшим хозяйственным проблемам: техническому прогрессу, экономии сырья и материалов, снижению себестоимости, использованию производственных мощностей, улучшению технологии производства, материально-техническому снабжению и т. д.³⁸. Создание комиссий партийного контроля за деятельностью администрации предприятий и учреждений явилось новым шагом на пути дальнейшего развития демократического централизма в хозяйственном управлении, ленинских принципов коллективного руководства в работе партийных органов и организаций. Большое внимание партийные органы и организации стали уделять вопросам технического прогресса. Получили признание общественные обследования предприятий³⁹. Партийные организации оказывали всестороннюю поддержку проведению различных рационализаторских конкурсов. Развитие инициативы общественности получило выражение в создании различных бригад, групп и комиссий из партийных и комсомольских активистов и специалистов с целью совершенствования техники и технологии производства.

Выполняя решения Июльского пленума ЦК БКП, Димитровский окружной комитет партии выдвинул инициативу создания отраслевых специализированных бригад в помощь промышленным предприятиям и стройкам⁴⁰. При окружных комитетах БКП создаются постоянно действующие комиссии по раскрытию и использованию дополнительных резервов в промышленности, строительстве и транспорте⁴¹.

Зарождаются и распространяются такие формы технико-экономического творчества трудящихся, как общественные конструкторские бюро, бюро экономического анализа, бюро по качеству продукции и т. д.⁴². Новой формой руководства техническим прогрессом в промышленности явились технико-экономические советы, образуемые при ведомствах, окружных народных советах, управлениях и на отдельных крупных предприятиях, бюро по изобретениям и рационализации, а на некоторых предприятиях — экспериментальные базы и лаборатории⁴³.

Развитие технического творчества сопровождалось ростом научно-технических знаний трудящихся. К распространению технических и научных знаний среди рабочих привлекались специалисты и ученые. Эта задача решалась не только вузами страны, но непосредственно на предприятиях, у станка, в сети общественного технико-экономического обучения трудящихся. В 1961—1962 гг. впервые был организован технический учебный год на предприятиях. В различных его звеньях обучалось более

³⁷ «Устав на Българска комунистическа партия». София, 1962, с. 57—58.

³⁸ «Партиен живот», 1960, кн. 9, с. 9; «Работническо дело», 14. II, 3 V 1961.

³⁹ «Партиен живот», 1962, кн. 10, с. 31.

⁴⁰ «Работническо дело», 28 I 1960; «Партийната организация — двигател на техническия прогрес». София, 1962, с. 24; «Пети пленум на Централния съвет на професионалните съюзи, 26 август 1963. Материали». София, 1963, с. 60.

⁴¹ «Работническо дело», 5 II 1962; «Партиен живот», 1962, кн. 4, с. 26.

⁴² «Трети пленум на Централния съвет на професионалните съюзи, 13 декември 1962 г.». София, 1963, с. 62; «Ново време», 1962, кн. 12, с. 86.

⁴³ «Партиен живот», 1962, кн. 1, с. 374; «Отечествен фронт», 30 IX 1961; «Справочник на активиста», с. 295.

60% рабочих и инженерно-технических работников. В 1962/63 году обучалось 710 тыс. человек⁴⁴. В 1961 г. в стране действовало более 100 народных университетов по технике, число их слушателей превышало 20 тыс. человек⁴⁵. В следующем году насчитывалось 183 народных университета по технике⁴⁶. В 1962/63 учебном году было создано 8849 школ по изучению передового опыта, действовало 484 технических кружка⁴⁷.

Важным средством распространения технических знаний среди трудящихся являлось широкое обсуждение материалов конкурсов, смотры новейших достижений болгарской промышленности, школы передовиков по овладению техническими знаниями, курсы повышения квалификации, лекционная пропаганда, работа технических кабинетов и т. д.

Развернувшееся в стране движение за коммунистический труд также способствовало повышению квалификации рабочих, которые брали обязательства по повышению профессиональной подготовки. Передовики производства передавали рабочим свой опыт и знания. Примечателен в этом отношении почин ловчанцев, возникший в 1962 г. и получивший высокую оценку партии. Накануне VIII съезда БКП родилось движение передовиков производства «Передай свой опыт и знания», которое за короткий период предсъездовского соревнования охватило 70 тыс. передовиков производства, обучивших своим методам работы 200 тыс. рабочих⁴⁸. В 1964 г. в школах передового опыта 14 тыс. рабочих получили вторую профессию⁴⁹.

Подъем технического творчества трудящихся дал толчок рационализаторскому движению, которое превратилось в массовое движение трудящихся, сплоченных в творческие коллективы, сочетавших практическую работу с научной подготовкой их участников⁵⁰. Особенно интенсивно развивалось рационализаторское, изобретательское движение в машиностроительной промышленности⁵¹. Увеличилось не только число рацпредложений, но и экономический эффект от их внедрения⁵². На основе быстрого роста рационализаторского движения резко возросли поступления в фонды рационализации. На некоторых промышленных предприятиях число рационализаторов достигло 20 и более процентов от всего числа рабочих⁵³.

Глубокие сдвиги в развитии творческой активности болгарских трудящихся в строительстве социализма являются убедительным опровержением вымыслов апологетов капитализма (вроде Т. Петкова)⁵⁴.

⁴⁴ «Осми конгрес на БКП. Стенографски протокол», с. 473.

⁴⁵ «Работническо дело», 11 X 1961.

⁴⁶ «Трети пленум на Централния съвет на професионалните съюзи», с. 69—71.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ «Осми конгрес на БКП. Стенографски протокол», с. 334.

⁴⁹ Н. Н и к о л о в. Движението за комунистически труд..., с. 34.

⁵⁰ «Осми конгрес на БКП. Стенографски протокол», с. 382; «Планово стопанство и статистика», 1961, кн. 5, с. 28; «Рационализация и стандартизация», 1961, кн. 1, с. 1.

⁵¹ «Планово стопанство и статистика», 1961, кн. 5, с. 32; «Статистически годишник на НРБ», с. 131.

⁵² «Работническо дело», 27 I 1963; «Статистически годишник на НРБ», 1963, с. 136.

⁵³ «Рационализация и стандартизация», 1961, кн. 8, с. 4.

⁵⁴ Т. Р е т к о в. Chechoslovakia. El socialismo como problema. Caracas, 1969, p. 22; R. A r o n. Le developement de la société industrielle et la stratification sociale. Paris, 1956, p. 187.

А. Ф. НОСКОВА

ФАШИСТСКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ И ПОЗИЦИИ КЛАССОВ И СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Почти сорок лет прошло со времени начала второй мировой войны, одной из самых кровопролитных войн за всю историю человечества. Развязанная фашистской Германией война полыхала в Европе, Азии и Африке долгих шесть лет. Она унесла 50 млн. жизней, оставила калеками миллионы людей, уничтожила тысячи городов и сел, нанесла колоссальный материальный ущерб десяткам воюющих государств. Фашистский так называемый новый порядок принес народам оккупированных гитлеровской Германией стран чудовищные испытания, зверства и насилия, нечеловеческий труд и смерть в концентрационных лагерях. С наибольшей жестокостью «новый порядок» насаждался на временно оккупированных землях Советского Союза и стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Чехословакия, Польша, Югославия, Греция и Албания исчезли с карты Европы как самостоятельные государства. Часть исконной территории этих государств была включена в состав «третьей империи», часть — оккупирована войсками гитлеровской Германии, ее союзников и сателлитов, на некоторых землях были созданы псевдосамостоятельные государственные образования¹.

Какая же судьба ожидала народы ликвидированных гитлеровцами государств? Незадолго до начала и в годы второй мировой войны, исходя из псевдонаучных геополитических теорий о «жизненном пространстве», людях высшей расы и недочеловеках, гитлеровцы разрабатывали планы «преобразования» европейского континента. Под «преобразованием» нацисты понимали не только покорение государств, лежавших на восток и юго-восток от Германии, но и уничтожение их самостоятельной государственности, национальной самобытности, культуры, германизацию незначительной доли местного населения и превращение большего его числа в бесправных рабов. Освобожденные от «иноплеменников» захваченные земли подлежали немецкой колонизации.

¹ Подробнее см. «История Чехословакии», т. III. М., 1960, с. 326—328; Н. Д. Смирнова. Балканская политика фашистской Италии. М., 1969; «Краткая история Албании». М., 1965; «История национального сопротивления в Греции. 1940—1945». Пер. с греч., 1977, с. 67; Г. Д. Кирьякидис. Греция во второй мировой войне. М., 1967, с. 81—82; «История второй мировой войны», т. 3. М., 1974, с. 271—272; БСЭ, т. 15. М., 1974, с. 235; СИЭ, т. 2. М., 1962, с. 545; F. C u l i n o v i ć. Okupatorska podjela Jugoslavije. Beograd, 1970, s. 77.

На карте покоренной Европы гитлеровцы видели «Великую Германию», расширенную за счет Австрии, чешских земель, западных территорий Польши, некоторых районов Югославии и окруженную конгломератом колоний, среди которых фигурировали урезанная Польша, Прибалтика, Венгрия, балканские государства, Украина, Поволжье, Кавказ².

Некоторые народы европейского континента, например, норвежцев, датчан, голландцев, гитлеровцы считали пригодными к германизации, большинству же было уготовано национальное и физическое уничтожение. В первую очередь это касалось славян и еврейского населения Европы.

В 1939—1940 гг. усилия нацистских «экспертов» были сконцентрированы на создании проектов «решения» польской и чешской национальных «проблем»³. Позднее появились планы «окончательного решения еврейского вопроса» и планы относительно народов Югославии и Советского Союза, а также для комплекса захваченных территорий. Центральное место среди них занимал так называемый Генеральный план Ост⁴.

Превращением части чешских земель в протекторат и созданием «независимой» Словакии, как полагали нацисты, навсегда закрывалась история чехословацкого государства. Память же о нем они рассчитывали уничтожить массовой ассимиляцией словаков и значительной части чехов. Что касается Польши, то, с точки зрения нацистов, было недостаточно расчленив страну, отняв у нее наиболее экономически развитые области и превратив остальные в германское «жизненное пространство», следовало еще осуществить массовое физическое истребление поляков.

Проблема уничтожения многонационального югославского государства, по мнению гитлеровцев, решалась окончательно его расчленением, политикой массового физического истребления главным образом сербского населения и созданием ряда марионеточных режимов⁵.

Самая жестокая политика национальной дискриминации, удушения национального самосознания и национальной культуры поработенных народов проводилась нацистами на присоединенных к рейху и объявленных сразу «немецкими» польских, чехословацких и югославских землях. Здесь уже во время войны осуществлялись насильственная германизация, методическая колонизация и массовые выселения «непригодных» к ассимиляции местных жителей. Из пограничных областей гитлеровцы изгнали большую часть чешского населения, из Северной Словении выселили 50 тысяч словенцев, из «присоединенных» польских территорий эмигранты

² См. подробнее А. И. Недорезов. Фашистские планы германизации славянских стран в годы второй мировой войны. В кн. Немецко-фашистский оккупационный режим. М., 1965; А. Ф. Носкова. Захватнические планы гитлеровской Германии на Востоке Европы. В кн. Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971; В. И. Дашичев. Банкротство стратегии германского фашизма, т. 2. М., 1973, с. 42—57.

³ «Военно-исторический журнал», 1960, № 1; «Die Deutschen in der Tschechoslowakei. 1933—1947», Prag, 1964, S. 422—423; «Die Vergangenheit warnt», Prag, 1962, S. 43; D. Brandes. Die Tschechen unter deutschen Protektorat, t. I. München, 1969, S. 126—127, 129—130, 132; K. M. Pospieszalski. Hitlerowskie «prawo okupacyjne w Polsce. Poznań, 1952, s. 2—28.

⁴ См., например, Cz. Madajczyk. Polityka III Rzeszy w okupowanej Polsce, t. I. Warszawa, 1970; M. Karny. Generalny plan Vychod. «Ceskoslovenský časopis historický», 1977, № 3; Л. А. Безыменский. Генеральный план Ост: замысел, цели, финал. «Вопросы истории», 1978, № 5.

⁵ Показательно, что иллюзорный характер независимости Словакии и Хорватии признается и современной буржуазной историографией. См. J. Kaiser. Die politik des Dritten Reiches gegenüber der Slowakei 1939—1945. Bochum, 1969; G. Friek. Kroatien. 1941—1944. Der «Unabhängige Staat» in der Sicht des Deutschen Bevollmächtigten Generals in Agram, Glaise v. Horstenau. Freiburg, 1972.

Гимmlера депортировали более 1,5 млн поляков. Все оставшееся население этих областей подлежало жестокой германизации⁶.

За годы оккупации гитлеровцы уничтожили в так называемом генерал-губернаторстве для оккупированных польских областей почти все очаги науки и культуры, закрыли университеты, разрушили систему просвещения, допустив существование лишь ограниченного числа начальных польских школ, ликвидировали польские театры, музеи, запретили печать на польском языке⁷. В одной из директив Гимmlера на этот счет говорилось: «...достаточно наличия четырехклассной народной школы. Целью обучения в этой народной школе должно быть только: простой счет, самое большее до 500, умение расписываться, внушение, что божественная заповедь заключается в том, чтобы повиноваться немцам...»⁸. Составным элементом нацистской политики стали попытки германизации польского населения (особенно массовой германизация была в Силезии, Великой Польше и Поморье), выделение среди поляков особых привилегированных групп (например, гуралей), заселение польских территорий немецкими колонистами, изгнание поляков с земли их отцов и дедов. Таким образом, так называемая национальная политика гитлеровцев в Польше представляла смертельную опасность для всего польского общества. Она в равной мере угрожала рабочему и предпринимателю, крестьянину и землевладельцу, сельскому учителю и чиновнику высокого ранга, каждому поляку, каждому еврею. Основная волна репрессий была направлена против революционных, передовых кругов общества, национальной интеллигенции, а также политических и общественных активистов вне зависимости от их убеждений.

В античешской политике нацистов в отличие от деятельности гитлеровцев на польских землях переплетались две линии: традиционная, опирающаяся на коллаборационизм, и линия на применение «крайних мер». В зависимости от международной и военно-политической ситуации оккупанты применяли их то поочередно, то в совокупности⁹. Но в преобладающей мере нацисты использовали в протекторате эластичные, более рафинированные методы управления, ограничения культурной и национальной жизни вводились постепенно и довольно осторожно, активно использовались чешские коллаборационисты. Это объяснялось рядом факторов и, в первую очередь, серьезной военно-стратегической и экономической заинтересованностью Германии в промышленном потенциале чешских земель. Протекторат, земли которого, по мнению нацистов, «тысячелетиями составляли жизненное пространство немецкого народа», считался автономной территорией в германской империи¹⁰. Гитлеровцами было сохранено довоенный государственный аппарат, создано правительство, абсолютно подчинявшееся нацистской администрации во главе с германским

⁶ «Немецко-фашистский оккупационный режим». М., 1965, с. 144—146; Ч. Л у ч а к. Гитлеровские выселения на так называемых Восточных землях, присоединенных к рейху. «Studia Historike Oeconomicae», Poznań, 1973, s. 160; CA KC PZPR sygn P—193—Biuletyn Informacyjny, 1944, 161, s. 54; T. F e r e n c. Nacistična raznarodovalna politika v Sloveniji v letih 1941—1945, Maribor, 1968, s. 332; Cz. M a d a j c z y k. Kształtowanie systemu okupacyjnego w Europie Środkowej przez III Rzesza (1939—1945) «Dzieje Najnowsze», 1971, № 1/2, s. 166—167; V. P r ů c h a. Vědecká sdělní. Změny v sociální struktuře československé společnosti v letech 1938—1945. Praha, 1969, s. 7—8.

⁷ Подробнее см. «История Польши», т. III. М., 1958; А. Ф. Н о с к о в а. Разорение экономики Польши гитлеровской Германией. М., 1971, гл. 1; Cz. M a d a j c z y k. Polityka..., t. I, cz. II; Ch. K l e s s m a n n. Die Selbstbehauptung einer Nation. NS-Kulturpolitik und polnische Widerstandsbewegung. Düsseldorf, 1971.

⁸ «Военно-исторический журнал», 1960, № 1, с. 88—89.

⁹ «Odboj a revoluce. 1938—1945». Praha, 1965, s. 45.

¹⁰ «Der Nationalsozialismus. Dokumente. 1933—1945». Frankfurt a. M., 1957, S. 224.

протектором и исполнявшее роль гитлеровской агентуры в чешском обществе. Оставался в употреблении чешский язык. Все это создавало иллюзию национальной автономии протектората. Как считают чешские исследователи, оккупационный режим был прикрыт фикцией нормально живущего общества¹¹.

С установлением оккупационного режима в Польше, с разгромом Франции и подчинением Западной Европы, с расширением «нового порядка» на всю Юго-Восточную Европу, с оккупацией советских земель ситуация в протекторате изменялась: все чаще использовались «крайние меры», национальная политика нацистов ужесточалась¹². Не разрушая внешнего фасада автономного протектората, гитлеровцы по сути дела приступили к постепенной ликвидации этой автономии и германизации чешского населения.

Национальная политика оккупантов в протекторате была направлена против всего чешского народа, она поставила под Дамоклов меч каждого чешского патриота. Но первый удар был нанесен большому отряду национальной интеллигенции, главным образом, бывшим государственными служащим, офицерству, учителям, преподавателям высших школ и студентам. Лишенные в условиях оккупации источников существования, они вынуждены были пополнять ряды мелких ремесленников, торговцев, крестьян, рабочего класса.

Марионеточное государственное образование — «независимая» Словакия не считалась территорией оккупированной, но ее внутри- и внешнеполитическая зависимость от Германии была столь глубока, что в действительности «особое» положение словаков и словацкого государства в системе гитлеровского «нового порядка» было и фиктивным и временным. Нацистские эксперты полагали, что среди словацкого населения сильно развито «германское начало», а потому быстрая и тотальная его ассимиляция казалась легко и просто выполнимой. Создание же «независимого» словацкого государства представляло собой политический маневр, рассчитанный на использование словацкого сепаратизма, на поддержание античешских настроений в некоторых кругах словацкого общества, на умерщвление самой идеи единого чехословацкого государства, на доказательство внутренней нежизнеспособности Чехословакии¹³.

Многочисленные договоры и соглашения между Германией и Словакией давали нацистам возможности для всестороннего вмешательства в дела «республики». Немецкий представитель в Словакии выполнял те же функции, что и имперский протектор в Чехии. Страну наводнили гитлеровские советники и консультанты, которые контролировали деятельность не только правительства, но и всех словацких учреждений во всех отраслях хозяйства, включая общественно-политическую жизнь Словакии. Беспрекословными исполнителями воли нацистов выступали клеро-фашисты — словацкая разновидность фашизма¹⁴, — которые использовали сепаратистские и националистические настроения мелкобуржуазных масс. Иллюзии словацкого общества, вызванные фактом обретения «независимости», постепенно исчезали, зловещая роль и истинные цели Германии становились ясными даже тем, кто поддерживал клеро-фашизм, кто наживался

¹¹ Odboj..., s. 450.

¹² V. K r á l. Pravda o okupaci. Praha, 1962, s. 157; «Z počátků odboji. 1938—1941». Praha, 1969, s. 67—74; D. B r a n d e s, t. I, S. 53—54.

¹³ H. D r e s s. Slowakei und faschistische Neuordnung Europas. 1939—1941. Berlin, 1972, S. 57.

¹⁴ Подробнее см. «История Чехословакии», т. III, с. 327—329; Г. Г у с а к. Свидетельство о Словацком национальном восстании. М., 1962; L. K o v a č í k. Sloveňsko v sieti nemeckého finančného kapitalu. Bratislava, 1955.

на военных заказах, обеспечивающих временно благоприятную экономическую обстановку в стране.

Захватив и расчленив Югославию (решение о расчленении было принято еще до окончания военных действий), гитлеровцы по существу повторили на Балканах словацкий вариант раскола страны изнутри, выделив «независимое государство Хорватию» среди прочих оккупированных и аннексированных югославских территорий. Сохранение местных органов власти и правительств и в «независимом государстве Хорватии» и в оккупированной гитлеровцами Сербии призвано было способствовать выполнению основных замыслов нацистов в отношении Югославии¹⁵. Оккупационная политика проводилась в Югославии не только германскими оккупантами, но и их союзниками — болгарскими, итальянскими и венгерскими фашистами.

Составным ее элементом было разжигание национальной вражды, травмирование национального самосознания и чувства славянской общности у народов, населявших довоенную Югославию. Оккупанты и их местные приспешники делали ставку на шовинистические и сепаратистские настроения некоторых, главным образом, буржуазных и мелкобуржуазных кругов югославского общества. Хорватские фашисты-усташи, например, культивировали идею готского происхождения хорватов и отрицали их родство с сербами. На югославских землях запрещалось употребление славянского алфавита — кириллицы, насильственно насаждался немецкий язык. Массовым было уничтожение книг, архивов, музеев, произведений национального искусства. Закрывались школы, прекратилась печать на национальном языке, ликвидировались центры национальной культуры, запрещены были различные общественные и политические организации¹⁶. Оккупанты поощряли национальные гонения в Боснии, Герцеговине, Хорватии, Сербии, раздували религиозные распри, стравливали мусульман, католиков и православных¹⁷. В первую очередь жестокие преследования оккупантов обрушились на сербов, в особенности проживавших в Боснии, Герцеговине, Словении и в «независимом государстве Хорватии». Руками хорватских фашистов, немецких, итальянских и венгерских оккупантов проводились массовые истребления, переселения и выселения сербов и словенцев¹⁸.

Гитлеровская национальная политика в Югославии преследовала цель не только полностью подавить самосознание народов этой страны. Оккупанты стремились, инспирируя национальные распри, взорвать быстро формирующееся и крепнущее единство всех народов Югославии в борьбе с фашистами.

Итальянская (а после капитуляции Италии — немецкая) оккупация Албании не выходила в основном за пределы традиционных форм оккупационного режима¹⁹. Итальянский фашизм, стремившийся прибрать к своим рукам природные богатства Албании — нефть, уголь, хром, цветные металлы, продовольствие, — обещал Албании экономическое процветание. Между Албанией и Италией был заключен таможенно-валютный союз, поощрялось создание разных акционерных итальянских и смешан-

¹⁵ «Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu naroda Jugoslavije» t. XII, knj. 1; «Dokumenti nemčkog rajha. 1941», Beograd, 1973, s. 36—40, 72—75.

¹⁶ «История Югославии», т. II. М., 1963, с. 188.

¹⁷ F. Culinović. Ibid., s. 325, 343, 345.

¹⁸ См. подробнее: «Нацистские злодеяния в Югославии. 1941—1945». Београд, 1965, с. 6—7, 9—10; А. Джолагич, Ж. Атанацкович, Д. Пленча. Югославия во второй мировой войне. Београд, 1967, с. 39. «Zbornik dokumenata...», s. 92—93.

¹⁹ «Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». М., 1977, с. 128.

ных итало-албанских обществ для выкачивания из страны сырья и продовольствия. На волне временной конъюнктуры в начале оккупации выросли доходы албанских господствующих классов, несколько увеличилась занятость рабочих рук. Под влиянием этих экономических факторов, а также под воздействием широкой фашистской пропаганды мелкобуржуазные слои города и деревни поддавались националистическим настроениям²⁰.

Но уже в 1941 г. оккупационная система в Албании, превращенной в итальянскую колонию²¹, переживала кризис. Возникшая в 1941 г. Компартия Албании наметила программу борьбы против оккупантов. В стране стали появляться также мелкобуржуазные патриотические организации. В 1942 г. был создан Фронт национального освобождения под руководством КПА, опирающийся на значительную часть крестьянства, рабочий класс и патриотическую интеллигенцию.

Национальная программа гитлеровцев в Греции предусматривала массовое и систематическое уничтожение греческой интеллигенции. В годы оккупации были расстреляны или повешены тысячи учителей, адвокатов, врачей, писателей, деятелей культуры и искусства. Разогнав весь профессорско-преподавательский состав, нацисты закрыли Афинский университет. Во всех школах было введено обязательное обучение немецкому и итальянскому языкам, урезано преподавание греческого языка и греческой истории. Фашисты закрыли все зрелищные учреждения, разграбили, вывезли в Германию или уничтожили на месте ценнейшие памятники греческой культуры и произведения искусства. Фашистский «новый порядок» поставил необычайно остро проблему дальнейшего национального существования многих народов. Несмотря на некоторую специфику национальной политики, гитлеровцы преследовали одну цель — подавить способность народов к самостоятельному существованию и к борьбе за это существование. Чуждость человека неавторитарных программ и целей захватчиков, невиданная доселе жестокость созданного ими аппарата власти и принуждения резко обнажили и выдвинули для всех патриотических сил покоренных народов вопрос о неотложной необходимости борьбы с оккупантами. Национальная программа и реальная политика оккупантов представляли собой прямую угрозу для всех социальных категорий местного населения, поскольку были направлены на уничтожение нации, на духовную деградацию и физическое истребление людей «низшей расы». Эта угроза была быстро (как, например, в Югославии и Польше) или постепенно (как в Чехословакии) осознана самыми широкими слоями каждого национального общества, в первую очередь рабочим классом, крестьянством, интеллигенцией, мелкобуржуазными слоями города, не смирившимися с фактом потери независимости, с перспективой национального уничтожения.

Городская промышленная и финансовая буржуазия, крупные землевладельцы поставили на первый план спасение своих классовых позиций. Представители господствующих классов стран Центральной и Юго-Восточной Европы активно сотрудничали с оккупантами, если последние допускали это сотрудничество. На сознательное предательство национальных интересов пошла, как правило, подавляющая часть крупной чешской, словацкой, греческой буржуазии, албанская знать, стремившиеся использовать экономическую конъюнктуру военного времени, югославские собственники, видевшие в оккупантах своих прямых союзников в борьбе

²⁰ Н. Д. Смирнова. Образование Народной Республики Албании. М., 1960, с. 56-68.

²¹ Это признают и буржуазные исследователи. См., например, Н. Ж. Рернаск. Probleme der wirtschaftlichen Entwicklung Albaniens. München, 1972, S. 81-84.

с восставшими народными массами. Только незначительные группы национальной буржуазии стран региона, движимые патриотическими настроениями и убеждениями, влились в формирующийся антифашистский лагерь. Специфической была позиция польских имущих классов, которые с начала оккупации были поставлены, как и вся нация, на грань национального и физического уничтожения. Это обусловило их довольно устойчивые антигитлеровские позиции.

Одним из главных инструментов осуществления национальной политики был жесточайший террор, который свирепствовал во всех странах и на всех покоренных землях. В странах Центральной и Юго-Восточной Европы гитлеровский террор принял чудовищные масштабы.

В первую очередь осуществлялось массовое уничтожение лиц, представлявших прямую опасность для нацистов, непримиримых, сознательных противников фашизма — коммунистов, социалистов, демократических и антифашистских деятелей, способных организовать и повести народные массы на борьбу с оккупантами, а также всех тех, кто принимал активное участие в культурной, общественной, религиозной и национальной жизни страны в довоенный период. На некоторых оккупированных территориях (польские, сербские, позднее советские земли) нацисты приступили к выполнению программы биологического уничтожения обреченных ими наций. Общее число жертв гитлеровского террора исчисляется десятками миллионов: на оккупированных территориях от рук нацистских палачей погибло около 20 млн человек²². Наибольшее число жертв гитлеровского террора приходится на Польшу: 5,4 млн поляков погибли в тюрьмах и концлагерях, были казнены на улицах городов и сел²³.

Волна варварского террора обрушилась и на югославскую землю, где активное участие в террористических акциях наряду со специальными полицейскими и эсэсовскими частями, принимал гитлеровский вермахт. Террор в Югославии превратился в массовое и систематическое истребление югославских народов, повсеместно поддерживавших народно-освободительную армию. За годы войны Югославия потеряла 1,7 млн своих граждан, из них 1,4 млн погибли вследствие террора и репрессий оккупантов²⁴.

Террористические мероприятия оккупантов в Греции не приняли такого масштаба, как например, в Польше, но и они унесли 405 тысяч жизней²⁵.

Одна из особенностей гитлеровского режима в протекторате состояла в отказе от политики массового истребления чехов. Узкие по масштабам репрессии, особенно в начальный период, были рассчитаны не на физическое уничтожение нации, а на устрашение чешского общества²⁶. Они направлялись, главным образом, против активных чешских патриотов, участников Сопротивления и членов КПЧ, всех тех, кто не поддавался гитлеровской политике *Entpolitisierung*. Даже после убийства Р. Гейдриха новый наместник — К. Франк, проведя серию репрессивных мер против чехов, пытался ввести жизнь в протекторате в «спокойное» русло. С осени 1942 г. главным мотивом в оккупационной политике в протекторате становится своеобразное заигрывание с чешским населением²⁷. Тем не ме-

²² Cz. Pilichowski. Hitlerowski program zagłady narodu polskiego i jego realizacja w latach 1939—1945. «Dzieje Najnowsze», 1971, № 1/2, s. 226; H. Kühnrich. Der KZ — Staat. Berlin, 1960, S. 115.

²³ Cz. Madajczuk. Ibid., t. 2, s. 371.

²⁴ «Les systèmes d'occupation en Yougoslavie. 1941—1945». Beograd, 1963, p. 28—29.

²⁵ Г. Д. Кирьякидис. Там же, с. 153.

²⁶ «Odboj...», S. 146—147.

²⁷ Ibid., s. 224.

нее, 340 тысяч чехословацких граждан погибло от рук нацистов в годы войны²⁸.

Таким образом, перед угрозой физического уничтожения оказались прежде всего широкие народные трудящиеся массы: тысячи рабочих — членов коммунистических и социалистических партий, профсоюзные деятели, крестьянство, национальная интеллигенция, не мирившаяся с разворачивавшимся процессом национального подавления. Значительно меньшей была угроза физической гибели для бывших господствующих классов оккупированных стран, которые всеми силами стремились приспособиться к условиям оккупации, видели в коллаборационизме возможность пережить «нелегкие» времена. Мелким и средним буржуазным слоям это, как правило, не удавалось. Крупная буржуазия города и деревни спасалась от репрессий, предавая своих соотечественников, продавая их труд здоровье, жизни.

Но не национальная политика оккупантов, не репрессии и массовые расстрелы определяли и определили в конечном счете позиции бывших господствующих классов. В самой значительной мере эти позиции обуславливались деятельностью оккупантов в сфере экономики. Материальное положение и настроения различных социальных слоев и прослоек во всех оккупированных странах зависели от этого направления оккупационной политики, но для имущих классов оно имело решающее значение.

Экономическая политика нацистов в Германии и оккупированных странах была подчинена обслуживанию текущих военно-стратегических и хозяйственных потребностей Германии и ее армии. Кроме того, эта политика должна была подготовить условия для реконструкции всего континента в соответствии с планами создания «великогерманской экономической сферы»²⁹. По этим планам Центральная, за исключением чешских земель, и Юго-Восточная Европа должна была служить сырьевой базой, поставщиком продовольствия и дешевых рабочих рук³⁰. В захваченных странах указанного региона, в первую очередь в славянских странах, имели место не только жесточайшая эксплуатация, но и, как правило, разрушение сложившейся экономической структуры. Оккупанты ставили задачу изменить национальный характер экономики захваченных земель, переориентировать хозяйство только на обслуживание потребностей Германии.

Методы и средства использования оккупантами экономического потенциала захваченных стран были весьма разнообразны: от примитивного разграбления материальных ценностей до применения сложных экономических рычагов эксплуатации хозяйства и людских ресурсов. Исходным пунктом в деятельности оккупантов всегда был прямой или косвенный захват собственности и ключевых позиций в экономике оккупированных земель, сосредоточение в руках оккупационной администрации и германских монополий уже во время войны фактического управления хозяйством, системы распределения сырья, заказов, прибылей, обеспечения производства рабочей силой, топливом. Захват национальной собственности осуществлялся путем массовых конфискаций частного и государственного достояния, установления «опеки», контроля, управления ок-

²⁸ «История Чехословакии», т. III, с. 332; D. V r a n d e s. Ibid., t. I, S. 242, 266.

²⁹ Подробнее см. «Анатомия войны». Новые документы о роли германского монополистического капитала во второй мировой войне. М., 1971; A. M i l w a r d. Die deutsche Kriegswirtschaft 1939—1945. Stuttgart, 1966; D. E i c h h o l t z. Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft. 1939—1945. Bd. I, 1939—1941. Berlin, 1969.

³⁰ K. D r e c h s l e r, H. D r e s s, G. H a s s. Miejsce Europy Środkowej w koncepcji gospodarki wielkiego obszaru. Przyczynek do zagadnienia celów wojennych faszystowskiego imperializmu niemieckiego w Europie w latach 1939—1945. «Dzieje Najnowsze», 1971, № 1/2, s. 185—188.

купантов, внедрения немецкого, итальянского, венгерского капитала в экономику захваченных территорий.

На присоединенных к Германии польских, чешских и словенских землях гитлеровцы по сути дела ликвидировали само право собственности для славян. Германизация шла быстро и носила массовый характер³¹.

На оккупированных территориях дело обстояло несколько иначе³². Начав с захвата государственной, иностранной, еврейской и крупной частной польской собственности в генерал-губернаторстве, нацисты перешли на рубеже 1942—1943 гг. к массовому уничтожению среднего и мелкого польского капитала³³. Так были созданы благоприятные условия для широкого проникновения германского капитала в польскую экономику и для практической ликвидации в недалеком будущем польского предпринимательства вообще. Такая политика гитлеровцев оказала серьезное влияние на позицию польской промышленной и финансовой буржуазии, почти полностью лишенной возможности сотрудничества с оккупантами на экономической основе. Наступление нацистов на среднюю и мелкую буржуазию города в ходе так называемой ликвидационной акции сужало возможности коллаборационизма со стороны и этого отряда польской буржуазии. Полное отсутствие условий для коллаборационизма на присоединенных польских землях и почти полное в генерал-губернаторстве, открыто антипольские акции гитлеровцев, направленные против нации в целом, усиливали антигитлеровскую позицию польской буржуазии и создавали в условиях оккупации вариант определенного (как показала история — временного) совпадения классовых интересов польской буржуазии с интересами общенациональными. Последнее, однако, не исключало краткосрочного экономического сотрудничества отдельных представителей польской буржуазии (и города, и деревни) с нацистами и ни в коем случае не ликвидировало жесточайшей классовой эксплуатации ею своих соплеменников — рабочих, разоряющейся мелкой буржуазии города, лишенной профессиональной занятости интеллигенции, деревенской бедноты. Проблема социальной дифференциации польского общества и классовых противоречий в нем не была снята или перечеркнута в условиях гитлеровской оккупации. В общенациональном масштабе она лишь временно отошла на второй план, была как бы перекрыта остротой вопроса восстановления независимости и спасения польской нации как таковой. Таким образом, и национальная и экономическая политика нацистов толкала подавляющую часть польской городской буржуазии на антигитлеровские позиции, делала ее одним из участников лагеря, противостоящего оккупантам.

В несколько более выгодное положение была поставлена оккупантами польская земельная аристократия и сельская буржуазия генерал-губернаторства. Для них угроза полной, немедленной и окончательной потери имущества была пока меньше, так как в условиях войны немецкие колонизационные и германизаторские мероприятия на оккупированных польских землях не были столь массовыми, как на включенных в состав рейха территориях, и имели лишь пробный и локальный характер. Правда, и в генерал-губернаторстве в руки оккупантов по различным причинам перешла $\frac{1}{3}$ площади крупных помещичьих имений, под контролем же или управлением нацистской администрации находились все крупные земель-

³¹ «Нюрнбергский процесс», т. 3. М., 1953, с. 384; «Dokumenta Occupationis teutonicae», t. V. Poznań, 1952, s. 54, 68, 215, 226.

³² Подробнее см. А. Ф. Носкова. Разорение экономики..., с. 81—82.

³³ Доля иностранного капитала в акционерных обществах на территории Польши в 1937 г. составляла 40,1%. См. I. K o s t r o w i c k a, Z. L a n d a u. Historia gospodarcza Polski. XIX—XX w. Warszawa, 1966, s. 353.

ные владения. Но конфискации, как форма полного лишения прав собственности, применялись оккупантами в незначительной степени. Преобладали формы контроля, «опеки», принудительного управления. Это объяснялось тем, что генерал-губернаторство было одним из главных «поставщиков» продовольствия для Германии. Кроме того, национальное и структурное изменение облика сельского хозяйства этих земель было запланировано нацистами на послевоенный период. Это открывало определенные возможности для экономического сотрудничества польских земельных собственников с оккупантами.

Несмотря на все это и среди этой категории представителей польских господствующих классов широко были распространены патриотические, антигитлеровские настроения. Последним и объясняется их участие в буржуазном лагере Сопротивления. Политическая же линия, формы борьбы, программы этого лагеря были свидетельством того, что оккупационный режим не повлиял на изменение довоенных антидемократических и антисоветских, т. е. антинациональных позиций польской буржуазии³⁴. Это в свою очередь ставило польскую буржуазию за рамки антифашистского национально-демократического фронта.

Утверждение экономических позиций германского капитала в протекторате протекало путем его «мирного» проникновения в ключевые отрасли чешской экономики, подчинения германским задачам производства в этих отраслях, путем включения чешских акционерных обществ в состав немецких концернов и в результате оттеснения чешской буржуазии на второй план. Оккупанты обеспечили себе полный контроль над промышленностью протектората. Тем не менее, вопрос о полной ликвидации чешского предпринимательства и капитала в годы войны нацистами не ставился. Немецким капиталистам и монополиям принадлежало 2,3 (но в ключевых отраслях хозяйства) из 10,5 млрд крон акционерного капитала в протекторате. Экономическую власть здесь делили между собой «Г. Геринг Верке», «Дейче Банк», «Дрезднер Банк», отдельные имперские министерства и крупнейшие чешские монополии и банки протектората³⁵.

Положение чешских господствующих классов объективно было двойственным. С одной стороны, нацисты не осуществляли полной ликвидации чешского капитала. Напротив, они рассчитывали на сотрудничество германских монополий и владельцев мощной чешской промышленности. Крупная чешская промышленная и финансовая буржуазия использовала заинтересованность гитлеровцев в производстве военной продукции, приспособлялась к условиям, диктуемым из «рейха», и даже увеличивала свои прибыли. Не испытывали особых тягот оккупации и крупные чешские землевладельцы и сельская буржуазия. Но, с другой стороны, наблюдался непрерывный процесс перехода части чешского капитала в немецкие руки в результате аризации³⁶, конфискации, принудительного управления и «выкупа». Имел место захват чешской собственности в Судетах, в Словакии, за пределами буржуазной Чехословакии, а также в процессе так называемой концентрации производства после поражения под Сталинградом. В результате этого чешская крупная буржуазия все-таки утратила свои господствующие позиции, экономическая сила ее была надломлена. Она не была уже безраздельным хозяином страны, а лишь исполнителем чужой воли. Сохранение или утрата собственности чешски-

³⁴ Подробнее см. «Великий Октябрь и революции...», с. 107—108, 129—130, 139.

³⁵ D. B r a n d e s. Ibid., t. II, S. 38—41.

³⁶ В довоенной Чехословакии еврейская собственность составляла 30—40%. См. V. K r á l. Otázky hospodářského a sociálního vývoje v českých zemích. 1938—1945, d. I. Praha, 1957, s. 76.

ми капиталистами зависели лишь в малой степени от действия экономических законов капитализма. Значительно большая, а может быть решающая зависимость была национально-политического свойства — отношение чешского буржуа к оккупантам и антифашистскому подполью, объявленная нацистами «расовая ценность» конкретного лица, заинтересованность или незаинтересованность нацистов в сохранении его имущества и т. п. Кроме того, допускаемое и поддерживаемое нацистами сотрудничество крупной чешской буржуазии с германскими монополиями способствовало усилению некоторых влиятельных, связанных с военным производством групп чешских предпринимателей за счет средних и мелких. Начиная с 1942 г., нацисты приступили к ликвидации значительной части предприятий мелких и средних чешских собственников в стекольной, кожевенной, строительной, текстильной, пищевой отраслях³⁷, где чешский капитал сохранял пока свое монопольное положение. Ликвидационная акция, на фоне усиления с осени 1941 г. общей античешской направленности оккупационного режима в протекторате, серьезно повлияла на национально-политическую позицию этой категории чешских собственников, усилив антифашистские настроения. Как считают чехословацкие исследователи, чешская буржуазия стояла перед дилеммой: позиция патриота и гражданина требовала отказаться от сотрудничества с нацистами и саботировать их усилия по наращиванию военной мощи Германии; классовые же интересы диктовали такое сотрудничество. Именно они определяли поведение подавляющей части крупных чешских собственников. На антифашистские позиции переходили далеко не все. Политическая дифференциация действительно имела место среди крупной чешской буржуазии протектората, одно крыло которой участвовало в движении Сопротивления (главным образом, финансируя его). Представителем этого крыла было чехословацкое эмигрантское правительство в Лондоне, возглавлявшееся Э. Бенешем. Антифашистская часть национальной буржуазии чешских земель вошла в Национальный фронт чехов и словаков³⁸. Большая же часть чешской буржуазии, особенно крупной, занимала активно и открыто коллаборационистские позиции, противоречащие общенациональным интересам.

Иным было положение словацких буржуазных и мелкобуржуазных слоев, которые составляли массовую базу клеро-фашистского режима, спекулировавшего на античешских настроениях и религиозных чувствах мелкой буржуазии и крестьянства. Словацкая буржуазия рассчитывала максимально и политически и экономически выиграть от провозглашенной «независимости». И в определенной мере ей это удалось. Милитаризация хозяйства, военная конъюнктура, заказы гитлеровской Германии способствовали некоторому подъему промышленного производства, росту численности и занятости рабочих в Словакии³⁹. Росли при этом и прибыли словацкой буржуазии. Ее акционерный капитал вырос в несколько раз⁴⁰. Поэтому подавляющее большинство словацкой буржуазии демонстрировало постоянное стремление к сотрудничеству с германскими монополиями. Заинтересованы в сотрудничестве с Германией были и поставщики продо-

³⁷ Согласно приказу Гитлера от 3 декабря 1941 г., правительство протектората объявило о своем решении закрыть полностью или частично 2900 предприятий. К апрелю 1943 г. было закрыто 3630. См. D. V r a n d e s. Ibid., t. II, S. 47, 49.

³⁸ «Великий Октябрь и революции...», с. 148, 194—195.

³⁹ Подробнее об экономике Словакии в годы войны см. L. K o v a ě i k. Slovensko...; J. F a l t u s, V. P r ů c h a. Prehľad hospodárskeho vývoja na Slovensku v r. 1918—1945. Bratislava, 1967; A. K o c í s k a. Rabornícka trieda v boju proti fašizmu na Slovensku 1938—1941. Bratislava, 1964; M. K r o p i l a k. Slovenské národné povstanie. Bratislava, 1974.

⁴⁰ V. P r ů c h a. Ibid., s. 55, 58, 59; H. D r e s s. Ibid., S. 116.

вольствия — крупные земельные собственники и кулачество в деревне. Что касается политики гитлеровцев, то они, допуская определенное усиление словацких собственников в городе и деревне, сосредоточили полный контроль над экономикой Словакии в своих руках⁴¹. Главная их цель — превратить Словакию в сырьевой придаток «рейха» оставалась неизменной весь период войны⁴². Провалились расчеты словацкой буржуазии в полном объеме получить чешскую и еврейскую «национализированную» собственность и обосноваться в ведущих отраслях промышленности (добывающая, перерабатывающая) и финансовой системе страны. Германия контролировала около 100% добычи почти всех полезных ископаемых (нефть, цветные металлы), что закрывало возможности для возникновения «словацкого конкурента». Доля немецкого капитала в акционерных обществах Словакии составляла уже в 1942 г. 51,6% (в 1938 г. — 4%), а доля словацкого капитала выросла за это время менее чем на 7%⁴³. Словацкая буржуазия не владела и половиной акционерного капитала почти ни в одной отрасли⁴⁴.

Таким образом, планы словацкой буржуазии занять монопольное и независимое положение в «республике» провалились. Гегемония чешского капитала сменилась гитлеровским диктатом. Это вызывало растущее недовольство части словацкой буржуазии и появление антигитлеровских и антифашистских настроений среди буржуазных слоев, почувствовавших угрозу не только своему национальному, но и классовому существованию.

К вопросу эксплуатации экономического потенциала оккупированных югославских земель нацисты подходили исключительно с позиций удовлетворения текущих нужд военного времени, что полностью совпадало с их планами использования всей Юго-Восточной Европы в системе европейского «нового экономического порядка» в качестве аграрно-сырьевой базы империи⁴⁵. Нацисты полагали вывозить отсюда значительную часть продукции сельского хозяйства, которое рассматривалось как основа экономики региона в обозримом будущем. В июне 1941 г. было заключено итало-германское соглашение о дележе сельскохозяйственной продукции Сербии и Баната между Германией (70%) и Италией (30%). Тогда же гитлеровцы учредили должность «генерального уполномоченного по хозяйству в Сербии», которому удалось добиться контроля над экономикой оккупированных территорий⁴⁶. Все ведущие промышленные предприятия были подчинены оккупантам. Те из них, которые не представляли интереса для «рейха», были закрыты, демонтированы, оборудование вывезено в Германию⁴⁷. Особой «опекой» нацисты окружили добывающую промышленность и ряд военных заводов в Сербии. Под надзором немецких эмиссаров находилось производство и в тех районах Югославии, которые достались германским союзникам — Венгрии, Болгарии и Италии⁴⁸, и в «самостоятельной» Хорватии, которая в 1943 г. расходовала на военные нужды, т. е. на нужды Германии, около 60% своего бюджета⁴⁹.

⁴¹ Подробней см. A. H o r n o v á. K metodam ekonomického začlenenja Slovenska do monopolistického systemu «tretej riše». «Revolučny odkaz SNP v hospodárskom rozvoji Slovenska». Bratislava, 1974.

⁴² H. D r e s s. Ibid., S. 173.

⁴³ Ibid., S. 94, 174.

⁴⁴ V. P r ů c h a. Ibid., s. 55.

⁴⁵ «Анатомия агрессии...», с. 188—205.

⁴⁶ «Zbornik dokumenata...», s. 183—185.

⁴⁷ «Нюрнбергский процесс», т. 3. М., 1958, с. 395; «История Югославии», т. II. М., 1963, с. 143.

⁴⁸ F. Č u l i n o v i ć. Ibid., s. 105, 245, 403, 538, 599, 629.

⁴⁹ ЦГАОР, ф. 4459, оп. 29/2, д. 642, л. 10.

Отношение разных национальных отрядов бывших господствующих классов Югославии к факту потери государственной целостности и национальной независимости, к режиму, установленному в стране, к экономической политике оккупантов было различным⁵⁰. Большая часть югославской буржуазии открыто политически и экономически сотрудничала с оккупантами⁵¹. Такая возможность предоставлялась ей и в итальянской зоне оккупации, и в «независимом государстве Хорватии», и даже в Сербии. Но вызывалось это сотрудничество не столько преднамеренной экономической деятельностью оккупационных властей, сколько тем, что буквально с первых недель оккупации в Югославии вспыхнуло широкое и мощное национально-освободительное движение под руководством коммунистов. Это составляло серьезную и реальную угрозу как для оккупационного режима, так и для классового господства югославской буржуазии. И чем мощнее становилось народное сопротивление, тем более возрастала заинтересованность обеих сторон в этом сотрудничестве. Правда, существовали определенные круги, например, часть сербской буржуазии, которые ориентировались на западные державы и до войны были с ними связаны. Они стояли на позиции неприятия оккупации и оказания сопротивления фашистскому блоку. Активно используя националистические настроения и соответствующие лозунги среди некоторой части югославского общества, эти круги создали в стране незначительные вооруженные силы сопротивления, поначалу противостоявшие и оккупантам, и Народно-освободительной армии⁵². Угроза классовому господству буржуазии, созданная вооруженной борьбой народа под руководством КПЮ, способствовала очень быстрому изменению позиции и этих националистических сил в сторону сотрудничества с оккупантами⁵³.

Таким образом, в Югославии отношения «оккупанты — национальная буржуазия» развивались на иной основе, чем, например, в протекторате или генерал-губернаторстве. Здесь вооруженный, борющийся народ был главным и единственным противником как для оккупантов, так и для национальной буржуазии. Позицию большей, если не подавляющей части всех национальных отрядов югославской буржуазии определяли ее последовательно узкоклассовые, а не общенациональные интересы. Даже та часть буржуазных сил Югославии, которая ориентировалась на эмигрантское королевское правительство, значительно большую опасность для себя усматривала в НОАЮ, чем в оккупационном режиме. В ситуации, когда народы Югославии стояли перед угрозой неминуемой гибели, подлинным, потенциальным или уже реальным борцом против фашизма выступали только трудящиеся массы.

Фашистская оккупация Албании привела к упадку албанской экономики, поскольку итальянские и затем немецкие агрессоры рассматривали территорию Албании только как свой аграрно-сырьевой придаток. Уже к началу войны Италия занимала господствующие позиции во всех отраслях албанской экономики⁵⁴, а оккупация принесла лишь самую хищни-

⁵⁰ Подробнее см. П. М о р а ч а. Компартия и социалистическая революция в Югославии. «Из истории Великого Октября и последующих социалистических революций». М., 1978, с. 521—523.

⁵¹ Л. Я. Г и б и а н с к и й. Развитие югославской революции в ходе народно-освободительной войны и борьба за окончательное утверждение новой Югославии. В кн. Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977, с. 315.

⁵² Р. М о г а њ а. Jugoslavija 1941. Beograd, 1971.

⁵³ «Великий Октябрь и революции...», с. 118.

⁵⁴ «Краткая история Албании», с. 230—238.

ческую эксплуатацию природных ресурсов страны, ставшей полуколонией «итальянской империи».

Сразу после оккупации Греции Германия обеспечила себе участие в ряде греческих компаний, главным образом в горнодобывающей промышленности, приобретя акции на сумму свыше 40 млрд марок⁵⁵. Нацисты завладели крупнейшим в Греции национальным банком, скупив 50% его акций. Оккупация страны и беспощадное ограбление вызвали резкое падение промышленного производства. Традиционные отрасли экономики — текстильная, химическая, табачная, цементная, пищевая в 1942 г. давали не более 15—20% продукции по сравнению с уровнем 1939 г. (цементная — 9%)⁵⁶. Многие промышленные предприятия просто были закрыты оккупантами. Сырье и оборудование вывозились в Германию и Италию. В результате несколько сот тысяч греческих рабочих остались без работы.

По-разному встретили оккупацию страны господствующие классы Греции, по-разному относились они к экономической политике оккупантов. Часть представителей греческих господствующих классов, почти вся крупная буржуазия, еще до войны тесно связанная с германским и итальянским капиталом, активно сотрудничала с оккупантами. По мере развертывания национально-освободительной борьбы это сотрудничество усиливалось. Правительство Чолакоглу, правительство национальных предателей, помогало грабить и душить свой народ. Часть греческой буржуазии если и не стояла на позиции национального коллаборационизма, то продолжала оставаться верной монархии и вовсе не желала развертывания народного сопротивления в стране. Классовый интерес и здесь одерживал верх над интересом общенациональным. И, наконец, третья часть греческих буржуазных, главным образом мелкобуржуазных, слоев находилась в состоянии определенной дезорганизации и выжидания, хотя отчасти и сотрудничала с оккупантами. Из всех политических партий только Компартия Греции с самого начала призвала к активной и разнообразной по форме борьбе с оккупантами. Решительно патриотическая позиция греческих коммунистов была отражением настроений широких народных масс. Это в итоге и решило вопрос о создании уже в 1941 г. Национально-освободительного фронта под руководством КПГ⁵⁷.

Беспощадная эксплуатация покоренных народов возводилась гитлеровцами в принцип государственной политики, а беззастенчивый грабеж стал закономерным и обычным явлением⁵⁸. Разграбление коснулось почти всех отраслей хозяйства во всех странах.

Путем постоянно возрастающих обязательных поставок (в губернаторстве), военных заказов (в протекторате), на основе экономических соглашений (в Словакии) или массовых конфискации и реквизиции продовольствия (в Сербии) оккупанты беззастенчиво грабили покоренные страны и обрекали их народы на голод и нищету.

Как известно, довоенная Югославия занимала одно из первых мест в мире по добыче меди, хрома, сурьмы, свинца, бокситов, цинка и молибдена. На это ценное стратегическое сырье и рассчитывала гитлеровская Германия. За 1941—1943 гг. нацисты вывезли сотни тысяч тонн полезных ископаемых из Югославии⁵⁹.

⁵⁵ «Анатомия войны», с. 348—349.

⁵⁶ «Deutsche Handelskammer in Griechenland. Jahresbericht 1943», Ahten, 1944, S. 19, 21—23.

⁵⁷ Г. Д. К и р ь я к и д и с. Там же, с. 125.

⁵⁸ Подробнее см. Ф. Н. Т е л е г и н. Использование фашистской Германией экономического потенциала оккупированных и зависимых государств Европы во второй мировой войне. Диссертация. М., 1973.

⁵⁹ J. W ü s c h t. Jugoslawien und das Dritten Reich. Stuttgart, 1969, S. 207—208, 210, 216; Ф. Н. Т е л е г и н. Там же, с. 200—201.

Гонка военной продукции, свертывание всех мирных отраслей производства, хищническое использование природных богатств, финансов, непрерывный рост оккупационных расходов, всевозможных военных платежей, взносов, контрибуций, налогов, увеличение количества вывозимой в Германию сельскохозяйственной и промышленной продукции — все это достигалось ценой открытого и прикрытого ограбления оккупированных стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Условия жизни широких слоев трудящегося населения в этих странах были чрезвычайно тяжелы. Захват германским капиталом и монополиями национальной собственности и целых отраслей экономики сопровождался жестокой эксплуатацией всех слоев трудящегося населения в каждом национальном обществе и массовым обнищанием почти всех социальных слоев, за исключением того отряда национальной буржуазии, который занял позицию коллаборационизма в отношении своей нации: рабочих; крестьян (не исключая в большинстве случаев и кулачество), которые везде были задавлены системой прогрессирующих обязательных поставок сельскохозяйственной продукции в пользу оккупантов; мелких предпринимателей города, просто ограбленных оккупантами; интеллигенции, которая повсеместно и почти поголовно лишлась работы и была вынуждена в поисках средств к существованию пополнять ряды рабочего класса, уходить в деревню на заработки, деградировать, превращаясь в мелких ремесленников или торговцев. Гитлеровцы откровенно возрождали крепостные и полукрепостные формы эксплуатации, широко практиковалось приписывание рабочих и служащих к определенным фабрикам и заводам. Рабочий день, установленный сначала в 10 часов, систематически увеличивался и составлял в военной промышленности, как правило, 12 часов, на территории протектората он доходил до 16 часов. На заводах и фабриках оккупанты создали целую систему «наблюдателей», надсмотрщиков, охранников, малейшая провинность каралась строгими, в том числе и телесными, наказаниями. Самой распространенной формой наказания было заключение на несколько суток в подземный бункер. Особенно тяжелы были условия работы на военных заводах.

В условиях неудержимого роста дороговизны реальная оплата труда в оккупированных странах была ничтожна (в марте 1941 г. варшавский рабочий зарабатывал $\frac{1}{10}$ суммы, необходимой на содержание семьи). Между тем повышение заработной платы было запрещено оккупационными властями и в протекторате, и в губернаторстве, и на греческих и в югославских землях. Официальное продовольственное снабжение, установленное нацистами для некоторых категорий рабочих и служащих, не обеспечивало даже самого низкого прожиточного минимума почти во всех оккупированных странах. Голод охватил всю поработенную Европу. Страшных размеров он достиг в Греции, где от голода зимой 1941—1942 гг. умерло от 150 до 200 тыс. человек⁶⁰.

Говоря о социальной политике гитлеровцев в отношении широких народных масс оккупированных стран, следует отметить, что магистральной всегда была линия на жесткую, все возрастающую, приобретающую чудовищные размеры и формы эксплуатацию. В нацистской документации появился термин — «уничтожение через труд» — применительно к тем, кто участвовал в создании материальных ценностей, в первую очередь в отношении рабочего класса. Наиболее обнаженно такая политика проводилась в оккупированной Польше. Вкупе с национальным бесправием, репрессиями, подавлением общественно-политической жизни народа она усиливала антигитлеровские, антифашистские настроения рабочего клас-

⁶⁰ Г. Д. К и р ь я к и д и с. Там же, с. 108.

са, всех слоев трудящегося населения в каждой оккупированной стране. Социально-политическое, классовое содержание этой позиции зависело от иных факторов: от уровня сознательности и зрелости пролетарских масс, от их довоенного политического опыта, от влияния, силы, способности к сопротивлению и борьбе в условиях оккупации их авангарда — политических партий.

Вместе с тем, по мере ухудшения военной ситуации Германии в деятельности оккупантов возникло (в разных странах в разной мере выраженное) и другое направление — ставка на «подкармливание», «заигрывание» с теми, кто работал на военных заводах, фабриках, в шахтах, в ремонтных мастерских и т. п. С этой целью гитлеровцы учреждали специальную оплату, различные поощрения, дополнительные пайки и премии. Стремление несколько «улучшить», «облегчить» материальное положение работающих (преимущественно на военных заводах), а значит обособить их, имело место в генерал-губернаторстве, на оккупированных греческих землях, в Словакии, в протекторате. Это диктовалось не только необходимостью получить наибольшие экономические показатели, обеспечить потребности гитлеровской армии в военной технике, боеприпасах, продовольствии, обмундировании. Была здесь и политическая цель — подорвать патриотические позиции трудящихся масс, притушить их социальную, политическую и национальную сознательность, изолировать политический авангард пролетариата. В подавляющем большинстве случаев эта политика не приносила желаемых результатов: рабочий класс, широкие народные массы оккупированных стран занимали бескомпромиссную позицию, были главными и наиболее активными борцами против оккупантов, с оружием в руках боролись за свою свободу и независимость.

Лишь наименее сознательная, незначительная часть населения под воздействием политики «заигрывания» склонялась к мысли о возможности «переждать», «пережить» оккупационную действительность.

Наиболее активно и параллельно с чрезвычайным усилением капиталистической эксплуатации политика «подкармливания» проводилась в протекторате. Здесь она имела столь устойчивый характер, что оказывала некоторое воздействие на формирование пассивной позиции менее сознательных отрядов трудящихся. При скрытых репрессиях и завуалированных формах национального подавления общества эта политика вносила временные затруднения в процесс формирования осознанной антифашистской позиции некоторых слоев чешского общества. Возможно и поэтому формирование Национального фронта на чешских землях происходило «сверху», усилиями наиболее зрелой части пролетариата во главе с КПЧ и патриотических кругов национальной буржуазии, политически ориентирующейся на эмигрантское правительство. Развитие внутренней ситуации в «независимом» словацком государстве — фашизация страны, подчинение экономики интересам Германии и т. п. — привело к тому, что народные массы Словакии во главе с рабочим классом в конце концов стали последовательно антифашистской силой⁶¹.

На польских землях все попытки оккупационных властей несколько «улучшить» положение поляков, занятых на военных заводах, не возымели желаемых результатов, так как они были и незначительны и несоизмеримы с практикой чудовищного национального подавления и физического истребления. Они не поколебали патриотических настроений польского рабочего класса, выступавшего главной силой активного, вплоть до вооруженного, сопротивления оккупантам⁶².

⁶¹ «Великий Октябрь и революции...», с. 195.

⁶² Подробнее см. «Польское рабочее движение в годы войны и оккупации». М., 1968.

Что касается широких народных масс Югославии — рабочих, крестьян, ремесленников, интеллигенции — то их отношение к оккупантам выражалось высшими формами сопротивления — восстанием, партизанскими действиями, вооруженной борьбой с первых недель оккупации.

Итак, устойчивая и последовательная антигитлеровская, антифашистская позиция народных масс, и прежде всего рабочего класса, во всех оккупированных странах региона определила их ведущую роль в движении Сопротивления оккупантам.

За годы войны под воздействием оккупационной политики состав и облик пролетариата претерпел определенные изменения. Национальная, социальная и экономическая политика гитлеровцев привела к его численному увеличению за счет крестьянства, интеллигенции и различных мелкобуржуазных слоев города. Выросла численность рабочего класса в генерал-губернаторстве⁶³, где его ряды пополнили депортированные из «рейха» представители различных слоев польского общества, повсеместно на польских землях лишенные источников существования работники умственного труда, мелкая буржуазия, утратившая свою собственность.

Значительным (в 2 раза) был рост рабочего класса в протекторате, что объяснялось расширением военного производства на чешских землях. В Словакии в связи с экономической конъюнктурой также выросли (почти на 50%) ряды рабочего класса⁶⁴. Происходила концентрация рабочих и росла занятость на военных заводах Югославии и Греции.

Численный рост пролетариата повлек за собой во всех оккупированных странах, с одной стороны, расширение социальной базы наиболее последовательных патриотических сил каждого национального общества, с другой стороны, произошло снижение (в разной мере) социальной и политической сознательности пролетариата как класса, противостоящего не только оккупантам, но и собственной буржуазии. В этих условиях неизмеримо возрастала роль политически организованных отрядов рабочего класса, прежде всего его авангарда — компартий, перед которыми вставала задача цементирования патриотических настроений и подведения к одному национально-политическому знаменателю позиций рабочего класса.

Почти во всех странах Центральной и Юго-Восточной Европы большинство населения составляло крестьянство. В своем подавляющем большинстве крестьянство этих стран с самого начала оккупации не мирилось с фактом потери национальной независимости, постепенно осознавало необходимость упорной борьбы за восстановление утраченной государственной самостоятельности. Отсюда проистекали патриотические, антигитлеровские настроения широких крестьянских масс. Политика оккупантов усиливала эти настроения, способствовала превращению их в устойчивую (активную или пассивную) антифашистскую оппозицию.

Эту политику определяли кроме «национальных» мотивов, потребности рейха в сельскохозяйственной продукции. Рост этих потребностей вызывал увеличение системы так называемых сельскохозяйственных контингентов. Кривая их непрерывно поднималась вверх, что также воздействовало на негативное отношение крестьянства к оккупантам. Правда, растущая потребность гитлеровцев в сельскохозяйственной продукции (особенно после того, как «блицкриг» провалился, война затягивалась, армия росла) вызвала и здесь некоторое «усовершенствование» политики — сочетание принципов ограбления со «способствованием» развитию сельского хозяйства. Деревня протектората (в большей мере), генерал-губернатор-

⁶³ См. подробней А. Ф. Н о с к о в а. Разорение экономики..., с. 198—200.

⁶⁴ «Великий Октябрь и революции...», с. 195; V. P r ů c h a. Ibid., s. 46, 47, 59.

ства (в меньшей) и оккупированных стран Юго-Восточной Европы (в минимальной степени) стала получать удобрения, ядохимикаты, машины и т. п. из Германии.

В национально-политическом плане это приносило самые незначительные результаты. Крестьянство оккупированных стран (разными темпами) переходило от пассивного выжидания на активные антигитлеровские позиции. Свидетельством патриотических настроений польского крестьянства, причем всех его категорий, может служить факт существования в оккупированной Польше массовой подпольной организации Стронництва людowego. Наиболее сознательная часть крестьянства вступала в ряды партии польских коммунистов и в ее Гвардию Людову. Крестьянство составляло главную опору и массовую базу Народно-освободительной армии Югославии⁶⁵. Жестоко эксплуатировавшееся оккупантами крестьянство чешских и словацких областей постепенно также переходило от пассивного «нейтралитета» на враждебную к оккупантам позицию и составляло резерв антифашистских сил, который в период наивысшего национально-политического напряжения в стране (например, Словацкое восстание) включился в активный антигитлеровский фронт.

Таким образом, задуманная и продиктованная военно-политическими соображениями политика «пряника» в отношении тех, кто непосредственно производил материальные ценности, сопровождающаяся попытками организации в оккупированных странах (после перелома в войне) антисоветской кампании, не принесла оккупантам желаемого результата. Она находилась в вопиющем противоречии со всем тем, что называлось гитлеровским оккупационным режимом в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Антифашистские, антигитлеровские позиции (активные или пассивные) самых широких слоев народа, а также патриотической части буржуазии делали возможным, необходимым и неизбежным объединение этих сил в одном лагере — в лагере антигитлеровского Сопротивления.

Фактическую основу для достижения такого единства действий обеспечивали как главное направление борьбы — против фашизма и оккупации, так и основные цели борьбы — восстановление независимости, демократизация всего внутреннего общественного устройства стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

⁶⁵ Л. Я. Г и б и а н с к и й. Там же, с. 319—320.

А. И. АБРУС

МОПРОВСКИЕ КАМПАНИИ ПРОТИВ ТЕРРОРА В ПОЛЬШЕ

Польша в период между первой и второй мировыми войнами принадлежала к числу стран, где противоречия капитализма проявлялись особенно остро, а революционное движение под влиянием победы Великой Октябрьской социалистической революции и успехов строительства социализма в СССР достигло большого размаха. Напуганные этим, боясь собственного народа, правящие круги Польши стремились любыми средствами задуть борьбу пролетариата и выступления угнетенных национальностей. В Польше, — как отмечалось на расширенном пленуме ИККИ в 1925 г., — широкий размах приобрел белый террор¹. Сотни убитых и осужденных к смертной казни, заполненные политзаключенными тюрьмы, засылка в ряды революционного движения шпиков и провокаторов, пытки и издевательства в тюрьмах, лишение политзаключенных всяких прав и приравнивание их к уголовникам — все это использовали эксплуататорские классы Польши, чтобы спасти свою власть, увековечить свое господство над трудящимися. «Над тюрьмами бродит тяжелая мгла. Свиристая полночь на Польшу легла»,² — в этих словах М. Светлова дана образная характеристика обстановки в стране в 20—30-е годы. Только по неполным данным через польские тюрьмы в 1922—1926 гг. проходило в год около 30 тыс. человек, процент арестованных в отношении ко всему населению был в 2 раза выше в Польше, чем в Чехословакии, Бельгии, Франции, в 5 раз выше, чем в Англии³. Обстановка в Польше явилась ярким подтверждением слов Ф. Энгельса: «Мы понимаем под последним (террором. — А. А.) господство людей, внушающих ужас; в действительности же, наоборот, — это господство людей, которые сами напуганы. Террор — это большей частью бесполезные жестокости, совершаемые ради собственного успокоения людьми, которые сами испытывают страх»⁴.

Размах террора, опасность, угрожавшая тысячам революционных борцов, в первую очередь коммунистам (в Польше нередко больше 50% членов компартии оказывалось в тюрьмах и концлагере), голод и лишения, обрушившиеся на их семьи — все это требовало организации отпора террору, помощи его жертвам. Поэтому уже в 1920—1921 гг., по инициативе компартии, создается польский революционный Красный Крест, а в ав-

¹ «Расширенный Пленум Исполкома Коммунистического Интернационала (21 марта — 6 апреля 1925 г.). Стенографический отчет». М. — Л., 1925, с. 12.

² М. Светлов. Польский день. В сб. В боях за мировой Октябрь. М., 1932, с. 15.

³ S. S e m p r o ł o w s k a. W więzieniach. In: Pisma. Warszawa, 1960, s. 135, 137—138.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 33, с. 45.

густе 1922 г. под председательством Ю. Мархлевского при Польском бюро ЦК РКП(б) образуется Комиссия помощи политзаключенным в Польше⁵, которая явилась непосредственной предшественницей Международной организации помощи борцам революции (МОПР), возникшей в конце 1922 г. при активном участии польских коммунистов. МОПР сыграл большую роль в оказании помощи политзаключенным и их семьям в Польше, в организации широких масс трудящихся на борьбу против террора, за освобождение узников польских тюрем. На VII пленуме ИККИ представитель компартии Польши Э. Прухняк говорил: «Тут я должен упомянуть о громаднейшей роли МОПР в отношении помощи политзаключенным и о громаднейшем агитационном значении его деятельности в рабочих и крестьянских массах Польши. Я хотел бы обратить также внимание на громадное организующее значение работы МОПР...»⁶.

Однако участие МОПР в борьбе с террором в Польше, а также история Польской секции МОПР (Красной помощи Польши) до сих пор изучены недостаточно. Советские исследователи приводят отдельные факты из истории Красной помощи Польши (и больше всего ее организаций в Западной Украине и Западной Белоруссии) и международной солидарности с жертвами террора польской буржуазии в работах, посвященных революционному движению в Польше, Западной Украине, Западной Белоруссии⁷. В ряде статей и монографий даны примеры участия советской секции МОПР в акциях солидарности трудящихся СССР с революционно-освободительной борьбой народов Польши⁸. Необходимо также отметить успешную попытку Л. К. Пилипив проследить историю и деятельность МОПР Западной Украины⁹.

Международная солидарность с жертвами террора в Польше и участие в ней мопровских организаций привлекли внимание ряда историков ПНР и ГДР. Прежде всего хотелось бы назвать несколько статей проф. Г. Гемкова¹⁰, посвященных солидарности рабочего класса Германии с рабочим классом Польши в 20—30-е годы, и брошюру А. Заторского¹¹ о первом периоде истории Красной помощи Польши.

В названных выше работах в основном приведены отдельные факты участия МОПР в акциях международной солидарности с жертвами террора

⁵ Е. Д. Стасова. Вступительная статья к сб. Против белого террора. Коммунистический Интернационал в документах. М., 1934, с. 18.

⁶ «Пути мировой революции. Седьмой расширенный Пленум ИККИ. Стенографический отчет», т. I. М.—Л., 1927, с. 259.

⁷ И. К. Васюта. Селянський рух на Західній Україні в 1919—1939 рр. Львів, 1971; Б. Дудикевич. Під прапором Народного Фронту. Львів, 1956; В. Ф. Ладисев. Деятельность Компартии Западной Белоруссии по организации трудящихся масс на борьбу за демократические права и свободы (1934—1938 гг.). Автореферат канд. дис. Минск, 1971; А. Мацко. Революционная борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии против гнета буржуазии и помещиков. 1918—1939. Минск, 1972; «Революционный путь Компартии Западной Белоруссии (1921—1939)». Минск, 1966; О. М. Швидак. Інтернаціональна єдність трудящих Західної України і Польщі у революційно-визвольній боротьбі (1929—1939). Київ, 1972 и др.

⁸ М. М. Володюк, Н. А. Польова. Інтернаціональна солідарність трудящих СРСР з революційно-визвольною боротьбою народних мас Західної України (1922—1928). «Вісник Львівського університета», Серія суспільних наук, вип. 8, 1972; О. Осетров. Сторінки пролетарської солідарності. Київ, 1969 и др.

⁹ Л. К. Пилипив. Діяльність МОПРУ Західної України в період світової економічної кризи. Наук. праці з історії КПРС, вип. 57, Київ, 1972; е е же. КПЗУ — організатор и руководитель революционной деятельности МОПР на западноукраинских землях (1925—1939). Автореферат канд. дис. Львов, 1974.

¹⁰ H. Gemkow. Akcje solidarnościowe robotników niemieckich z robotnikami polskimi w latach dwudziestych. «Z pola walki», 1967, № 4; е го же. Trene Freunde — gute Nachbarn. Berlin, 1974.

¹¹ A. Zatorski. Czerwona pomoc (MOPR) w Polsce w latach 1924—1928. Warszawa, 1966.

в Польше, почти не освещены те интернациональные кампании, которые проводили мопровские секции в защиту политзаключенных в польских тюрьмах, за амнистию их. В настоящей статье автор предпринимает попытку, привлекая, в частности, мало использованные другими исследователями материалы Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, показать основные мопровские кампании против террора в Польше, проходившие в 20—30-е годы.

Компартия Польши, руководившая революционной борьбой в стране, активно участвовала в организации помощи жертвам террора. При ЦК КРПП был создан специальный отдел, который оказывал помощь политзаключенным из партийных средств. Так, в декабре 1922 г. такую помощь получило 600 узников польских тюрем. Однако партийных средств было явно недостаточно, надо было привлечь к делу помощи широкие круги общественности не только в Польше, но и за ее пределами¹². 23 августа 1922 г. проходило заседание Польского бюро при ЦК РКП(б) совместно с представительством КРПП в ИККИ, на котором было решено начать сбор средств в фонд помощи политзаключенным в Польше среди польских коммунистов в Советской России «Коммунистическая трибуна» опубликовала обращение с призывом собирать средства для жертв террора в Польше, подписанное Ф. Дзержинским, Я. Ганецким, Ф. Коном, Ю. Мархлевским, С. Пестковским, И. Уншлихтом и другими видными польскими коммунистами. Активную деятельность развернула Комиссия по оказанию помощи политзаключенным в Польше и аналогичная комиссия в Киеве во главе с заведующим бюро ЦК КП Украины А. Скарбеком. В сентябре 1922 г. начали поступать первые тысячи рублей, а всего по май 1923 г. было собрано около 1 млн рублей для узников польских тюрем¹³.

В связи с тем, что террор против революционного движения охватил все капиталистические и колониальные страны, «неизбежно должна была возникнуть массовая организация для сохранения, укрепления и расширения путем братской поддержки сил мировой пролетарской революции»¹⁴. Такой организацией явился МОПР, созданный по инициативе Общества старых большевиков¹⁵, которая была поддержана IV конгрессом Коминтерна. Большое место в деятельности ИК МОПР и национальных мопровских секций заняла борьба против террора в Польше и организация международных и национальных кампаний солидарности с его жертвами, ибо число польских политзаключенных постоянно росло. В феврале 1923 г. 45 человек получили 241 год каторги, среди них были юноши 16—17 лет, осужденные до 5 лет каторги. В конце 1923 г. по официальным данным (далеко не полным) в польских тюрьмах было до 1 тыс. политзаключенных, а к лету 1924 г. уже 4 тысячи¹⁶.

Первая мопровская кампания по оказанию помощи жертвам террора в Польше (18 марта 1923 г.) проходила в СССР и Германии под знаком солидарности с узниками польских тюрем¹⁷. Как только в ЦК МОПР появились средства, собранные советскими мопровцами, их начали отправлять политзаключенным капиталистических стран, в том числе и в Польшу.

¹² Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 539, оп. 2, д. 2, л. 33.

¹³ Ю. А. Л ь в у и н. Из истории создания и первых лет деятельности Советской секции Международной организации помощи борцам революции (1922—1928). Вестник МГУ, история, № 1, 1973, с. 6—7; О. О с е т р о в. Там же, с. 102—103; A. Z a t o r s k i. Ibid., s. 5.

¹⁴ «Клара Цеткин зовет к международной солидарности». М., 1934, с. 11.

¹⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 539, оп. 2, д. 54, л. 1.

¹⁶ Там же, д. 77, л. 5, 35.

¹⁷ A. Z a t o r s k i. Ibid., s. 17.

С 1 марта 1923 г. по 1 января 1924 г. ЦК МОПР послал в Польшу 8 тыс. долларов. Особенно возросла помощь МОПР осенью 1923 г., когда в Польше усилилась классовая борьба, резко выросло число жертв и Бюро Коминтерна обратилось к ЦК МОПР с предложением увеличить материальную помощь политзаключенным в Польше. 7 сентября, 5 октября, 2 ноября 1923 г. ЦК МОПР направлял по 1 тыс. долларов в Польшу. На 1 января 1924 г. 72% политзаключенных в Польше получали мопровскую помощь¹⁸. Декабрьский (1923) пленум ЦК КРПП указал на необходимость расширения помощи политзаключенным, организации систематического сбора сведений об их положении, биографических данных и фотографий узников тюрем, публикации материалов о них в прессе. В связи с этим встал вопрос о создании Красной помощи (так назывались секции МОПР в ряде капиталистических стран) Польши для установления связи с тюремными коммунами политзаключенных, организации защиты на политических процессах, борьбы за права политзаключенных и т. п.¹⁹ В конце 1923 г. в нелегальных условиях стали создаваться комитеты Красной помощи Польши. В 1924 г. под руководством Компартии Западной Белоруссии произошло объединение городских и сельских кружков Красного Креста и на этой основе возникла Красная помощь Западной Белоруссии, ставшая составной частью Красной помощи Польши²⁰. В 1925 г. появилась единая мопровская организация Западной Украины, также вошедшая в Красную помощь Польши.

Создание Красной помощи Польши позволило усилить борьбу против террора, организовать постоянную материальную поддержку политзаключенным и их семьям, приступить к организации юридической помощи, поднять массы на участие в кампаниях за амнистию, установить единый фронт с рядом профсоюзных, кооперативных и культурно-просветительных организаций, несмотря на противодействие некоторых деятелей польской партии социалистов²¹. Из месяца в месяц росло число лиц, получавших мопровскую помощь: 943 — в июне 1923 г., 1257 — в ноябре 1924 г., 1660 — в январе 1925 г.²² Она оказывалась независимо от политической принадлежности политзаключенного. При поддержке Компартии Красная помощь Польши начала выпускать в 1924 г. бюллетень «Политзаключенный» (тираж его доходил до 2 тыс. экземпляров), в котором разоблачался белый террор, рассказывалось о положении политзаключенных и о солидарности с ними мопровцев других стран²³.

Рост террора в Польше, трудности работы в нелегальных условиях Красной помощи, преследование польских мопровцев — все это вызывало необходимость оказания постоянной поддержки жертвам классовой буржуазной юстиции со стороны мопровских секций других стран. В апреле 1924 г. ИККИ выпустил воззвание к трудящимся всего мира по поводу белого террора в Польше, в котором клеймил польских палачей и призывал активно помогать политзаключенным в этой стране²⁴. Мопровские организации сразу откликнулись на этот призыв. Одной из первоочередных задач они считали разоблачение террора в Польше, информирование мировой общественности о том, что происходит в польских судах и тюрьмах. В мопровской прессе постоянно публиковались материалы о зверствах па-

¹⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 539, оп. 2, д. 59, л. 5, 58, 120, 123, 130; «МОПР», 1924, № 2, с. 38.

¹⁹ A. Z a t o r s k i. Ibid., s. 18—19.

²⁰ «Революционный путь Компартии Западной Белоруссии», с. 80.

²¹ «Первая международная конференция МОПР. Стенографический отчет». М., 1924, с. 52.

²² «Порадник МОПРу». Харків, 1927, с. 102.

²³ A. Z a t o r s k i. Ibid., s. 22; «Порадник МОПРу», с. 103.

²⁴ «International Press Correspondence», 1924, № 27, p. 267—268.

лачей польского народа, в конце 1924 г. в Берлине была издана брошюра, целиком посвященная этому ²⁵.

Коммунистические партии и мопровские секции организовывали массовые выступления в защиту жертв террора в Польше. В. Пик в письме к окружным комитетам Красной помощи Германии ставил задачу — на всех собраниях и митингах протестовать против преследований революционеров и жестокостей в польских тюрьмах ²⁶. Красная помощь Германии и Франции проводила большую работу среди рабочих-поляков в этих странах, вовлекая их в акции солидарности ²⁷.

Широкий размах получило шефство над политзаключенными отдельных польских тюрем, начатое по инициативе советской секции МОПР. Мопровцы Северного Кавказа взяли шефство над политзаключенными 13 тюрем Польши, мопровцы Киева — над политзаключенными Львова, Винницы — Вронок, Абхазии — Мокотова, Иваново-Вознесенска — Калища, Москвы — Лодзи, Люблина и Мокотова ²⁸. Подшефным регулярно посылались письма, подарки; для них собирались деньги, продукты, одежда. Шефство было ярким проявлением интернациональной солидарности трудящихся СССР с революционной борьбой польского народа.

В конце 1924 г. Исполком МОПР поставил вопрос о переходе от отдельных акций солидарности с политзаключенными в Польше к проведению интернациональных кампаний против террора в этой стране ²⁹. Первые такие кампании состоялись в 1925 г., когда особенно усилились репрессии против революционного движения. С апреля 1925 г. до февраля 1926 г. в Польше было арестовано 11 тыс. человек, придерживавшихся коммунистических взглядов, с июня 1925 г. до февраля 1926 г. состоялось 1400 политических процессов ³⁰.

В 1925 г. польское правительство решило провести процесс над коммунистом — депутатом Сейма С. Ланьцуцким, которому грозила смертная казнь по провокационному обвинению в государственной измене. Компартия Польши в марте 1925 г. выпустила воззвание в связи с этим процессом, разоблачая его как акт белого террора, призывая к борьбе за освобождение Ланьцуцкого и всех революционеров ³¹. Призыв КПП получил международный отклик, во многих странах компартии и мопровские секции провели митинги, демонстрации, собрания в защиту Ланьцуцкого, против террора в Польше. 6 апреля 1925 г. пресс-бюро Исполкома МОПР подчеркнуло, что кампания за спасение Ланьцуцкого приобрела особую важность, был выпущен спецбюллетень, посвященный процессу над Ланьцуцким ³². Кампания в защиту Ланьцуцкого приобрела международный размах, о процессе над ним был помещен материал в 150 газетах разных стран, только среди польской эмиграции во всем мире было проведено около тысячи собраний протеста ³³.

В Германии кампания в защиту Ланьцуцкого началась с помещения в «Rote Fahne» телеграммы солидарности с ним ЦК КПГ. Затем во многих городах прошли митинги протеста. 27 марта 1925 г. 10 тыс. берлинцев со-

²⁵ «Der weisse Terror in Polen». Berlin, 1924.

²⁶ Н. G e m k o w. Gemeinsame Traditionen der revolutionären deutschen und polnischen Arbeiterbewegung 1917/1918 bis 1945. «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung», 1974, № 1, S. 12.

²⁷ А. Z a t o r s k i. Ibid., s. 25.

²⁸ М. М. В о л а н ю к, Н. А. П о л ь о в а. Там же, с. 52; А. Z a t o r s k i. Ibid., s. 57.

²⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 539, оп. 2, д. 75, л. 218.

³⁰ Там же, оп. 5, д. 102, л. 208.

³¹ Там же, д. 98, л. 24—25.

³² Там же, д. 97, л. 193; д. 98, л. 50.

³³ «Бюллетень ЦК МОПР СССР», 1927, № 7, с. 5.

брались у здания польского посольства и требовали освобождения Ланьцукского³⁴. В борьбу против попытки польского правительства расправиться с депутатом-коммунистом включились широкие круги прогрессивной интеллигенции, даже некоторые деятели лейбористской партии и тредюнионов Англии³⁵.

Под мощным напором мировой общественности польские правящие круги были вынуждены временно отступить, с Ланьцукского было снято обвинение в государственной измене. Но осенью 1925 г. организуется новый процесс, и вновь кампания в его защиту, возглавляемая компартиями и МОПР, приняла международный характер. 4 августа 1925 г. в Берлине состоялась 100-тысячная антивоенная демонстрация против суда. Красная помощь Австрии в первой половине августа 1925 г. также в основном сосредоточила свои усилия на организации кампании в защиту Ланьцукского³⁶. И на этот раз усилиями международной общественности польский коммунист был спасен от смертной казни, а через некоторое время польские власти вынуждены были его амнистировать.

В конце августа 1925 г. по призыву Исполнительного бюро Профинтерна, руководителей компартий стран Западной Европы и Японии, Средневропейского бюро Исполкома МОПР поднялась новая мощная волна протеста против террора в Польше в связи с казнью Гибнера, Кневского, Рутковского, убивших провокатора³⁷. Польские кампании МОПР в 1925 г. способствовали росту авторитета организации, вовлечению в ее ряды сотен, тысяч новых членов, увеличению помощи политзаключенным и их семьям в Польше.

В 1926 г. после установления диктатуры Пилсудского репрессии в Польше приняли еще более массовый характер. Под прикрытием демагогических речей о «демократизме» в тюрьмы были брошены тысячи революционеров, участников национально-освободительного движения в Западной Украине и Западной Белоруссии. В этих условиях Красная помощь Польше, поддерживаемая Компартией, активизировала свою деятельность. Создается ЦК из 6 человек, действуют 6 окружных комитетов, выпускается бюллетень ЦК и несколько местных изданий. Число индивидуальных членов в Красной помощи Польши выросло к 1 января 1927 г. до 8428 человек. Рост рядов мопровской секции Польши, увеличение помощи со стороны ИК МОПР позволили оказывать систематическую поддержку 3—3,5 тыс. политзаключенных (50—60%); юридическую помощь в 1926 г. получило около 2 тыс. подсудимых³⁸.

С лета 1926 г. мопровские секции многих стран организовали кампанию протеста против террора правительстве Пилсудского. Исполком МОПР выпустил специальный номер бюллетеня, в котором приводились факты террора и преследований после переворота Пилсудского, материалы о буржуазной юстиции и тюремном режиме в Польше³⁹. Мировая прогрессивная общественность приняла активное участие в акциях протеста, организованных МОПР. В Нью-Йорке в сентябре 1926 г. 50 тысяч рабочих протестовали на митинге против террора польских властей. Конференция МОПР

³⁴ H. G e m k o w. Traditionen deutsch-polnischer revolutionärer Solidarität. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1969, № 6, S. 720.

³⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 539, оп. 5, д. 98, л. 48—49; «МОПР», 1925, № 3—4, с. 67.

³⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 539, оп. 5, д. 97, л. 154, 158.

³⁷ «Международное рабочее движение», 1925, № 23, с. 24; «Международная солидарность трудящихся в борьбе с наступлением реакции и военной опасностью (1925—1927). Документы и материалы». М., 1959, с. 117—119.

³⁸ Центральный Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР, ф. 8265, оп. 1, д. 14, л. 31. «Бюллетень ЦК МОПР СССР», 1927, № 4, с. 15—16; A. Z a t o r s k i. Ibid., s. 45.

³⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 539, оп. 5, д. 99, л. 143—167.

Рура приняла резолюцию протеста против террора в Польше и решила взять шефство над политзаключенными 10 польских тюрем. 8 июля 1926 г. в Вене проходило собрание членов Красной помощи Австрии, выразивших свою солидарность с жертвами террора в Польше⁴⁰.

Поляки — члены Международной лиги защиты труда (так называлась секция МОПР в Канаде) в Торонто, заслушав на собрании 29 июня 1926 г. сообщение о тяжелом положении политзаключенных в Польше, обратились с письмом к С. Ланьцуцкому с просьбой связать их с наиболее нуждающимися политзаключенными в Мокотове, чтобы послать им деньги, белье и одежду. К письму было приложено 15 долларов⁴¹. В ответе С. Ланьцуцкого говорилось: «Ваше письмо не только я, но и все товарищи, сидящие в Мокотовской тюрьме, читали с большим трепетом. Мы увидели, что рабочая солидарность не пустой звук, а могучее чувство, которым переполнены души революционного пролетариата»⁴².

Большого размаха достигла в 1926 г. начатая по инициативе Компартии Польши кампания за амнистию политзаключенных. При активном участии Красной помощи был создан в июне 1926 г. Межпартийный комитет из представителей 8 партий и более 30 местных комитетов, которые руководили кампанией. В стране проходили десятки митингов, проводился сбор подписей под требованием амнистии (по неполным данным было собрано более 64 тыс. подписей).

Кампания получила поддержку во многих странах, стала осенью 1926 г. главной международной акцией МОПР. Мопровская пресса, особенно в СССР, широко освещала кампанию за амнистию в Польше, призывала к активному участию в ней. Международная защита труда (секция МОПР США) провела сбор подписей под петицией польскому правительству с требованием амнистии. В Германии свыше 500 тыс. рабочих участвовали в митингах и демонстрациях, проводившихся Красной помощью в поддержку кампании за амнистию в Польше. Во Франции при участии Красной помощи был создан Комитет борьбы за амнистию политзаключенных в Польше во главе с Анри Барбюсом, издавались бюллетени и брошюры, посвященные этой кампании. В Бельгии мопровская секция выпустила журнал «Czerwona Płomoc» на польском языке, призывавший бороться за амнистию в Польше. Под давлением мировой общественности и массового движения в Польше правительство Пилсудского вынуждено было в ноябре 1926 г. объявить об амнистии, которая носила крайне ограниченный характер. Поэтому Компартия, Красная помощь и другие прогрессивные организации Польши разоблачали этот маневр правительства и продолжали борьбу за полную амнистию политзаключенных⁴³.

Новый толчок к расширению международной кампании против террора в Польше дала поездка в конце 1926 г. в эту страну делегации депутатов парламента — лейбористов, организованная по инициативе английской секции МОПР. Делегация посетила ряд польских тюрем, встретила с политзаключенными, ознакомилась с деятельностью Межпартийного комитета и сообщила в своем докладе, что в Польше царит террор, преследуется все прогрессивное, режим в тюрьмах невыносим. Материалы доклада были опубликованы в прогрессивной печати и способствовали даль-

⁴⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 539, оп. 5, д. 100, л. 152; д. 102, л. 37; H. G e m k o w. Traditionen deutsch-polnischer revolutionärer Solidarität, S. 729. В статье Г. Гемкова подробно описывается ход кампании солидарности с жертвами террора в Польше, организованной в Германии летом 1926 г. (см. с. 724—728).

⁴¹ Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области (ГАОРСС ЛО), ф. 378, оп. 1, д. 4, л. 352—353.

⁴² Там же, л. 349.

⁴³ ЦПА ИМЛ, ф. 539, оп. 5, д. 100, л. 14, 144—145, 270 и др.; «Бюллетень ЦК МОПР СССР», 1927, № 4, с. 15—16; A. Z a t o r s k i. Ibid., s. 32—37.

нейшему росту борьбы против террора в Польше⁴⁴. Особого размаха она достигла в 1927 г. в СССР. В январе 1927 г. ЦК МОПР Белоруссии перевел в ЦК МОПР СССР 4300 руб. для помощи политзаключенным в подшефных тюрьмах Польши и Западной Белоруссии. 8 марта 1927 г. на многих фабриках и заводах Белоруссии работницы решили отработать два лишних часа в фонд помощи жертвам террора в Польше. За короткий срок только в Белорусской ССР было собрано более 70 тыс. рублей и свыше 15 тыс. пудов хлеба⁴⁵. На заседании Президиума ЦК МОПР Украины в ноябре 1927 г. решено было взять шефство над политзаключенными и их семьями в Польше, организовать для помощи им сбор денег⁴⁶. Помощь советских мопровцев была высоко оценена узниками польских тюрем и их семьями. От их имени представитель Компартии Польши выразил благодарность трудящимся СССР на II международной конференции МОПР⁴⁷, которая уделила большое внимание борьбе против террора в Польше⁴⁸.

Конец временной стабилизации капитализма ознаменовался обострением классовой борьбы в капиталистических странах, усилением репрессий против трудящихся. Правительство Пилсудского в марте 1928 г. издало новое распоряжение об организации мест заключения, которое еще более ухудшило положение политзаключенных, лишало их всяких прав, позволяло тюремным властям издеваться над ними⁴⁹. Красная помощь и узники польских тюрем обратились к трудящимся всего мира с призывом выступить с протестом против террора в Польше. Мопровцы СССР первыми откликнулись на эти призывы. В Центральном районе Ленинграда было собрано 29 тыс. подписей под протестом против режима в польских тюрьмах, мопровские ячейки брали шефство над отдельными политзаключенными⁵⁰.

Особый размах в 1928 г. приобрела международная кампания, организованная Исполкомом МОПР в связи с массовыми процессами над членами Белорусской громады и усилением преследования участников национально-освободительного движения в Западной Белоруссии. 6 февраля 1928 г. ЦК МОПР СССР направил циркулярное письмо мопровским организациям, в котором ставил перед ними задачу развернуть кампанию протеста против процесса над 57 членами Громады⁵¹. Воззвание с протестом против этого процесса и требованием освобождения обвиняемых принял Второй Всесоюзный съезд МОПР⁵². По Советской стране прошли массовые митинги протеста против процессов над членами Громады, суровых приговоров им. В Минске на митинг собралось 15 тысяч человек. Тысячи людей участвовали в акциях солидарности в Гомеле, Борисове, Заславле и других городах⁵³. В США Международная защита труда создала комитет борьбы с польской реакцией, организовала демонстрации у зданий польских консульств, поездку польского революционера Д. Богена по 28 городам с выступлениями о терроре, о процессе над Громадой. В Париже Красная помощь 1 июня 1928 г. провела митинг, на котором была

⁴⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 539, оп. 1, д. 62, л. 92; оп. 5, д. 102, л. 108—118.

⁴⁵ «Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР. Документы и материалы», т. I. Минск, 1962, с. 454, 471—472 и др.; «Бюллетень ЦК МОПР СССР», 1927, № 14, с. 21—22.

⁴⁶ «Бюллетень Всеукраинского ЦК МОПР», 1927, № 13, с. 1—2.

⁴⁷ «Вторая международная конференция МОПР». М., 1927, с. 12.

⁴⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 539, оп. 1, д. 62, л. 57, 58, 92.

⁴⁹ «Бюллетень ЦК МОПР СССР», 1928, № 15, с. 23—24.

⁵⁰ Там же, с. 3.

⁵¹ Там же, № 4, с. 31.

⁵² «Второй Всесоюзный съезд МОПР». М., 1928, с. 61—62. Этот процесс, а также жизнь и борьба политзаключенных в тюрьмах Западной Белоруссии получили художественное отражение в романе известного белорусского писателя М. Машара «Лукішкі» (Мінск, 1970).

⁵³ «Борьба трудящихся Западной Белоруссии...», с. 527—529 и др.

избрана делегация для вручения протеста против процесса над членами Громады в польское посольство, принята телеграмма протеста Пилсудскому⁵⁴.

В связи с ростом террора в Польше польская Красная помощь активизировала свою работу, несмотря на преследования и репрессии в отношении членов организации и фракционную борьбу в Компартии, затронувшую мопровский актив. В 1928 г. начал выходить орган ЦК Красной помощи Польши «Czerwona Pomoc» (ежемесячно на ротаторе), в Львове приступили к изданию Бюллетеня ЦК МОПР Западной Украины на польском языке и журнала «Политзаключенный Западной Украины» на украинском⁵⁵. Мопровская печать информировала о положении в польских тюрьмах, звала на борьбу за освобождение политзаключенных и оказание им помощи, разоблачала фальшивую амнистию, неискренность польских социалистов, отказывавшихся от создания единого фронта против террора.

Польская Красная помощь в 1928 г. укрепила свои позиции; только в собственно польских воеводствах насчитывалось свыше 7,5 тыс. членов (до 70% их были беспартийными), объединенных в 338 ячеек. Большинство политзаключенных получало материальную поддержку, каждому амнистированному после выхода из тюрьмы вручалось в среднем 100 злотых. Только за 3 месяца юридическую помощь получили подсудимые более чем на 100 процессах⁵⁶. Мопровские передачи составляли главную часть питания в тюремных коммунах; если они поступали без задержек, то политзаключенные не голодали⁵⁷.

Мировой экономический кризис, потрясший все капиталистические страны, привел к новому наступлению буржуазии на пролетариат. Правящие круги империалистических государств усилили террор против масс: десятки коммунистов в Югославии были убиты без суда; в Польше, США, Германии за коммунистическую деятельность грозила смертная казнь⁵⁸. Польша занимала важное место в антисоветских планах международной реакции, поэтому польские власти с особой яростью обрушились на прогрессивные силы страны. В 1931 г. в Польше вводятся в действие новый уголовный кодекс, новый тюремный устав, полевые суды для участников революционного движения. Репрессии в первую очередь обрушивались на коммунистов: как отмечал на XVI съезде ВКП(б) Генеральный секретарь польской Компартии Ю. Ленский, более 50% членов партии находилось в тюрьмах⁵⁹.

В эти годы ИК МОПР, национальные мопровские секции, Красная помощь Польши, прогрессивные организации и объединения в различных странах продолжали борьбу против террора в Польше, в защиту его жертв. В связи с празднованием 1 Мая, Международного Красного дня (1 августа), Международного юношеского дня Коминтерн, Профинтерн, КИМ, компартии, союзы коммунистической молодежи и революционные профсоюзы призывали трудящихся выступать на демонстрациях, митингах, собраниях с протестами против репрессий польских властей, проявлять солидарность с революционной и национально-освободительной борьбой в Польше.

На II Международной конференции революционных писателей в Харькове (1930) Бруно Ясенский призвал ее участников передать пролетариату

⁵⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 539, оп. 5, д. 158, л. 25, 26; «Labor Defender», 1928, № 5, p. 114.

⁵⁵ «З історії революційного руху у Львові (1917—1939)». Львів. 1957, с. 723, 726, 728; A. Zatorski. Ibid., s. 40—43.

⁵⁶ ГАОРСС ЛО, ф. 7678, оп. 1, д. 2, л. 40.

⁵⁷ М. М а ш а р а. Там же, с. 270—271.

⁵⁸ «XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», ч. I. М., 1935, с. 756—757.

⁵⁹ Там же, с. 805.

всех стран крик о помощи трудящимся массам Западной Украины. «Наша обязанность — мобилизовать общественное мнение всех трудящихся мира для мощного движения протеста против бесчинств польского фашизма, в защиту угнетенных национальностей»⁶⁰.

Акции международной солидарности с жертвами террора в Польше принимали такие размеры, что палачи вынуждены были неоднократно отступать. Так, летом 1930 г. на процессе во Львове три комсомольца за распространение нелегальной литературы были приговорены к смертной казни. Неслыханно жестокий приговор вызвал волну протестов во всем мире. Только в Германии прошло около 250 собраний. Центральное правление Красной помощи Германии от имени 600 тыс. своих членов направило протест польскому правительству. Советские мопровцы потребовали отмены смертного приговора. Листовка Северо-Кавказского краевого комитета МОПР призывала: «Спасайте польских товарищей от виселицы!». Под этим лозунгом прошли митинги, собрания, демонстрации во многих городах СССР. Под давлением мировой общественности польский суд пересмотрел приговор, смертная казнь была заменена многолетним тюремным заключением⁶¹.

В течение всего 1931 г. мопровские организации привлекали к борьбе против усиления террора в Польше новые тысячи и миллионы людей. В январе 1931 г. рабочие вагону-механического сборного цеха завода «Красное Сормово» обратились с телеграммой в ЦК МОПР СССР, в которой выразили протест против террора в Польше, призвали встать на защиту польских политзаключенных. «Обещаем приложить все силы для того, чтобы укрепить интернациональную связь, вступаем стопроцентно в ряды МОПРа, окажем материальную помощь политзаключенным. Призываем всех рабочих СССР последовать нашему примеру»⁶², — писали сормовичи. Призыв сормовских рабочих был подхвачен по всей стране. При поддержке партийных организаций мопровские комитеты проводили сбор средств для политзаключенных. Отдел агитации и пропаганды ЦК КП(б) Белоруссии направил письмо агитмассовым отделам горкомов и райкомов партии, в котором предлагал помочь мопровским организациям в проведении кампании в защиту польских политзаключенных.

В 1932 г. ИК МОПР и ЦК МОПР СССР организовали обмен 40 польских политзаключенных (среди них была и Вера Хоружая), которые в сентябре прибыли в СССР, где были тепло встречены общественностью. В письме мопровцам СССР они писали: «Материальная помощь и забота МОПР..., его моральная помощь — проявление высшей международной солидарности — вести от вас, ваши письма, всякий признак вашей памяти о политзаключенных придает им силы в их борьбе против обостряющегося фашистского террора»⁶³.

С осени 1931 г. началась борьба узников против нового тюремного устава, лишавшего политзаключенных всяких прав. Почти во всех польских тюрьмах Красная помощь организовала голодовку протеста, которая была поддержана и вне тюремных стен. В Лодзи мопровцы провели 18 массовок, охвативших 4,5 тыс. рабочих, издали свыше 30 тыс. экземпляров листовок, организовали забастовки на ряде предприятий в поддержку борьбы политзаключенных⁶⁴. ИК МОПР направил 28 сентября 1931 г. дирек-

⁶⁰ «Литература мировой революции. Спец. номер. Вторая международная конференция революционных писателей». М., 1931, с. 155—156.

⁶¹ H. G e m k o w. Traditionen deutsch-polnischer revolutionärer Solidarität, S. 733; Государственный архив Ростовской области, ф. 1185, оп. 2, д. 870, л. 4.

⁶² «Международная пролетарская солидарность в борьбе с наступлением фашизма (1928—1932). Документы и материалы». М., 1960, с. 201.

⁶³ «Интернациональный маяк», 1932, № 28, с. 10.

⁶⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 539, оп. 1, д. 2, л. 152—153.

тивное письмо всем мопровским организациям, призывая их «...немедленно, с максимальной энергией и инициативой, бросить клич тревоги в массы, мобилизуя их для всеобщего, широчайшего и бурного выступления на защиту борющихся польских узников»⁶⁵. Организованная ИК МОПР международная кампания и борьба польской Красной помощи вынудили польские власти временно отступить: темпы введения в жизнь нового тюремного устава были замедлены⁶⁶.

В первые годы мирового экономического кризиса деятельность Красной помощи Польши была затруднена, численность ее уменьшилась в связи с массовыми репрессиями. Однако активные действия организации против террора, особенно в 1931 г., усиление поддержки со стороны Компартии, принявшей на VI съезде резолюцию об активизации деятельности МОПР, борьба коммунистической фракции Секретариата ЦК Красной помощи за осуществление этой резолюции способствовали увеличению числа членов польской секции в 1931—1932 гг.⁶⁷ Если в мае 1931 г. она насчитывала 2362 члена, то к концу года было уже 4 224 члена, а к Всемирному конгрессу МОПР (ноябрь 1932 г.) ее ряды выросли до 8 тыс. человек⁶⁸.

Было создано 29 новых комитетов, 22 мопровские комиссии при профсоюзах, комитеты семейств политзаключенных, проведено в 1932 г. 124 уличных и 5 ярмарочных массовок, охвативших свыше 70 тыс. человек. Усилилась издательская деятельность: вышло несколько номеров «Красной помощи» на польском, белорусском и украинском языках, ЦК Красной помощи выпустил 50 изданий тиражом в 700 тыс. экземпляров, а окружные организации еще 350 тыс. экземпляров листовок и воззваний⁶⁹. Мопровские листовки, лозунги, воззвания широко распространялись в массах. Так, только в конце 1931 г. во Львове они были обнаружены полицией в парке им. Костюшко, на деревьях Губернаторских валов, в коридоре университета Яна Казимира и других местах⁷⁰.

Большая работа польской секции была высоко оценена на Всемирном конгрессе МОПР, наградившем ее переходящим Красным Знаменем. Кроме того, ее представителям на конгрессе было вручено знамя Общества бывших политкаторжан⁷¹.

В середине 30-х годов правящие круги Польши, вдохновляемые примером фашистской диктатуры в Германии, усилили репрессии против трудящихся, проводя в жизнь «санационную» политику. За 1933—1937 гг. в Польше было убито свыше 670 человек, только за 1932—1934 гг. арестам подверглось 111 171 человек, в 364 тюрьмах находилось до 30 тыс. политзаключенных⁷². В июне 1934 г. по примеру гитлеровских властей правительство Польши издало распоряжение о создании концлагерей, куда в административном порядке могли быть сосланы «лица, деятельность или поступки которых дают основание усматривать угрозу с их стороны нарушения безопасности, спокойствия и общественного порядка». Постановление судьи о высылке в концлагерь не подлежало обжалованию⁷³. Один из первых концлагерей был создан в Березе Картузской, и туда были отправлены без следствия и суда тысячи участников революционного и национально-освободительного движения.

⁶⁵ «Международная пролетарская солидарность в борьбе с наступлением фашизма (1928—1932)», с. 252.

⁶⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 539, оп. 1, д. 2, л. 150.

⁶⁷ О. М. Ш в и д а к. Там же, с. 76.

⁶⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 539, оп. 1, д. 2, л. 157—158.

⁶⁹ И. М а р и л ь с к и й. Белый террор и Красная помощь Польши. М., 1933, с. 43—44.

⁷⁰ «З історії революційного руху у Львові», с. 414—415.

⁷¹ И. М а р и л ь с к и й. Там же, с. 46.

⁷² А. М а ц к о. Там же, с. 61—62.

⁷³ «Борьба трудящихся Западной Белоруссии...», т. 2. Минск, 1972, с. 292—293.

В таких условиях борьба Красной помощи Польши против террора, за ликвидацию концлагерей, за амнистию политзаключенных влилась составной частью в борьбу Компартии за создание единого антифашистского народного фронта. Под влиянием Красной помощи активизировались многие прогрессивные организации, в том числе Лига защиты прав человека и гражданина. Во многих городах были созданы при участии МОПР межпартийные комитеты борьбы за амнистию. Во Львове такой комитет из представителей 27 организаций был образован на конференции борцов за амнистию ⁷⁴.

Кампания в Польше за амнистию получила широкую международную поддержку в результате действий ИК МОПР, национальных мопровских секций, посещений польских тюрем антифашистскими зарубежными делегациями. Правительство Польши, которое собиралось давать амнистию только уголовникам, вынуждено было распространить ее на всех осужденных до 3 лет, а затем и до 10 лет. В начале 1936 г. Сеймом был принят закон об амнистии, полученной в результате кампании, руководимой Компартией и Красной помощью. Около 10 тыс. политзаключенных получили свободу. В ходе борьбы за амнистию вырос авторитет КПП и МОПР Польши, сделан был крупный шаг к созданию народного фронта ⁷⁵.

Чтобы превратить Красную помощь в широкую организацию народного фронта, ЦК Компартии предложил в начале 1936 г. провести ее реорганизацию, укрепить руководство, куда, наряду с коммунистами, вошли такие видные представители прогрессивной интеллигенции, как проф. Чарновский, писатели В. Василевская, А. Струг и др. Был налажен выпуск легального мопровского журнала «Обличье дня», в котором сотрудничали В. Броневский, Л. Кручковский, З. Налковская. В низовых организациях Красной помощи вместе сотрудничали коммунисты, социалисты, людовцы, беспартийные ⁷⁶.

Ярким проявлением силы Красной помощи, ее авторитета в массах, ее способности поднять на борьбу широкие слои населения явилась кампания за спасение Сергея Притыцкого, которого в июне 1936 г. суд приговорил к смертной казни за покушение на провокатора. ЦК МОПР Западной Белоруссии обратился с призывом к трудящимся — не допустить смерти Притыцкого ⁷⁷. Красная помощь Польши выделила для его защиты своих лучших адвокатов: Т. Дурача и Л. Беренсона. Митинги и демонстрации с требованием отменить смертный приговор С. Притыцкому прошли во многих странах мира. Посольства и консульства Польши были забросаны тысячами телеграмм и резолюций в защиту польского коммуниста. Борьба за спасение С. Притыцкого заставила кассационный суд в Варшаве 15 декабря 1936 г. отменить приговор и передать дело на вторичное расследование. В феврале 1937 г. Виленский суд приговорил С. Притыцкого к пожизненному тюремному заключению ⁷⁸. «Своей жизнью я обязан воле трудящихся, активной борьбе мопровцев Польши, — говорил С. Притыцкий. — Это они вырвали меня из лап судей, заставили суд заменить смертную казнь пожизненным заключением» ⁷⁹.

Борьба за спасение С. Притыцкого была одной из последних крупных кампаний Красной помощи Польши и международных кампаний МОПР против террора польских властей. На протяжении более 15 лет МОПР

⁷⁴ Б. Дудикевич. Там же, с. 52—55; О. М. Швидак. Там же, с. 80 и др.

⁷⁵ Б. Дудикевич. Там же, с. 55—56; О. М. Швидак. Там же, с. 155—157.

⁷⁶ «История Польши», т. III. М., 1958, с. 413.

⁷⁷ «Борьба трудящихся Западной Белоруссии...», т. 2, с. 404—406.

⁷⁸ С. Авишов. Аркаша. «Неман», 1974, № 1, с. 144—148.

⁷⁹ В. Черевков. Пролетарская солидарность. М., 1941, с. 7.

вел систематическую борьбу в защиту жертв террора в Польше. Проведенные им кампании спасли от смертной казни десятки польских революционеров, вырвали тысячи их из застенков; материальная поддержка и моральная помощь помогли сохранить здоровье, силы, веру в свое дело десяткам тысяч революционных борцов. Красная помощь Польши своей героической деятельностью в нелегальных условиях внесла определенный вклад в развитие революционных традиций польского народа, способствовала образованию широкого антифашистского фронта, руководимого коммунистами. В наши дни трудящиеся Польши, выступая вместе с народами других социалистических стран против террора и преследований в капиталистических странах, продолжают развивать славные традиции Красной помощи.

А. Н. САЛИВОН

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗОВАНИИ НАРОДНОСТИ ОБОДРИТОВ

Полабские славяне¹, к которым принадлежали ободриты, занимали в конце 1-го — начале 2-го тысячелетия н. э. территорию от реки Лабы (Эльбы) и ее притока Салы на западе до реки Одры (Одер) на востоке, от Рудных гор на юге до Балтийского моря на севере. В настоящее время уже доказано, что полабов нельзя рассматривать автохтонами этого района². В первые века нашей эры здесь жили германские племена; охваченные волнами великого переселения они в III — начале IV вв. перемещаются на новые земли и, как свидетельствуют археологические данные, область по рекам Лаба — Сала почти полностью обезлюдела³. Во второй половине VI—VII вв. сюда перемещаются и расселяются славянские племена⁴. Славяне, вполне вероятно, вступали в контакты с остатками германского населения⁵, однако не следует преувеличивать объем этих контактов, так как сохранившийся германский элемент был крайне незначительным и, вероятно, ассимилирован славянами⁶. Определенно одно — в результате западнославянского переселения изменяется и этническая и политическая карта Центральной Европы. Появляются новые этносы, в том числе ободриты.

В литературе до настоящего времени основное внимание уделялось политической и социально-экономической истории ободритов⁷, тогда

¹ Большая группа западнославянских племен. Для ее обозначения помимо термина «полабские славяне» в литературе употребляются термины «балтийские славяне», «полабо-прибалтийские славяне». Они делились на племенные союзы лютичей, ободритов, лужицких сербов.

² О взглядах автохтонистов Шелебера, Богуславского, Кентжинского см. М. К. Л ю б а в с к и й. История западных славян. М., 1918, с. 12—13.

³ J. H e g g m a n n. Zwischen Hradschin und Vineta. Frühe Kultur der Westslawen. Berlin, 1976, S. 19.

⁴ Вопрос о времени заселения славянами этой территории до сих пор остается открытым. Взгляды ученых отражены в статье Е. А. Горюнова «Раннеславянские древности в чехословацкой, немецкой и польской литературе». «Советская археология», 1970, № 4, с. 296.

⁵ Археологи отмечают германское влияние на так называемый «суковский» тип славянской керамики, а также на форму жилищ. См. И. П. Р у с а н о в а. Славянские древности VI—VII веков. М., 1976, с. 155, 159—160.

⁶ J. H e g g m a n n. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder/Neisse und Elbe. Berlin, 1968, S. 73.

⁷ См., напр., А. Ф. Г и л ь ф е р д и н г. История балтийских славян. Соч., т. 4, СПб., 1874; Н. П. Г р а ц и а н с к и й. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. М., 1943; В. Д. К о р о л ю к. Государство Готшалка. Славянский сборник. М., 1947; З. М. Ч е р н и л о в с к и й. Возникновение раннефеодального государства у прибалтийских славян. М., 1959; Н. В u l i n. Počátky státu obodrického. «Právněhistorické studie», d. IV. Praha, 1958; G. L a b u d a.

как их этническая история почти не изучена ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. Несомненно, что ее реконструкция позволит полнее представить исторические судьбы полабского славянства.

В данной статье делается попытка осветить некоторые стороны этнической истории ободритов. Материалом для ее написания послужили письменные источники, а также специальная историческая и этнографическая литература.

Источниками по этнической проблеме ободритов являются хроники Видукинда, Титмара Мерзебургского, Адама Бременского, Гельмольда⁸. Давать им подробную характеристику нет особой надобности, ибо существует обширная литература вопроса. Заметим лишь, что все перечисленные авторы — представители враждебного славянам лагеря. Отсюда неудивительна односторонность, противоречивость, тенденциозность их сообщений, интерпретировать которые очень сложно. «Полабские славяне,— замечал историк Павинский,— исчезли с исторического поприща, не дождавшись своего исторического деесписателя»⁹. Немецкие хронисты почти не уделяют внимания специфическим особенностям образа жизни ободритов, изменениям границ их расселения. Это мешает проследить в более или менее конкретной форме эволюцию их этнических образований.

Полезной для исследования темы стала плодотворная дискуссия советских этнографов и историков в 60—70-х годах по теоретическим проблемам этнографии. В ходе этой дискуссии сформировались представления об отличии этноса от других человеческих общностей, узком и широком понимании этноса, иерархичности этнических общностей, их типологии¹⁰. Этническую общность автор вслед за большинством участников дискуссии понимает как развивающуюся социальную систему, которая складывается на основе широких экономических, культурных, политических связей, как общность людей с характерными для нее признаками: общностью территории, языка, экономической жизни, культурного уклада, наличием этнического самосознания.

У немецких хронистов, как и у их предшественников — античных авторов, существовало вполне определенное понятие о различных уровнях этнических единиц у славян. Общность славян обозначается ими собирательными наименованиями *Scлавia*, *Scлавonia*, *Scлавorum populi*; в то же время они подчеркивают множественность славянских народов. «Славянских народов существует много...», — отмечает Адам, а вслед за ним

Fragmenty dziejów słowiańszczyzny zachodniej, t. 1—3. Poznań, 1960—1976; W. F r i t z e. Probleme der abodritischen Stammes- und Reichsverfassung und ihrer Entwicklung vom Stammesstaat zum Herrschaftsstaat. In «Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder». Giessen, 1960; J. B r a n k a č k. Studien zur Wirtschaft und Sozialstruktur der Westslawen zwischen Elbe—Saale und Oder aus der Zeit vom 9. bis 12. Jahrhundert. Bautzen, 1964; J. H e r g m a n n. Siedlung, Wirtschaft...

⁸ В работе использованы издания: В и д у к и н д К о р в е й с к и й. Деяния саксов. Перевод, вступительная статья, примечания Г. Э. Санчука. М., 1975; Г е л ь м о л ь д. Славянская хроника. Перевод, вступительная статья, примечания Л. В. Разумовской. М., 1963; Thietmari Merseburgensis Episcopi Chronicon. «Monumenta Germaniae historica Scriptorum rerum Germanicarum». Nova series, t. 9. Berlin, 1935 (далее — Thietmar); Adami Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae Pontificum. In: «Quellen des 9. und 11. Jahrhunderts zur Geschichte der Hamburgischen Kirche und des Reiches», Bd. XI. Berlin, 1961 (далее Адам); Helmoldi Presbyteri Chronica Sclavorum. Hannover, 1868 (далее Helmold).

⁹ А. П а в и н с к и й. Полабские славяне в борьбе с немцами VIII—XII вв. СПб., 1871, с. 10.

¹⁰ Основные положения дискуссии см. Ю. В. Б р о м л е й. Этнос и этнография. М., 1973.

Гельмольд¹¹. Среди них хронисты различают винитов или винулов (Winithi, Winuli)¹², которые в свою очередь представляли совокупность называемых авторами хроник более мелких этнических единиц. Позволим привести любопытную выдержку из «Славянской хроники» Гельмольда: «...оттуда граница тянется до земли винитов, тех именно, которые называются ваграми, ободритами, хижанами, черзепянами...»¹³. Из ее содержания видно, что виниты — общее название для группы племен, в том числе ободритов.

В источниках имя «ободриты» предстает как Abotriti¹⁴, Obodriti¹⁵, Obotriti¹⁶, в русской транскрипции — ободриты, бодричи, оботриты¹⁷.

Впервые название Abotriti появляется у франкского хрониста Эйнгарда в VIII в. в связи с участием их в походе Карла Великого против вильцев¹⁸. В Анналах ничего не говорится об их происхождении, первоначальном месте поселения.

Несколько позднее, в середине IX в., так называемый Баварский Географ, описывая славянские земли, упоминает «северных» ободритов (Nortabtrezi) и «восточных» ободритов (Osterabtrezi) на Дунае¹⁹. Это сообщение позволяет предполагать существование в районе среднего Дуная ободритской общности, а территорию среднего Дуная рассматривать как первоначальное место поселения ободритов. Отсюда часть их в период великого переселения переместились на северо-запад в район нижней Лабы (Nortabtrezi по терминологии Баварского Географа)²⁰. Археологические исследования устанавливают родство керамического материала этих двух районов, но для твердых, бесспорных выводов о прародине ободритов на Дунае имеющихся археологических данных еще недостаточно²¹. Не отвергая такой возможности, следует, однако, предусматривать вероятность временного пребывания ободритов на Дунае в период переселения и сопутствующих ему различных объединительно-разъединительных процессов²².

Ни у Баварского Географа, ни у Видукинда Корвейского (925—980) мы не находим конкретных указаний о племенном составе ободритов. Из сообщения Титмара Мерзебургского (975—1018) очевиден факт политической интеграции племен ободритов и вагров²³. Два последующих

¹¹ Adam, II, 21; Helmold, I, 6.

¹² «Мы приходим к обширнейшей стране тех славян, которые... теперь винитами или винулами называются...». Helmold, I, 2.

¹³ Helmold, I, 6.

¹⁴ Thietmar, VIII, 5.

¹⁵ Adam, II, 21.

¹⁶ Helmold, I, 18.

¹⁷ См. примечание Л. В. Разумовской в кн. Г е л ь м о л ь д. Славянская хроника, с. 249.

¹⁸ Annales regni Francorum, a. 789. In «Quellen zur Karolingischen Reichsgeschichte», Bd. V. Berlin, 1960.

¹⁹ В. Н о г а к, Д. Т р а в н и ч е к. Descriptio civitatum ad septentrionalem plagam Danubii (t. zv. Bavarsky geograf). Rozpravy Československé Akademie Věd. Ročník 66. Praha, 1956, p. 2.

²⁰ Анализ данных Баварского Географа см. W. F r i t z e. Die Datierung des Geographus Bavarus und die Stammesverfassung der Abodriten. «Zeitschrift für slavische Philologie», 1952, Bd. 21, H. 2.

²¹ J. Н е р г м а н н. Siedlung, Wirtschaft..., S. 76.

²² В ряде исследований приводятся серьезные аргументы несостоятельности дунайской теории славянского этногенеза, отрицается представление о Балканском полуострове как прародине славян. Б. А. Р ы б а к о в. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963; П. Н. Т р е т ь я к о в. Славяне в Поднепровье. «2. Internationaler Kongress für slawische Archäologie (Berlin, 1970)». Berichte, Bd. 2, Berlin, 1973, S. 74.

²³ «Deo prepositus erigitur et mens populi istius qui Abotritiet Wari vocantur, ut cor Fara onis ad haec indicatur...». Thietmar, VIII, 5. Известия Титмара об ободритах

хрониста, сведения которых об ободритах отличаются наибольшей полнотой, Адам Бременский (вторая половина XI в.) и Гельмольд (1117—1177) употребляют их название в широком (Бодрицкий союз) и узком (собственно племя ободритов) смысле. Из их хроник можно видеть изменение состава союза. Адам относит к Гамбургской церковной провинции народ Славии: вагров (Waigri), ободритов (Obodriti), полабов (Polabingi), линонов (Linoges), варнов (Warnabi), хижан (Chizzini), черезпенян (Circipani)²⁴. Гельмольд в составе Ольденбургского диоцеза называет ободритов, хижан, полабов, варнов²⁵. Ободриты выступают у Гельмольда в трех определениях — terra Obotritorum, provincia Obotritorum, regnum Obotritorum и хронист, как уже отмечалось исследователями²⁶, понимает их различие. Terra употребляется Гельмольдом для обозначения территории расселения ободритов, в то время как regnum выражает охват сферой политического господства большой области, куда входили как terra Obotritorum, так и «...все другие славянские племена» (universe Sclavorum nationes), или другими словами regnum обозначал политическую общность ободритов²⁷.

Свидетельством понимания Гельмольдом ободритской общности в широком смысле может служить и сообщение главы 62 «О Никлоте». Говоря о походе 1147 г. в славянские земли, он пишет: «Третье войско крестоносцев предприняло поход против славянских народов, а именно, против соседящих с нами ободритов и лютичей...»²⁸. В данном случае речь, видимо, идет об ободритском объединении, так как племя ободритов не граничило с Саксонией. К тому же хронист противопоставляет их союзу лютичей — одной из ветвей полабских славян²⁹. Различия между ободритским и лютицким объединениями автор видел не столько в этнических особенностях, сколько в политических. Не нужно забывать, что западные славяне представляли перед хронистами прежде всего в политических контактах как враждебные франкам, немцам политические образования. Этническая же специфика их не интересовала и занимает в хрониках подчиненное место. Итак, в состав Ободритского союза, по мнению большинства специалистов, входили помимо собственно ободритов вагры, полабы, варны, а временами линоны и некоторые другие славянские племена. О четырех первых как об основном ядре союза и будет идти речь.

Хронисты употребляют для их обозначения термины gens, populus, natio, переводимые — «племя», «народ»³⁰. Возникает вопрос, можно ли характеризовать ободритское племенное объединение как некую единую

мизерны. Предполагают, что самих вагров, которые упоминаются рядом с ободритами, он едва ли не считал за другое название одного и того же народа. Ф. Я. Ф о р т и н с к и й. Титмар Мерзебургский и его хроника. СПб., 1872, с. 165.

²⁴ Adam, II, 21; II, 20.

²⁵ Helmold, I, 18.

²⁶ W. F r i t z e. Probleme der abodritischen Stammes..., S. 143.

²⁷ «... igitur terra Obotritorum et finitime regiones, que pertinent ad regnum Obotritorum (...вся земля ободритов и соседние области, принадлежащие Бодрицкому государству...). Helmold, II, 5. Выявить специфику терминов «terra», «provincia» трудно. Термин «provincia Obotritorum» в ряде случаев перекрывает понятие «terra Obotritorum», определяя состав всего Ободритского объединения, а не только территорию собственно племени ободритов. Гельмольд иногда называет государство Готшалка «славянской страной» (Sclavorum provincia). Helmold, I, 24.

²⁸ Helmold, I, 62.

²⁹ «Их же — четыре племени, и они называются лютичами или вильцами; из них хижане и черезпеняне, как известно, обитают по ту сторону Пены, ратари же и доленчане — по эту». Helmold, I, 21. См. наиболее обстоятельную работу о лютичах. W. B r ü s k e. Untersuchungen zur Geschichte des Lutizenbundes. Münster/Köln, 1955.

³⁰ Термин «gens» четко не дифференцировался средневековыми авторами и применялся для обозначения рода, племени, союза племен.

этническую общность? Вновь обратимся к хроникам. Их авторы бесспорно считают это объединение славянским, о чем свидетельствует соседствующая идентичность понятий terra Obotritorum и terra Sclavorum³¹. Выделяют они и признаки, отличающие описываемых славян от германцев, данов и других народов: очерченные территориальные границы местожительства³², внешний вид и язык³³, чувство сопричастности к своей «земле» — отечеству (patria)³⁴, обычаи³⁵, религия³⁶. Совокупность этих признаков позволяет поставить вопрос о самосознании ободритской общности.

В последнее время возрастает число исследователей, склонных рассматривать самосознание как важнейший этнический определитель, как «результат существования этнической общности, ее внешнее проявление»³⁷. Для нас важно рассмотреть аспекты этнического самосознания как осознание принадлежности к определенному этносу³⁸. Структурообразующими компонентами этнического самосознания в этом плане выступает общность происхождения, культуры (материальной и духовной, в том числе религии), языка, самоназвание.

Говоря о самосознании ободритской общности того времени, мы имеем в виду прежде всего общность происхождения и языковое родство. В советской литературе об общности происхождения как этническом показателе высказываются разные мнения. Одни ученые признают этот фактор важным компонентом этнической общности, но только для ранних ступеней развития человеческого общества³⁹; другие доказывают, что «общность происхождения во всех своих проявлениях, и в том числе в этническом самосознании, является очень важным и обязательным признаком любого этнического образования»⁴⁰. По мнению Ю. В. Бромлей «необходимо различать два аспекта проблемы: с одной стороны — объективное существование общности происхождения членов этноса, с другой — представление о такой общности, выступающее как компонент этнического самосознания»⁴¹.

³¹ «Земля ободритов», «земля Славии». См. главу «Убийство Никлота». Helmold, I, 87.

³² Adam, II, 21; Helmold, I, 2.

³³ «... если причислить к ней чехов и... поляков, которые не отличаются от жителей Славии ни своей внешностью, ни языком...». Adam, II, 21; см. также Helmold, I, 1.

³⁴ «...мы, изгнанные с родины...». Helmold, I, 83.

³⁵ Глава 52 первой книги Гельмольда так и называется «Об обычаях славян». В главе 13 находим сообщение, что князь ободритов Мечислав опасался, «как бы... чужеземные обычаи не распространились в стране». Helmold, I, 13.

³⁶ Славяне для хронистов «народ, преданный идолопоклонству...» (Helmold, I, 2); «варварские, языческие народы», противостоящие христианам (Helmold, I, 46).

³⁷ См. П. И. Кушнер. Национальное самосознание как этнический определитель. Краткие сообщения Института этнографии, вып. 8. М., 1949; Н. Н. Чебоксаров. Проблемы происхождения древних и современных народов. М., 1964; В. И. Козлов. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса. «Советская этнография», 1974, № 2; А. Г. Агаев. К вопросу о теории народности. Махачкала, 1965; Г. В. Шелепов. Общность происхождения — признак этнической общности. «Советская этнография», 1968, № 4; Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973 и др.

³⁸ Ю. В. Бромлей отмечает: «Этническое самосознание прежде всего фиксирует (возможными способами) принадлежность людей к определенному этносу... и включает суждения членов этноса о характере действий своей общности, ее свойствах и достижениях... Эти суждения неразрывно связаны с представлениями о других этносах». Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография, с. 97.

³⁹ С. А. Токарев. Проблема типов этнических общностей. «Вопросы философии», 1964, № 11, с. 45.

⁴⁰ Г. В. Шелепов. Общность происхождения — признак этнической общности, с. 73.

⁴¹ Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография, с. 102—103.

До сих пор остается еще много неясного в вопросе о происхождении ободритских племен. Несмотря на интенсивный размах археологических работ, пока не удалось твердо установить ни района их первоначального поселения, ни тем более локальных особенностей культуры этих племен. Не менее сложно решить вопрос об осознании общности происхождения самими ободритами. Сведения, сообщаемые о них, исходят от чужеземных авторов и носят на себе печать субъективных оценок. Это дало повод некоторым западногерманским историкам утверждать, что в средние века невозможно обнаружить чувства славянской общности, и само понятие славянской общности возникло вне славянского мира⁴². Согласиться с этим никак нельзя. Сообщая об оскорблении маркграфом Теодоризом князя винулов Мстивоя Гельмольд передает, что Мстивой «...созвав всех славян, живущих на востоке, рассказал им о нанесенном ему оскорблении и о том, что на языке саксов славяне называются собаками...»⁴³. В данном случае сквозь призму восприятия хрониста проступает осознание собравшихся себя славянами. Советские историки показали, что термин «славяне» (как и «славянский язык») был распространен у всех славянских ветвей в качестве самоназвания и опирался на местные традиции представлений об общем происхождении⁴⁴. В связи с этим представляется истинным мнение В. Д. Королюка, что само название «Славия», «Славония», которые употреблялись Адамом и Гельмольдом для обозначения Ободритского княжества, было всего лишь латинской передачей местного понятия «славянская земля»⁴⁵.

Из той же хроники Гельмольда мы узнаем, что «...Мстивой — князь славянский... был изгнан из отечества...»⁴⁶, что князя винулов предпочитают «лучше уйти из земли, чем взять на себя еще более высокие дани»⁴⁷. Несомненно, хронист связывает понятие «отечество» с представлением о земле «предков» и чувством общего происхождения.

Осознание себя славянским народом подкреплялось языковым родством. Исследователи даже высказывают мнение о нерасчлененности для периода раннеклассовых обществ языка и этнического самосознания как свойств-признаков этноса⁴⁸. В хрониках отчетливо подчеркивается наличие общего языка (*slavica lingua*), на котором говорили описываемые славяне. Ни Адам, ни Гельмольд ни разу не упомянули о языке полабов, ободритов, вагров, варнов, хотя язык, как отмечалось выше, хронисты считали одним из показателей различия между народами. Это наталкивает на мысль, что авторы хроник не улавливали заметных особенностей в языке славянских племен и таковых, видимо, действительно, не было. Подтверждением служит уже упоминаемое нами сообщение о Мстивое, «собравшем всех славян... и рассказавшем им...». В хронике мы встречаем и еще несколько интересных для нас сообщений. Гельмольд указывает, что «Готшалк... сам обращался с проповедью к народу... стремясь

⁴² M. H e l l m a n n. Grundfragen slawischen Verfassungsgeschichte des frühen Mittelalters. «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». München, 1954, Bd. 2, H. 4, S. 403.

⁴³ Helmold., I, 16.

⁴⁴ М. Н. Т и х о м и р о в. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. Славянский сборник. М., 1947, с. 128; В. В. М а в р о д и н. Происхождение русского народа. Л., 1978, с. 46.

⁴⁵ В. Д. К о р о л ю к. К вопросу о славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян в X—XII вв. В сб. История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М., 1968, с. 107, 113.

⁴⁶ Helmold, I, 16.

⁴⁷ Helmold, I, 18.

⁴⁸ А. М е й е. Общеславянский язык. М., 1951, с. 5, 6; В. Д. К о р о л ю к. К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев. В сб. Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976, с. 20.

передать на понятном славянском языке...». Хронист говорит также о «разведчике», знавшем славянский язык⁴⁹. Языковое родство находилось, несомненно, в тесном единстве с осознанием общности происхождения и способствовало формированию ободритского этноса⁵⁰.

Осознание ободритами своей общности укреплялось во взаимоотношениях с другими народами. Контакт с враждебными, более развитыми этническими образованиями (франками, саксами) обострял чувства противопоставления себя как славян другим народам⁵¹. Военная опасность заставляла создавать большие межплеменные ополчения. В результате увеличивалась плотность «информационных связей», что в свою очередь играло большую роль в процессах этнической консолидации, в формировании этнического самосознания⁵². Перед угрозой внешней опасности в условиях роста межплеменных связей у населения племенных территорий укрепляется чувство принадлежности к более широкой общности.

Таким образом, ободриты предстают этнической общностью с определенной территорией, общим языком или близкими диалектами, примерно одинаковым уровнем культуры, крепнущим самосознанием своего единства. Приходится, однако, признать, что письменные памятники дают скудные известия о наличии самосознания ободритской общности. Открытым и вряд ли разрешимым остается вопрос о ее самоназвании. Как политическая общность она обозначалась в хрониках *regnum Obotritorum*, но принималось ли это название всеми входящими в состав союза — сказать трудно.

Известно больше фактов из истории племен, составлявших Ободритское объединение. Каждое отдельное племя предстает в хрониках своеобразным этнотерриториальным образованием с границами расселения, названием, обычаями, верованиями.

Вагры⁵³, по данным Адама и Гельмольда, занимали область между Балтийским морем и рекой Травой⁵⁴, а также ряд островов, в том числе остров Фембре (Фемари)⁵⁵. Адам называет вагров «наиболее западными из славянских народов»⁵⁶. Центральным пунктом вагров был город Старгард — Альденбург⁵⁷.

Бодричи (в узком смысле) расселялись в районе озера Шверин⁵⁸ между реками Травой и Варной. Главный центр — Микилинбург (*Mikilīnburg*). Славянское его название, возможно, было или Вилиград⁵⁹

⁴⁹ Helmold, I, 16; I, 20; I, 25.

⁵⁰ В. И. Козлов рассматривает общность языка и как условие формирования этноса и как результат этого процесса. В. И. К о з л о в. О понятии этнической общности. «Советская этнография», 1967, № 2, с. 107. Некоторые авторы язык считают не этноформирующим фактором, а этническим признаком. М. В. К р ю к о в. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза. Расы и народы, вып. 6. М., 1976, с. 57.

⁵¹ «И они (славяне) сказали: „Ты (Мстивой. — А. С.) страдаешь по заслугам, ибо, отвергая своих, мы стали почитать саксов, народ вероломный и жадный...“» Helmold, I, 16.

⁵² Впервые этот вопрос обстоятельно поставлен в статье С. А. Арутюнова и Н. Н. Чебоксарова «Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества». Расы и народы, вып. 2. М., 1972, с. 8—41.

⁵³ В источниках: Waari (*Widukind*, III, 68); Wari (*Thietmar*, VIII, 5); Wagri, Waigri (*Adam*, II, 21; IV, 18); Wagiri (*Helmold*, I, 2).

⁵⁴ Helmold, I, 56.

⁵⁵ См. Л. Н и д е р л е. Славянские древности. М., 1956, с. 114.

⁵⁶ Adam, II, 21.

⁵⁷ Helmold, I, 12. «Альденбург — это то же, что на славянском языке Старград, т. е. старый город. Расположенный, как говорят, в земле вагров в западной части Балтийского моря, он является пределом Славия...».

⁵⁸ Helmold, I, 53. О расселении см. J. Н е r g m a n n. Siedlung, Wirtschaft..., S. 19.

⁵⁹ Н. С. Д е р ж а в и н. Славяне в древности. М., 1946, с. 31.

или Мехлин⁶⁰. Латинское название Микилинбурга — Magnopolis⁶¹. Иногда в хрониках ободриты именуются ререгами (Deinde seguntur Obodriti, qui nunc Reregi vogantur)⁶².

Варны⁶³ расселялись по среднему течению реки Варны. Центральным пунктом, возможно, был Пархим⁶⁴.

Полабы⁶⁵ занимали пространство к югу от ободритов между Лабой и Травой. Центром полабов был город Рацисбург⁶⁶. Предположительное славянское название города — Ратибор⁶⁷.

Хронисты, пожалуй, больше подчеркивают локальную обособленность каждого из ободритских племен, чем сопричастность к широкой общности. Всякий раз говоря о том или ином племени, они не забывают очертить его территорию (Wagirogum provincia, terra Obotritorum), противопоставляя его тем самым как союзу в целом, так и соседним племенам. Даже в рамках государства Готшалка Гельмольд указывает на сохранение земли вагров, полабов, ободритов⁶⁸. Сохранились их территории и в XII в. Гельмольд пишет, что в годы совместного княжения в Ободритском государстве Прибислава и Никлота Прибислав управлял землей вагров и полабов, а Никлот — землей ободритов⁶⁹. Каждое из племен имело центральный город, являвшийся своего рода нервом общественной жизни племени. Порой хронисты территорию и жителей определяют названием этого города⁷⁰.

Неприязнь к язычникам в целом не заслонила для немецких авторов самобытности племенных религий. «Не все они (славяне. — А. С.) — отмечает Гельмольд, — придерживаются одних и тех же языческих обычаев» и перечисляет их богов: у вагров — Прове (Prove), у полабов Сива или Жива (Siva), у ободритов Редегаст (Radigast)⁷¹. В описании священной рощи с главным богом вагров Прове хронист подчеркивает, что это место было «святыней всей земли», куда «каждый второй день недели имел обыкновение собираться весь народ с князем и жрецом на суд»⁷². Вагрская земля, таким образом, выступает и культовой общностью с многообразными идолами и главным местным богом. Эта религиозная общность совпадала с вагрской этнической и политической общностью, так как Прове был «богом этой земли»⁷³ и сборы в роще всего народа надо понимать как сборы народа вагрского.

⁶⁰ J. N a l e p a. Pierwotne brzmienie nazw Meklemburga i Ratzeburga. «Przegląd Zachodni», 1953, № 9—10, s. 266.

⁶¹ Adam, II, 21, III, 20, III, 51 («Магнополис — это то же самое, что Микилиббург...»).

⁶² Adam, II, 21, III, 20. Принимая во внимание слова Франкских Анналов «Lingua Danorum Reric dicebatur» (Annales regni Francorum, a. 808), некоторые ученые считают название Reregi датским синонимом ободритов. По мнению Нидерле, ререгами именовалась лишь часть племени ободритов, живших в районе укрепленного пункта Рериг. Л. Н и д е р л е. Славянские древности, с. 114.

⁶³ Warnabi (Adam, II, 21); Warnavi (Helmold, I, 2).

⁶⁴ А. П а в и н с к и й. Полабские славяне в борьбе с немцами VIII—XII вв., с. 20; «Die Slawen in Deutschland». Berlin, 1974, S. 166.

⁶⁵ В литературе можно встретить термин «полабцы». См., напр., А. Ф. Г и л ь - ф е р д и н г. История балтийских славян. с. 1; Polabingi (Adam, II, 21); Polabi (Helmold, I, 2).

⁶⁶ Adam, II, 21; Helmold, I, 2.

⁶⁷ См. J. N a l e p a. Pierwotne brzmienie nazw Meklemburga i Ratzeburga, s. 274.

⁶⁸ «...provincia Wagirorum, Polabingorum, Obotritorum». Helmold, I, 20.

⁶⁹ Helmold, I, 52.

⁷⁰ «...славянам в Альденбурге и во всей земле ободритов...» (Helmold, I, 84) или «славянам же Альденбурга и Микилинбурга» (Helmold, I, 86).

⁷¹ Helmold, I, 83.

⁷² Ibid.

⁷³ Ibid.

Наличие местных божеств в известной степени является показателем как племенной дифференциации, так и элементом этнического самосознания⁷⁴, «внешней меткой этнического единства»⁷⁵.

Наряду с указаниями локальных особенностей язычества у ободритских племен, мы встречаем любопытное описание идола Святовита, который почитался всеми славянскими племенами, и ему, как богу богов, все славянские земли посылали ежегодные приношения⁷⁶. После Святовита наибольшей популярностью у полабских славян пользовался Редегаст (Радигаст)⁷⁷. Знаток славянского язычества А. С. Фаминцын отмечает «необыкновенную популярность» Редегаста — его имя сохранилось в названии целого ряда местностей в землях западных славян⁷⁸.

В поклонении Святовиту и Редегасту всех ободритских племен проявлялось осознание ими общности исторических судеб. В условиях общей борьбы с надвигающейся с запада опасностью порабощения это чувство имело реальные основания. Славяне видели в Редегасте оракула, своего защитника, в знак победы приносили ему жертвы⁷⁹. Его изображение находилось в храме города Ретры у ратарей, и хронисты называют этот город «столицей славян»⁸⁰. Идолопоклонство этим общим богам являлось объединяющим идеологическим фактором в борьбе с немецким натиском⁸¹. Возникновение иерархии богов, сосуществование религиозных общностей разного масштаба отражало процесс приспособления язычества к условиям классового общества⁸². Очевидное тяготение славян к монотеизму расценивается нами как отражение процесса этнической интеграции.

Письменные памятники дают возможность выявить локальноэтническое самосознание каждого из племен. Немецкие хронисты совсем не случайно употребляют термины *gens*, *populus*, *natio* в неразрывной связи с определенной землей (*terra*, *provincia*) Вагрией, Полабией. Земля была для ее жителей отечеством, родиной предков (*terra patrum suorum*), однако осознание общности как кровнородственное единство в это время проявлялось лишь внешне. В действительности это чувство формировалось общностью исторических судеб, и особенно в условиях конфронтации с другими этносами⁸³. Осознание общности основывалось на обладании землей как главном источнике жизни. В совокупности это проявлялось как чувство общности происхождения. Исследователи обычно аргументируют его наличием самоназвания. Хронисты донесли до нас названия ободритских племен, но поскольку авторы этих хроник не славяне, необходимо выяснить, каково происхождение этих названий и можно ли их считать славянскими самоназваниями.

⁷⁴ Я. В. Минкявичус. Религия в этнической структуре общества. «Вопросы философии», 1976, № 11, с. 112.

⁷⁵ С. А. Токарев. Проблема типов этнических общностей. «Вопросы философии», 1964, № 11, с. 45.

⁷⁶ Helmold, II, 12.

⁷⁷ Ibid., I, 21, 23.

⁷⁸ А. С. Фаминцын. Божества древних славян. СПб., 1884, с. 184, 185.

⁷⁹ «...принесли ее (голову.— А. С.) в жертву богу своему Редегасту в знак победы» Helmold, I, 23.

⁸⁰ «...все это происходило в столице славян Ретре» Adam, III, 51.

⁸¹ О причинах сопротивления христианству см. Helmold, I, 25, 83.

⁸² На это обратил внимание В. Прохазка. См. V. P r o c h a z k a. Organisaace kultu a kmenové zřízení polabsko-pobaltských Slovanů. «Vznik a počátky Slovanů» Praha, 1958, d. II, S. 155. См. также В. Д. К о р о л ю к. Некоторые спорные и нерешенные вопросы истории славянских народов в раннефеодальный период (VII—XI вв.). В сб. Актуальные проблемы славяноведения. Краткие сообщения Института славяноведения, вып. 33—34. М., 1961, с. 111. Н. Ё о w m i а н с k i. Geneza politeizmu połabskiego. «Przegląd Historyczny», 1978, № 1, s. 1—18.

⁸³ Ю. В. Б р о м л е й. Этнос и этнография, с. 104.

Название ободритов, как уже отмечалось выше, распространялось не только на территорию и народ собственно племени ободритов, но и на государство. В обоих случаях для нас термин «ободриты» — этникон⁸⁴. Но это только на первый взгляд, если исходить лишь из факта наличия его в немецких хрониках. Существует обширная литература лингвистических исследований этого термина. Единого мнения о его этимологии до сих пор не выработано. Споры идут о патронимичности или топографичности происхождения этого названия. Нам в данном случае не столь важно, связано ли название «ободриты» с прародителем Бодром (Ободром)⁸⁵, или происходит от слова «bedgo», «bodgo» (долина, впадина, т. е. люди, живущие в долине, впадине)⁸⁶, или, наконец, от реки Одры⁸⁷. «Надежность этимологии, — как точно замечает В. А. Никонов, — обратно пропорциональна их количеству»⁸⁸. В любом случае можно говорить о древности происхождения названия ободритов, которое было перенесено ими с мест прежнего обитания и от славян стало известно хронистам. Не будет, следовательно, натяжкой видеть в имени ободритов их древнее самоназвание.

Дискуссионным остается вопрос о названии другого племени ободритского объединения — вагры. Немецкие ученые предполагают его скандинавское происхождение (Vågr — бухта) или древнегерманское Wagwarjos — «жители бухты»⁸⁹, связывая возникновение с временем расселения этого племени на новом месте. Хотя это предположение выглядит довольно шатким, у нас нет аргументированных оснований отвергать его и доказывать умозрительно древность и славянское происхождение этнонима «вагры». История знает разные пути возникновения и усвоения совершенно новых самоназваний⁹⁰, а название «вагры», распространяемое хронистами на определенную часть населения Ободритского объединения, вряд ли могло не быть самоназванием этой региональной общности. Встречается оно в хрониках также часто, как и имя ободритов. Впрочем, не исключена возможность обозначения ваграми себя другим именем⁹¹.

Названия «варны», «полабы» происходят, по мнению большинства специалистов, от местожительства этих народов по рекам Варне, Лабе⁹², и возникли, как и «вагры», во время расселения на новых местах. Итак, названия ободритских племен, как древние, возникшие до переселения,

⁸⁴ Этникон — название этноса представителем другого народа. См. В. П. Шаарин. Свидетельства письменных памятников королевства Венгрии об этническом составе населения восточного Прикарпатья в первой половине XIII века. «История СССР», 1978, № 2, с. 38.

⁸⁵ П. И. Шафарик. Славянские древности. Перевод с чешск., т. 2, кн. 3. М., 1848, с. 146; S. Urbanczyk. O pochodzeniu nazwy Obodrytów. «Studia linguistica slavnica Baltica». Lund, 1966, s. 310.

⁸⁶ Е. Мо́ско. Ubiedrza, Obodrowo i Obodryci. «Język Polski», 49, 1969, № 3, с. 209; ср. S. Rospond. Obodrici czy Obodrzycy? «Język Polski», 51, 1971, № 2, с. 140.

⁸⁷ J. Lelewel. Narody na ziemiach słowiańskich przed powstaniem Polski. Poznań, 1853, s. 750; T. Leher-Spławiniski. Obodriti — Obodrzyce. «Slavia Occidentalis», t. 18. Poznań, 1947, s. 223—228; J. Widajewicz. Niemcy wobec Słowian połabskich. Poznań, 1946, s. 7; J. Otrębski. Oder, Obodriten. «Studia linguistica slavnica Baltica». Lund, 1966, s. 206. О. Н. Трубачев. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. «Вопросы языкознания», 1974, № 4, с. 57.

⁸⁸ В. А. Никонов. Этнонимия. В сб. Этнонимы. М., 1970, с. 25.

⁸⁹ М. Васмер. Schriften zur Slawischen Altertumskunde und Namenkunde. Berlin, 1971, Bd. 2, S. 858—859.

⁹⁰ В. Ф. Генинг. Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970, с. 116.

⁹¹ W. Fritze. Probleme der abodritischen Stammes..., S. 152—153.

⁹² «Die Slawen in Deutschland». Berlin, 1974, S. 11.

так и новые — от мест поселения, скорее всего являлись славянскими самоназваниями, которые усваивались хронистами. Учитывая неразрывную связь самоназвания с самосознанием народа можно, по нашему мнению, говорить о наличии локального самосознания у каждого из ободритских племен.

Трудно сказать что-либо определенное об изначальной истории этих племен. Ни археологические, ни письменные источники не позволяют пока ответить на вопрос об их происхождении. Взгляды ученых противоречивы. Одни предполагают, что эти племена сложились еще до переселения, другие связывают их начало с периодом расселения на новых землях⁹³. Встречается попытка рассматривать племена вагров, полабов, варнов, ободритов как плод государственной политики франкских королей, в частности, акта 844 г. Людовика Немецкого⁹⁴. Ошибочность последнего предположения очевидна. Полабские славянские племена существовали задолго до этого акта. Свидетельством тому служат не только аналогичные явления на других территориях, но и археологические исследования: в пограничных зонах между племенами отсутствуют какие-либо находки. Возникли «свободные» пограничные зоны исторически раньше акта 844 г⁹⁵. Но насколько рано возникли известные нам племена, ответить трудно. Исконными, древними племенами или племенными группами, связанными действительным единством происхождения, их тоже считать вряд ли можно. В ходе великого переселения происходили, как бесспорно установлено наукой, многочисленные распады и интеграции, перегруппировки племен и союзов.

Вероятнее всего образование ободритских племен происходило в процессе их расселения, примерно в VII в. Уже к VIII в., как полагает В. Д. Королук, ободритские племена «представляли собой территориальные объединения, опиравшиеся на систему укрепленных „городов“. Их, по существу, неправильно было бы именовать племенами. Это были племенные княжества — примитивные зародыши будущего крупного относительно единого раннефеодального государства»⁹⁶.

Термин «племя», применяемый хронистами к ваграм, полабам, варнам, ободритам, является для их общественного строя VIII—XII вв., пожалуй, анахронизмом. Большинство советских ученых определяют племя как союз кровных родов, обладающих определенной племенной территорией, общими хозяйственными интересами, единым языком, культом, самоназванием⁹⁷. В литературе, посвященной типологии этнических общностей, стала распространенной схема: племя — народность — нация, где племя предстает основным этническим подразделением эпохи первобытности⁹⁸. Однако в последнее время эта традиционная точка зре-

⁹³ Обзор мнений см. W. F r i t z e. Probleme der abodritischen Stammes..., S. 149.

⁹⁴ Известно, что актом 844 г. Людовик Немецкий устранил верховную власть ободритского князя и утвердил многовластие в лице *duces* — региональных правителей. См. З. М. Чернил овский. Возникновение раннефеодального государства у прибалтийских славян, с. 86.

⁹⁵ W. F r i t z e. Probleme der abodritischen Stammes..., S. 149.

⁹⁶ В. Д. Королук. К вопросу о раннефеодальной государственности у полабо-прибалтийских славян. В сб. Славяно-германские отношения. М., 1964, с. 8.

⁹⁷ Н. Н. Чебоксаров. Проблемы распри этнических общностей в трудах советских ученых. «Советская этнография», 1967, № 4, с. 101; А. Л. Монгайт. Археологические культуры и этнические общности. «Народы Азии и Африки», 1967, № 1, с. 56; В. И. Козлов выражает несогласие с тезисом, что основная черта племени — кровнородственные связи. «Широко распространенное мнение, — пишет он, — что племя... основано на кровнородственных связях, нельзя признать вполне правильным, ибо эти связи определяют в основном лишь структуру племени, а не взаимоотношения между родами». В. И. Козлов. О понятии этнической общности, с. 104.

⁹⁸ См., напр., А. И. Архангельский. Племя, народность, нация как исторические формы общности людей. М., 1961.

ния поставлена под сомнение. «Отдельные племена,— пишет Чебоксаров,— вряд ли были основными этносами первобытного общества... Оно (отдельное племя) со свойственными ему институтами представляло скорее одну из ранних форм социальной организации, а не самостоятельную этническую общность. Основными типами этнических общностей эпохи первобытнообщинного строя были, вероятно, группы родственных племен, живших на смежных территориях, говорящих на диалектах одного языка и обладающих многими общими особенностями культуры. Именно такие племенные группы и представляли собой, по-видимому, основные этносы или народы эпохи первобытнообщинного строя»⁹⁹. Отдельные же племена, входившие в состав этих этносов, хотя и обладали некоторой языковой и культурной спецификой, тем не менее представляли собой только части или подразделения более крупных народов, своего рода этнографические группы¹⁰⁰. Мнение это спорно¹⁰¹. Бесспорным стал факт ранней консолидации племен, живущих на смежных территориях, говорящих на диалектах одного языка и обладающих общими особенностями культуры¹⁰². Это характерно для народов различных регионов земли, находящихся на стадии племенных отношений. Не составляли исключения и ободритские племена вагров, полабов, ободритов, варнов. Анализ совокупности письменных и археологических источников в сопоставлении с изученными процессами на соседних территориях дает основание рассматривать их как большие территориальные племена, образованные из так называемых малых племен¹⁰³. Их внутренняя структура за период VII—XII вв. подвергалась изменениям, уловить которые, однако, сложно. О малых ободритских племенах мы можем лишь догадываться. Источники не сообщают о них ничего определенного. Указания Адама и Гельмольда о так называемых «*pagi*» некоторые историки склонны рассматривать как обозначение малого племени¹⁰⁴, которое в VII—IX вв., видимо, представляло собой территориальное объединение мелких поселений, обозначаемых в немецкой литературе — терминами *Gaue*, *terrae*, *Burgwarde*¹⁰⁵. Каждое из мелких племен имело название либо по месту поселения, либо патронимикон¹⁰⁶. Отсутствие подробностей в хрониках о малых племенах может быть объяснено их вхождением в союзы, которые известны нам по хроникам под названиями племен вагров, полабов, ободритов. Эти большие племена предстают как территориальные объединения родственных малых племен с этнически однородным населением¹⁰⁷. Единство их, как указывалось выше, проявлялось в общности территории,

⁹⁹ Н. Н. Чебоксаров. Проблемы типологии этнических общностей..., с. 101; Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. Народы. Расы. Культуры. М., 1971, с. 70.

¹⁰⁰ В. Ф. Генинг. Этнический процесс в первобытности, с. 156 и сл.

¹⁰¹ Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография, с. 126 и сл.

¹⁰² Л. П. Лашук. Введение в историческую социологию, вып. 2. М., 1977, с. 37.

¹⁰³ Двуступенчатая территориальная структура позднплеменного и раннегосударственного строя (малое племя — большое племя) ряд историков считает явлением общеславянским. См. Г. Ловмянский. Основные черты позднплеменного и раннегосударственного строя славян. В сб. Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972, с. 9.

¹⁰⁴ Л. Нидерле. Славянские древности, с. 110. Не исключено, что термин «*pagi*» обозначал территориальное подразделение внутри малого племени. См. W. Fritze. Probleme der abodritischen Stammes..., S. 189.

¹⁰⁵ F. Engel. Beiträge zur Siedlungsgeschichte und historischen Landeskunden. Köln, 1970, S. 315.

¹⁰⁶ К сожалению, источники позволяют строить лишь предположения, так как не передают с очевидной достоверностью названий малых племен. См. W. Fritze. Probleme der abodritischen Stammes..., S. 204—205.

¹⁰⁷ Тезис об однородности ободритских больших племен не вызывает сомнения, ибо остатки германского населения на этих территориях были незначительны.

языка, социально-экономической структуры, одинаковом уровне культуры, самосознании, которое ярко выражалось в противопоставлении себя другим этносам. Это позволяет видеть в ваграх, полабах, ободритах, варнах этнические общности, а малое племя рассматривать составной частью такой общности.

Консолидация малых племен в рамках больших территориальных племен осуществлялась в ходе переселения и расселения и завершилась, видимо, во второй половине IX—X вв., чему в значительной степени способствовало усиление политического влияния князей больших племен в противовес власти мелких *reguli* и центральной власти Ободритского союза. Близкое родство мелких племен в процессе консолидации способствовало утрате ими своих самоназваний и сохранению (принятию остальными) лишь названия племени, которое выступало объединителем и из которого происходили вожди объединения¹⁰⁸.

Общности такого рода как вагры, полабы, ободриты, варны не получили до сих пор единого обозначения. Термины, встречаемые в литературе, очень пестры: «соплеменности»¹⁰⁹, «терра»¹¹⁰, «народцы»¹¹¹, «межплеменные общности», «протонародности»¹¹², «кайнонии»¹¹³, в немецкой литературе «*Stammesgruppen*»¹¹⁴, «*Grosstämme, Teilstämme*»¹¹⁵ и другие. Но авторы каждого термина вкладывают в него этнический смысл, определяют им этническую общность. Место ее в типологическом ряду этнических общностей можно установить, исходя из социально-экономического и политического состояния ободритов на рассматриваемом отрезке времени.

В настоящее время в историографии утвердился тезис об относительно высоком уровне раннефеодального развития полабских славян, не дающем никаких оснований говорить об их отставании в области социально-экономических отношений¹¹⁶. Подвергнут пересмотру вопрос о времени зарождения ободритской раннефеодальной государственности. Г. Булин относит начало государственной жизни у ободритов к концу VIII в.¹¹⁷, а В. Д. Королук — к VII в.¹¹⁸, некоторые исследователи — к X—XI векам¹¹⁹. В любом случае для нас важно подчеркнуть тесную взаимосвязь сложного и длительного процесса становления классового общества и государственности ободритов с формированием народности. Источники свидетельствуют о настойчивых попытках отдельных князей подчинить своей власти соседние племена. Наибольших успехов удалось достигнуть

¹⁰⁸ Л. Нидерле считал, что название полабов «является, по-видимому, собирательным для ряда мелких племен, к которым принадлежали смолинцы, ветичи или бетенчи...». Л. Нидерле. Славянские древности, с. 114; см. также П. Первольф. Германизация балтийских славян. СПб., 1876, с. 129.

¹⁰⁹ С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп..., с. 23.

¹¹⁰ В. Ф. Генинг. Этнический процесс в первобытности, с. 118.

¹¹¹ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, с. 228.

¹¹² Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография, с. 134—135, 141.

¹¹³ Л. П. Лашук. Введение в историческую социологию, с. 76.

¹¹⁴ J. V r a n k a ě k. Studien zur Wirtschaft... .

¹¹⁵ W. F r i t z e. Probleme der abodritischen Stammes... .

¹¹⁶ Обобщенные выводы советских и зарубежных славистов по этому вопросу см. В. Д. Королук. Некоторые спорные и нерешенные вопросы истории славянских народов..., с. 106—107.

¹¹⁷ H. B u l i n. Pocatky statu Obodrickego, s. 9, 41.

¹¹⁸ В. Д. Королук. Государство Бодричей в правление князя Готшалка. «*Slavia Occidentalis*». Poznań, 1962, t. 22, s. 176.

¹¹⁹ J. V r a n k a ě k. Studien zur Wirtschaft..., S. 156; J. H e r r m a n n. Slawen und Deutsche. In «*Germanen — Slawen — Deutsche. Forschungen zu ihrer Ethnogenese*». Berlin, 1968, S. 24; G. L a b u d a. Fragmenty dziejów Słowiańszczyzny zachodniej, t. 2, Poznań, 1964, s. 111; t. 3, 1976, s. 83, 89.

князьям Готшалку и Генриху. В процессе политической консолидации в рамках Ободритского государства создавались благоприятные условия этнической консолидации¹²⁰. Однако их реализация затруднялась особенностями внешнеполитического развития, иноземной агрессией.

По нашему мнению, этническая консолидация ободритов находилась на стадии формирования раннефеодальной народности. Справедливой представляется оценка факта употребления в средневековых источниках собирательных наименований «ободриты», «лютичи», «сербы» как свидетельство образования народности¹²¹, в то же время сохранились ярко выраженные локальные этно-территориальные единицы — отдельные племенные образования. Входящее в них население, как нам думается, обладало двойственным этническим самосознанием, т. е. «сознанием принадлежности к двум этническим общностям разного таксономического порядка»¹²²: в первую очередь к собственно вагрскому, ободритскому, полабскому образованиям и одновременно к ободритской общности в широком смысле.

Рассматривая ободритскую общность как формирующуюся раннефеодальную народность, мы склонны видеть в больших территориальных племенах VII—XII вв. промежуточную ступень между малым племенем и народностью¹²³. Процесс их полной консолидации в ободритскую народность оказался незавершенным.

¹²⁰ В настоящей статье мы не останавливаемся на интересном вопросе взаимовлияния этнических и политических общностей. Научная целесообразность такого подхода хорошо показана на примере средневековой Германии в работе Н. Ф. Колесницкого: «Объединение в одно государственное целое отдельных племенных общностей способствовало их общению и слиянию в одну общность — народность». Н. Ф. Колесницкий. Об этническом и государственном развитии средневековой Германии VI—XIV веков. Средние века, вып. 23. М., 1963, с. 196.

¹²¹ L. H r á b o v a. K otázce vzniku a vyvoje statu u Polabských Slovánů. «Československý časopis historický». 1955, n. 4, s. 666—667.

¹²² О различном употреблении термина «двойственное этническое самосознание» см. П. И. Пучков. О соотношении этнической и конфессиональной общностей. «Советская этнография», 1973, № 6, с. 53.

¹²³ Восточнославянские племенные группировки словен, вятичей, кривичей, радимичей Третьяков считает «не только племенными объединениями, но и примитивными народностями или „народцами“, находящимися на разных уровнях консолидации и мало помалу поглощаемыми складывающейся древнерусской народностью». П. Н. Третьяков. У истоков древнерусской народности, с. 70.

А. П. СОЛОВЬЕВА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОГРАММЫ И РАЗВИТИЕ ЧЕШСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Эпоха национального возрождения (конец XVIII — первая половина XIX века) была для Чехии временем кризиса феодального строя и его идеологии, временем складывания буржуазных отношений. Шел активный процесс осмысления языкового, исторического, этнографического, духовного единства чехов, их национальной общности. Рождается стремление реализовать это сознание, добившись для чехов определенных политических прав.

Чешская национальная литература как особая область духовной жизни народа, яркий выразитель его активности начинает складываться в обстановке общественно-национального подъема, роста антиабсолютистских настроений, коренной ломки старых воззрений, формирования национального самосознания. Процесс ее становления идет в условиях активного участия в общественном движении, в создании новых общественных и эстетических идеалов широких народных масс. Это во многом определило яркие демократические черты чешской литературы как в эпоху национального возрождения, так и в последующее время.

За полстолетия она прошла огромный путь от создания собственного литературного языка и просодии, от классицистической поэзии до первых шагов реализма, от незрелых подражательных произведений и стилизаций до таких шедевров отечественной литературы как поэма Махи «Май», сатирические поэмы Гавличка Боровского, повесть Немцовой «Бабушка», пьесы Тыла, которые вошли в сокровищницу мировой литературы.

Быстрая смена литературных систем, направлений, которые зачастую накладывались одно на другое, свидетельствовала о важных переменах в сознании человека, о растущей роли литературы в жизни развивающейся нации. Развитие чешской литературы проходило как бы в спрессованных формах (это характерно также и для литератур других славянских народов, развивавшихся в условиях национального порабощения).

Ранняя стадия чешского национального возрождения носила ярко выраженный просветительский характер и тяготела к классицистическому типу художественного обобщения, к классицистическим жанрам. Однако уже в первой четверти XIX в. классицистические тенденции сменяются романтическими, которые выросли на базе растущего национального самосознания и имели на чешской почве специфические формы «огласовой» литературы (обработка и подражание народному творчеству).

В предреволюционные 30—40-е годы рождается радикально-демократическая идеология и развивается революционно-романтическое течение.

Горький опыт революции 1848 г., принесший обострение социального видения мира, создал предпосылки для формирования нового, реалистического художественного мышления, которое утверждается в литературе в последующие десятилетия.

Развитию литературы как особой формы художественного познания и отражения действительности сопутствовало стремление к теоретическому осмыслению закономерностей ее развития. Д. С. Лихачев справедливо называет критику — зеркалом литературы, формирующей свое лицо, и подчеркивает, что без великой русской критики XIX в. не могло бы быть и великой русской литературы этого времени¹. Литературные требования, концепции были тесно связаны с общественным развитием, создавались на основе существующего художественного опыта собственной литературы с учетом достижений мировой художественной литературы, которые все более становились культурным достоянием чехов.

Появление программных выступлений в литературе диктовалось насущными потребностями эстетического развития. Они отражали напряженные идейно-художественные поиски, которые в известной степени «двигали» процесс формирования национальной литературы. Литературные программы синтезировали, совмещали в себе элементы истории литературы, ее теории, литературной критики и эстетики.

Собственно программных выступлений, «манифестов» в чешской литературе этого периода было немного (это статьи Юнгмана «О классичности» — 1825 г., Сабины «Демократическая литература» — 1848 г., Хмеленского «Слово о критике» — 1837 г., Гавличка «Глава о критике» — 1846 и др.). Гораздо чаще система требований, создававших программу и помогавших рождению новых художественных ценностей, новых качеств национальной литературы складывалась из отдельных, может быть частных выступлений в печати ведущих деятелей литературы, внутренне объединенных общими эстетическими идеалами. Иногда важную роль играли непосредственные авторские декларации в художественных произведениях. Эти требования далеко не всегда совпадали с реальным содержанием господствующего литературного направления. При изучении литературных программ, концепций возникает ряд интересных вопросов, ответы на которые еще не всегда даны нашей наукой. Так, например, в некоторых программах как бы предвосхищалось, предчувствовалось направление литературного процесса и таким образом теоретические построения опережали развитие собственно-художественного творчества. Так было с юнгмановским требованием «классичности», сабиновской программой «демократической литературы», с выступлениями Хмеленского в 20-е годы по вопросам развития драматургии и создания Национального чешского театра и др. В других программах художественная практика, напротив, опережала развитие литературной теории и как бы ставила ее в тупик (это относится, например, к развитию революционного романтизма и творчеству Махи, оцененным лишь на последующем этапе развития литературы). Интересно установить, в какой степени программы были реальными и вызвали живое литературное развитие, или напротив, в чем их требования оставались умозрительно-нормативными; какие проблемы оставались, так сказать, «постоянной величиной» на протяжении всего периода чешского национального возрождения и что решительно отменялось последующим поколением как пройденный этап.

Начальные этапы формирования чешской национальной литературы в конце XVIII — начале XIX в. связаны с идеями и идеалами Просвеще-

¹ Д. С. Л и х а ч е в. Прогрессивные линии развития в истории русской литературы. В сб. О прогрессе в литературе. Л., 1977.

ния. В это время шел процесс переориентации литературы на светскую проблематику, на задачи просвещения, нравственного и патриотического воспитания простого народа.

Пафос литературных программ первых этапов чешского национального возрождения составляла идея национального самосознания, самоутверждения, что определяло ее филологические аспекты и яркий патристически-просветительский характер литературы. В ходу были классические формы и жанры, стремление к выработке определенных правил, норм, законов в развитии языка и литературы.

Важное место в содержании всех литературных программ отводилось в Чехии в это время борьбе за возрождение и развитие чешского литературного языка ².

Ведь немецкий язык был в ту пору языком господствующей нации, занимавшей не только все командные посты в государстве, но и игравшей ведущую роль в культурной и религиозной жизни страны. В 80—90-е годы в Чехии выходило более 20 немецких газет и лишь 4 — на чешском языке, в гимназию не принимались ученики, не владеющие свободно немецким языком, театральные представления шли на немецком языке, даже проповеди читались по-немецки ³.

В начале XIX в. появляются трактаты в защиту родного языка Я. Ганке, К. Тама, грамматика чешского языка Пельцеля. Огромную роль в развитии чешской культуры сыграли филологические труды Добровского. Он рассматривал язык и литературу как важнейшие слагаемые сложного процесса развития национальной культуры. Ему принадлежит первая научная грамматика чешского языка. Основой современного литературного языка он считал литературный язык XVI века — «золотого века» чешской литературы, что способствовало сохранению всех богатств чешского языка и литературы прошлого для современных поколений. Это не противоречило его стремлению создать язык, «понятный и доступный всем», прежде всего народным слоям, так как именно эти слои были хранителями культурных традиций прошлого. Добровский проявлял живой интерес к народно-разговорному языку, к народному творчеству. Очень важно подчеркнуть, что создавая грамматику и словарь чешского языка, т. е. делая первые важные шаги в его нормализации, ученый горячо боролся с пуризмом, с неорганическим для чешского языка словообразованием и учитывал их широкий славянский контекст. Это характерно и для всех последующих деятелей чешского национального возрождения.

Рассматривая литературу как часть общего историко-культурного процесса («История чешской литературы и языка», 1791), Добровский создал ее первую научную периодизацию, наметив, например, важнейшие вехи ее развития, которые сохраняют свой научный смысл до наших дней (возникновение гуситства, гуситская литература, битва на Белой горе и побелогорская эпоха, эпоха «упадка чешской речи» и т. д.).

Велика заслуга ученого в реформе чешского стиха, в создании чешской просодии. Отвергнув силлабический принцип стихосложения как чуждый самому духу чешского языка, он предложил для чешской просодии силлаботонический принцип, который, по его убеждению, более соответство-

² Аналогичные процессы шли в эту эпоху в Словакии, Сербии, несколько позже в Болгарии, где усилия ученых-филологов были направлены на создание национального литературного языка, что подготовляло необходимую благоприятную почву для развития литературы на родном языке.

³ «На всей Малой Стране лишь в одном костеле проповеди читаются по-чешски, причем в самом маленьком, у св. Вацлава, хотя там чехов-прихожан намного больше, чем немцев, ведь шляхта и высшие слои — т. е. немцы, вообще не посещают службу» Fr. M. P e l c l. Paměti. Praha, 1959, s. 36.

вал характеру и возможностям языка, воспитательным задачам современной поэзии, обращенной к народу.

Просодические принципы Добровского нашли свое блестящее применение и развитие в поэзии Пухмайера и поэтов его школы (Гневковский, братья Неедлы, Ф. В. Гек), тяготевших к классицизму и культивировавших его жанры (в том числе оды, анакреонтическую лирику, басни, послания и др.) и высокий поэтический стиль. Важно подчеркнуть, что в «просодических боях», которые велись впоследствии, в конечном итоге восторжествовал силлабо-тонический принцип стихосложения, предложенный Добровским.

Добровский был первым ученым, кто высказал сомнение в подлинности Зеленогорской и Краледворской рукописей, подчеркивая вместе с тем, что «всегда принимал близко к сердцу славу чешского народа, добытую отечественной литературой». Однако научная истина была для него дороже всего: «Разве убудет национальной славы, если мы отличим правое от неправого?»⁴

Труды Добровского закладывали фундамент национальной чешской литературы — прежде всего ему принадлежит честь создания программы развития его языковой базы, утверждения силлабо-тонического принципа чешской просодии, рассмотрения литературных явлений в общей связи с историко-культурными процессами развития народа.

Рост национального самосознания в первой четверти XIX в., культ «чешского духа» (co je české, to je hezké) ознаменовали широкое обращение к стихии народного творчества, прежде всего чешского, и шире — славянского, к национальной истории, которая была призвана служить патриотически-гражданственному восприятию и вселять веру в конечное торжество национального возрождения. На смену классицистическим тенденциям приходят предромантические и романтические. Главным определяющим моментом для литературного произведения становится патриотическая идея, воплощение идеалов равенства и общественной гармонии через обращение к истории и устному творчеству народа, который был носителем и хранителем национальных традиций. Большое влияние на формирование теории романтизма в чешской, как и в других славянских литературах сыграли труды немецкого гуманиста Гердера, который предсказывал расцвет славянской культуры и государственности, высоко оценивая народные песни, как идеал исторически-правдивого поэтического выражения национального духа.

Новые программные требования особенно отчетливо прозвучали в творчестве Коллара и Юнгмана.

Поэтическое творчество Коллара, прежде всего его поэма «Дочь Славы» (которую Неруда назвал евангелием чешского патриотизма), а также его знаменитый трактат «О литературной взаимности между различными племенами и наречиями славянского народа» как бы сконцентрировали разлитое в атмосфере эпохи ощущение славянской общности, этнического единства, близости политических и культурных задач славянских народов, как бы сфокусировали симпатии и интерес к славянским культурам. Колларовская поэзия была выражением непоколебимой веры в их грядущую свободу и счастливое будущее. Коллар создал первую теоретическую концепцию славянской общности и конкретную программу духовного единения славянских народов, которая стала мощным стимулом национального развития славян, их собственной национальной культуры. Колларовские идеи во многом определили характер чешской литературы,

⁴ «Citánka české literární kritiky». Praha, 1974, s. 20 (J. Dobrovský. Předběžná odpověď na útoky pana V. S. V archivu v č. 64, z 28 května 1824).

которая и в дальнейшем сознательно ориентировалась на славянский мир, связывая с ним развитие своей национальной индивидуальности.

Однако в дальнейшем утопическая культурно-литературная программа Коллара, его благородная, но весьма общая, абстрактная идея человечности серьезно пересматривалась, наполняясь новым общественно-политическим содержанием. Это и ориентация на широкие народные массы с требованием права наций на самоопределение в шутовской концепции⁵, это и полонофильские настроения чешского общества в 30-х и 60-х годах, укрепленные представлениями о революционном сотрудничестве славянских народов в духе традиций русского декабризма, это и солидарность с национально-освободительной борьбой на Балканах.

Продолжая дело, начатое Добровским, Юнгман много сделал для создания общенационального чешского литературного языка. Утверждая, что чехом является лишь тот, кто «по-чешски говорит и пишет, а не тот, кто себя чехом называет, но говорит по-немецки» («О чешском языке», 1806), Юнгман тем самым подчеркнуто включал в понятие чешской нации народную массу⁶. Богатая переводческая деятельность Юнгмана, его монументальный пятитомный чешско-немецкий словарь (1834—1838) значительно обогатили чешский литературный язык по сравнению с нормами Добровского. Он ориентировался не только на освоение всех богатств языка чешской письменности, но смело расширял рамки литературного языка за счет современного разговорного языка и употребления народных выражений, за счет привлечения славянской, в том числе русской лексики и собственных неологизмов, прочно вошедших в фонд чешского литературного языка. Он считал, что с развитием языка неразрывно связана вся духовная культура народа. В его трудах последовательно доказывалась мысль, что патриотизм несовместим с использованием чужого языка, непонятного народу.

Зеркалом национального духа, национального сознания Юнгман считал литературу. Его «История чешской литературы» (1825) — богатейший свод чешской литературы от древнейших времен до современности. Существо книги отражено в ее втором названии — «Систематический обзор чешских сочинений с краткой историей народа, просвещения и языка». В книге еще мало оценочного материала, однако необычайно важен принцип ее периодизации — отказавшись от персонификации исторического процесса Юнгман, подобно Добровскому, ищет научные исторические критерии, учитывает общественно-исторический этап развития народа и его культуры. Подлинно программным выступлением стала статья Юнгмана «О классичности в литературе вообще, в чешской — в особенности» (1827). Краеугольным камнем его концепции было убеждение, что народ является творцом духовных ценностей нации, носителем национальной самобытности и одновременно потребителем национальной литературы. Он видит задачу в том, чтобы «литература по возможности исходила из жизни и возвращалась в жизнь народа»⁷. Он свято убежден в том, что «характерные особенности и классичность языка тем более возрастают, чем больше лирические, драматические и эпические поэты черпают содержание своих песен из обстоятельств жизни, из истории и народного духа, чем больше пламень политических ораторов подогревается увлеченностью

⁵ В. М а т у л а. Концепция славянской взаимности Я. Коллара и Л. Штура. «Советское славяноведение», 1978, № 2.

⁶ Неравноправие чешского и немецкого языков в Чехии ощущалось как неравноправие сословное, как противопоставление чешского народа и иноземных господ: «Коренной чех отстранен от всех государственных должностей — сетовал писатель, — он не может быть даже ничтожным поденщиком-писарем». «Voј o obrození národa». Praha, 1948, s. 39.

⁷ «Citánka českého myšlení o literaturě». Praha, 1976, s. 23.

и любовью к патриотическим делам и чем многостороннее и интереснее будут те события народной истории, на которые обратят свое внимание писатели-историки»⁸. Не менее важным, чем требование национальной характеристики, понимаемой прежде всего как специфически-национальное содержание литературных произведений, были рассуждения Юнгмана о «классичности», под которой он понимал высшие творческие достижения писателей как древних, так и современных, отвечающие самым строгим художественным требованиям: «Классичность означает для нас совершенство художественного произведения, когда материя и форма взаимно проникают и сливаются в гармоническое целое... В классическом произведении мы ищем не только ясность речи и связанную с ней чистоту, определенность и своеобразие выражения, но и красоту, единство, гармоничное равновесие и прелесть всех частей произведения»⁹. Это требование высокого художественного совершенства произведений отечественной литературы имело принципиальное значение в атмосфере восторженного, часто некритического отношения ко всем произведениям, написанным по-чешски¹⁰. Особенно последовательно это требование осуществлялось самим Юнгманом в его богатейшей переводческой деятельности («Слово о полку Игореве», «Герман и Доротея» Гёте, «Потерянный рай» Мильтона, «Атала» Шатобриана и др.). Его переводы произведений мировой классики отличаются той пластикой, высокой поэтичностью и выразительностью языка, которая помогает донести до читателя все художественное совершенство оригинала.

Многие требования Юнгмана были подхвачены и развиты современной ему критической мыслью. В духе юнгмановской программы высокие эстетические требования предъявлял к литературным произведениям Палацкий, автор первых чешских трудов по эстетике. Создавая «философскую» эстетику, он определял понятие прекрасного как достижение, как идеал всех общечеловеческих духовных стремлений, как «божественность». Непосредственно развивал основные программные положения Юнгмана и первый чешский профессиональный критик Хмеленский, выступавший также и как поэт. Вслед за Юнгманом он требовал от чешской литературы отчетливо национальной характеристики (также понимаемой прежде всего в плане тематики и этнографических реалий) и высокого художественного уровня, он боролся за богатство и выразительность чешского литературного языка, особенно языка сцены. Хмеленский стремился сделать литературу достоянием широкой народной массы, чему служила и его собственная поэзия, тяготеющая к мелодическим народно-песенным формам.

Впервые в чешской литературе им были сформулированы программные требования, адресованные чешской критике, среди которых он особо выделил два — профессионализм и объективность: «следует, чтобы каждая критика была правдива и убедительна, чтобы она касалась прежде всего предмета, а не личности, чтобы она хвалила заслуживающее похвалы и хулила то, что осуждается достойно, чтобы она ободряла писателя, не только обнаруживая его ошибки, но и указывала, по возможности, как можно их избежать»¹¹.

Вместе с тем Хмеленский и его единомышленники (П. С. Томичек, Я. Малый и др.) представляли и определенные консервативные тенденции в формировании программы развития чешской национальной литературы.

⁸ Ibid., s. 17.

⁹ Ibid., s. 15.

¹⁰ «...Каждый, кто умел написать несколько чешских слов или написал какую-нибудь ерунду по-чешски уже назывался писателем... Слова „патриот“ и „писатель“ были синонимами.» — писал критик Хмеленский. Ibid., s. 41.

¹¹ Ibid., s. 16.

Требую от художественных произведений гармонического равновесия человеческих чувств, патриотических идеалов и мироощущения, они видели классический эталон национальной литературы в поэзии Коллара, Челаковского, где как бы репродуцировались эстетические и этические идеалы национального народного коллектива. Они не разглядели новых красок на палитре чешской поэзии, не восприняли ее новых художественных находок. Они не понимали того, что обострившиеся общественные контрасты конца 30-х годов внесли в душевный мир человека трагическую дисгармонию, рождая новые задачи литературного творчества, новые его качества, новое наполнение юнгмановского понятия «классичность». Поэтому такая горячая полемика, обнаружившая противоречивое понимание роли творчества Махи в отечественной литературе, вспыхнула вокруг его поэмы «Май». Признавая поэтические достоинства поэмы, Хмеленский категорически отвергал ее внутреннюю наполненность, ее трагизм, характер ее героев, рассматривая их как порождение модного байронизма, чуждое национальной чешской характерности.

В тех же жестких границах и нормативах национально-патриотического романтизма в духе Челаковского и Коллара поэму Махи резко критиковал Тыл, признававший поэтический талант Махи, но не видевший в его поэзии должного проявления национального характера, а в самом поэте — должного патриотизма: «...Почему в то время, когда нам в счастливых предзнаменованиях улыбается прекрасное будущее, когда требуется беспрепятственно воспитывать народ — а поэту открывать весь мир — почему у нас человек молодой и духовно богато одаренный, должен писать о какой-то казни? Нет необходимости говорить, что чехи более, чем кто-либо другой, нуждаются в том, чтобы развивающаяся поэзия имела национальный характер»¹².

Эти критики, отвергая поэму, практически выступали против зарождающегося революционно-романтического течения в литературе, впервые заявившего о себе поэмой «Май» и развивающегося далее в мятежной бунтарской поэзии Фрича, отчасти Небеского и др.

В Чехии не было манифестов романтизма, подобно знаменитому предисловию Мицкевича к изданию его «Баллад и романсов» (1822). Новая программа, новые требования революционно-романтического искусства не столько прокламировались критикой, сколько как бы «выводились» из литературной практики, они были осмыслением этапов развития отечественной литературы и ее новых эстетических задач, диктуемых историческим моментом. Эти требования намечены пунктиром в отдельных высказываниях, прежде всего тех критиков, которые были связаны с зарождающейся радикально-демократической идеологией — Фрича, Сабинны и др. Их предреволюционные выступления свидетельствуют о ясном понимании новых тенденций, появившихся в развивающейся национальной литературе. Одновременно они свидетельствовали о программном повороте литературы к изображению субъективного, внутреннего мира человека, вступающего в сложные отношения с окружающим его обществом, к попытке проникнуть в тайны этого реального современного поэту буржуазного мира, который лишает человека его естественных прав, свободы, счастья. Для этих новых черт программы чешской национальной литературы характерна также все растущая романтическая вера в преобразующую силу поэтического слова, в пророческую роль гениального поэта, который может стать «во главе эпохи», или даже, опередив свою эпоху, заглянуть в своих мечтах далеко вперед. Так, например, Сабина в своих статьях 40-х годов требует от подлинных поэтов не только художествен-

¹² «Citánka...», s. 53.

ного умения и определенного идейного смысла творчества, но также и «правдивости чувств», глубокого искреннего переживания, считая, что «блестящая объективность» классических произведений, их пластическое, гармоническое представление о прекрасном сменилось субъективностью чувств: «Поэты сами должны чувствовать то, что хотят возбудить в других, сами должны видеть то, что хотят представить другим»¹³.

Поэтом такого нового типа, открывающим новые пути развития чешской литературы, для Сабины был прежде всего Маха. Одним из первых он оценил не только великое поэтическое дарование, но и новаторство Махи, связав его поэзию с развитием европейского романтизма, прежде всего с творчеством Байрона: «Карел Гинек бесспорно обладал одной из самых редких поэтических индивидуальностей. Тому доказательством служит его особый взгляд на мир, его индивидуальная поэтическая образность, которые благодаря своей необычности, новизне, благодаря своей созвучности с некоторыми явлениями заграничных литератур, а может быть и из-за слишком горячего увлечения личностью Байрона, считались лишь эффектированным байронизмом»¹⁴. Сабина хорошо понимал, что маховское направление воспринималось как нечто неорганичное для чешской литературы, не отвечающее задачам пробуждения национального сознания и воспитания патриотизма, и потому отвергалось¹⁵. Сабина резко осуждает чешскую критику за то, что она, анатомируя поэму в поисках основной идеи, не поняла в ней главного, а именно — внимания к индивидууму, лиризм Махи. «Столь богатой причудливой фантазии, столь глубокого чувства не проявил еще ни один из чешских поэтов, выступивших перед читающей публикой»¹⁶. Даже в творчестве Челаковского Сабину привлекает прежде всего лирическая струя, богатая внутренняя жизнь, «индивидуализация общих понятий», отражение личных субъективных переживаний поэта¹⁷.

Очень показательно, что Й. Фрич едко высмеивал панический страх «корифеев, патриархов и ветеранов» перед новыми веяниями в развитии литературы, которые казались им «ересь» — перед «философией, романтизмом, байронизмом, сентиментализмом и другими ужасами»¹⁸. Ориентируя литераторов на творчество для народа, Фрич спимает с этого понятия прекрасный флер идеализации, даже обожествления, четко определяя народ как низшие бесправные слои общества.

Программные требования революционно-романтического искусства продолжали появляться в чешской критике и в послереволюционные годы, как бы утверждая, закрепляя достижения отечественной поэзии и соотнося их с опытом русской и западноевропейской литератур. Здесь уместно вспомнить повесть Фрича «Праздничная жизнь» и статью Бендла «Судьба певца „Бахчисарайского фонтана“ и других поэтов русских», опубликованные в альманахе «Лада Ниола» (1855). Фрич выражал уверенность, что новая чешская поэзия, развиваясь на основе народного творчества, следуя опыту Гейне, который глубоко прочувствовал общественное зло своего времени и который «пробуждает в человеческом сердце животворную, стремящуюся к действию мечту», станет поэзией борьбы за национальную и гражданскую свободу, за свободное развитие индивидуума. Бендл подчеркивал в своей статье яркую национальную самобытность и свобо-

¹³ K. S a b i n a. O literatuře. Praha, 1952. s. 9.

¹⁴ Ibid., s. 28.

¹⁵ M. P o h o r s k ý. Český romantismus v evropském kontextu. «Česká literatura», 1978, № 1.

¹⁶ K. S a b i n a. O literatuře, s. 29.

¹⁷ Ibid., s. 32.

¹⁸ «Ceští radikální demokrati o literatuře». Praha, 1954, s. 42.

долюбивый гражданственный характер русской литературы, нетерпимой к порокам современного общества.

Знаменательным рубежом в развитии национальной чешской литературы стал 1848 г. Революционный опыт, который обнажил скрытые противоречия чешского общества, нанес первый удар по иллюзиям единства нации. Развитие радикально-демократической идеологии, возросшая политическая активность литературы и ее художественный опыт — все это создало предпосылки для формирования нового типа художественного мышления — эстетической концепции реализма.

Программа чешского реализма стала во многом преемницей программных требований революционного романтизма, прежде всего наследуя его дух протеста против уродства социальной действительности, внимание к национальному своеобразию жизни, а главное — интерес к внутреннему миру человека. Отнюдь не случайно среди литераторов, прокладывавших пути новому направлению в литературе, были идеологи революционного романтизма — Фрич и Сабина, а само новое направление заявило о себе, выступив под знаменем Махи и впервые дав его творчеству глубокую и всестороннюю оценку.

Краеугольным камнем программы развития реализма можно считать известную статью Сабина «Демократическая литература» (1848), которая стала знаменем последующих поколений передовой литературной общности, надолго определив перспективы развития литературы, программируя и как бы предваряя ее художественные завоевания и достижения. Возвещая начало новой эпохи в литературе, связанной с революционным движением, Сабина утверждал, что новая литература о народе и для народа является мощным орудием в борьбе за демократические преобразования общества. Он подчеркивал — и это имеет принципиальное значение — познавательную сущность реалистического искусства, указывая, что «демократическая литература открывает новые возможности для наблюдения и изучения жизни», приближая художественный образ к реальному социальному содержанию жизни. Сознательный обличительный пафос, видение мира в социальной перспективе, верность реальной действительности были основными требованиями и другой программной статьи Сабина «Слово о романе» (1858). Аналогичные программные требования прозвучали в статьях Гавличка Боровского 40-х годов. Особенно важно подчеркнуть, что неперемennым требованием, которое критик предъявлял к писателю, было требование глубокого знания предмета изображения, что, по его мнению, единственно может сделать характеры художественно достоверными, освободит сюжет от клише и трафаретных ситуаций и т. д. («Последний чех»). С отчетливым осознанием гражданской, общественной роли литературы связано знаменитое гавличевское требование тенденциозности, идейности литературы («Глава о критике»), а также объективности и высокого профессионализма критики.

Программа демократической литературы Сабина, критические выступления Гавличка, Фрича ориентировали уже не столько на просвещение, сколько на пробуждение народа к борьбе за демократические преобразования общества, выдвигая на первый план проблемы познавательной функции искусства, его объективного содержания, его идейной наполненности — «тенденции». Важно вспомнить, что в этом русле развивалась в эти годы и театральная деятельность Тыла, выдвинувшего знаменательный лозунг: «Театр есть жизнь, и со сцены он снова возвращается в жизнь»¹⁹.

¹⁹ J. K. T u l. O umění. Praha, 1950, s. 92.

Многие программные требования литературы национального возрождения были подхвачены и непосредственно продолжены на следующем этапе литературного процесса, отмеченного развитием реалистического направления. Обоснование программы реализма, дальнейшее осуществление ее принципов в художественной практике, последовательное проведение требований реализма в критике связано прежде всего с именем Яна Неруды и с деятельностью его поколения. «Мы, живущие писатели, многим обязаны старшему поколению чешских будителей»²⁰, — заявил Неруда.

У нерудовского поколения отчетливо выражено сознание преемственности по отношению к литераторам национального возрождения и ясное ощущение того, что оно представляет собой новый этап в развитии отечественной литературы, ставший возможным благодаря деятельности «могучих предшественников» — Коллара, Эрбена, Махи, Гавличка и др.

Подобно Юнгману, Добровскому, Хмеленскому, Неруда ищет научных исторических критериев рассмотрения истории отечественной литературы для обоснования новых эстетических принципов. Важнейшим рубежом в развитии отечественной литературы Неруда считал революцию 1848 г.: «48 годом завершается первый период нашего литературного развития»²¹. Неруда подчеркивает, что 1848 г., расширив общественный кругозор читателя, коренным образом изменил литературные вкусы, возбуждив его интерес к социальным проблемам. Искусство, вызванное к жизни общественными потребностями изменившейся эпохи, он считал исторически оправданным, своевременным, необходимым. Таким образом, в духе трудов «будителей» он отстаивает право послереволюционных поколений не повторять путь самих будителей, понимая известную «заданность» литературы, специфика и особенности которой определяются общественным характером эпохи, всем комплексом ее сложных отношений.

В духе юнгмановского требования классичности литературы Неруда добивался от писателей современников подлинной художественности, гармонического единства формы и идеи произведения: «Там, где ясна мысль, обычно и образная сторона лучше удается» и, наоборот, «самые превосходные идеи страдают от небрежной неотшлифованности формы»²².

Неруда полностью разделял восхищение Юнгмана классической литературой. И для него древняя Греция и Рим были эпохой, когда гражданские права и свободы давали художникам возможность создавать произведения, наиболее полно отвечающие духу времени и отмеченные высоким пластическим совершенством.

Вслед за Юнгманом Неруда видит путь к созданию национальной классики в том, чтобы полнее черпать материал «из нужд жизни», чтобы «литература как можно более исходила из жизни и входила в жизнь народа» (Юнгман). Вместе с тем существенно менялось само понятие народа, нации, включающее у Неруды все демократические, трудовые слои не только деревни, но и города, в том числе и рабочий класс. С этим связаны и новые аспекты трактовки актуальнейшей проблемы национальной специфики, самобытности литературы в складывающейся программе чешского реализма. Неруду восхищает самобытный истинно чешский характер творчества предшественников, их воинствующий патриотизм, апостольское служение бесправному и униженному чешскому народу. Он целиком разделяет их требования национального искусства, повторяя снова и снова в духе гегелевской теории, что чешское искусство сможет развиваться и содействовать мировому процессу лишь как искусство национальное,

²⁰ J. N e r u d a. Sebrané spisy. Podobizny, díl I, s. 176.

²¹ J. N e r u d a. Literatura I, s. 135.

²² Ibid., s. 113.

специфически чешское. Вместе с тем он выступает за новую, более глубокую трактовку и понимание национальной самобытности, которая в программных требованиях идеологов национально-патриотического романтизма, например, Хмеленского, Я. Малого и др., сужалась до требований фольклорно-этнографического аспекта изображения действительности.

«Мы не можем столетиями обращаться только назад, не можем связывать развитие чешской поэзии только со своей народной песней и древними памятниками — Краледворской и Зеленогорской рукописями. Если мы будем знать широкие проблемы и новые направления, которые определяют развитие прогрессивного поэтического искусства иных народов, мы сможем опереться на этот фундамент своим чешским духом и развиваться в этом направлении и далее, во славу чешского народа»²³.

Национальное своеобразие, по мнению Неруды, находит свое выражение не только в проблематике, в образах, деталях и изобразительных средствах, но прежде всего во взгляде писателя на предмет изображения. Эта программная позиция Неруды легко корреспондирует со взглядами русских писателей и критиков, например, с известными высказываниями Гоголя о Пушкине.

Чешский литературный процесс виделся Неруде как неотъемлемая часть духовного движения всего человечества. Главной задачей отечественных литераторов он считал необходимость «поднять свою нацию до уровня развития мировой мысли и просвещения». Национальная чешская оригинальность, специфика мыслилась им развивающейся в духе будительских традиций, в контексте славянской культурной стихии. Неруда последовательно стремился соотносить развитие чешской литературы с процессами, характерными для литератур других славянских народов. Процессы художественного развития эпохи чешского национального возрождения, как и национального возрождения других славянских народов, отличались сложной диалектичностью. С одной стороны, действовали центробежные законы осознания национальной особенности, самобытности, определенного вычленения из семьи европейских наций. Действовало стремление к национальному самоутверждению, формировалось национальное самосознание. С другой стороны, сильнейшее воздействие оказывали интеграционные попытки осознать отечественную литературу в системе других европейских литератур, центристские идеи славянской общности, соотношение развития чешской литературы с уровнем других славянских литератур. Эти черты характерны как уже для самых ранних стадий развития чешской литературной теории, например, для трудов Юнгмана, так и для нерудовского поколения. В годы становления чешской национальной литературы шли активные поиски инационального опыта — концепций и поэтик, литературных образцов, жанров, которые отвечали бы внутренним потребностям ее развития и были бы какими-то ориентирами, опорными точками на ее пути. Особая роль на этом важнейшем отрезке истории чешской литературы, как впрочем, и на протяжении последующих десятилетий, принадлежала немецкой и славянским литературам, прежде всего русской.

С немецкой культурой чехов связывали долгие годы насильственной германизации, поэтому в эпоху национального возрождения была естественной реакцией некоторого отталкивания. Хотя при этом немецкий язык был языком чешской интеллигенции и «патриарх» чешского возрождения Добровский писал свои труды по-немецки. Огромное влияние на развитие чешского романтизма оказали труды Гердера, большой популярностью

²³ J. Neruda. Literatura II, s. 86.

и любовью пользовалось творчество Шиллера и Гете, а на этапе развития революционно-романтического течения и в годы становления реализма властителем дум чешских литераторов стал Генрих Гейне.

С Россией чехов связывала надежда на освобождение от национального рабства, к ней притягивало сознание языкового, этнического родства, некоторая близость исторического опыта. Многие произведения русской литературы становились чем-то вроде образца, примера или школы мастерства. «Русофильство» — отличительная черта идеологии будителей, их патриотизма. Но лишь после Гавличка Боровского чешская общественность научилась четко различать взгляды и настроения демократических сил русского общества и его официальных кругов, не ставя между ними знака равенства и освобождаясь от отношения к русскому царю как к символу России.

Роль усвоения творческого опыта русской литературы неизмеримо возросла в годы формирования чешского реалистического направления, когда благодаря Гавличку был «открыт» для чехов Гоголь, благодаря «маевцам» — Пушкин, Тургенев, Островский, Некрасов, Салтыков-Щедрин и другие великие русские реалисты. Многие нерудовские оценки явлений русской литературы, а также его программные требования обнаруживают родственную близость русской революционно-демократической мысли. Все это является отражением внутренних тенденций и закономерностей чешского литературного развития.

В выявлении главных, «родовых» черт складывающейся чешской национальной литературы важную роль сыграли литературные программы. основополагающие эстетические позиции литературных программ эпохи национального возрождения получили свое развитие в концепции чешского реализма, утверждение которой связано прежде всего с именем Яна Неруды. Многие требования литературных программ будителей сохранили свою актуальность до наших дней.

Н. Н. ПОНОМАРЕВА

СОВРЕМЕННАЯ БОЛГАРСКАЯ И СОВЕТСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ (СВЯЗИ И ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ)

Широко известны традиционные связи болгарской и русской культур, уходящие своими корнями в века. Письменность, зарождение литературы и многие другие факторы духовной жизни наций роднят оба народа, закладывают прочный фундамент их будущей культурной истории, их культурной общности. С веками, годами эта общность крепнет, рамки ее расширяются.

Русская драматургия всегда вызвала в Болгарии большой интерес. Она оказала значительное влияние на возрождение и формирование национального болгарского театра, на утверждение в нем реалистических и прогрессивных тенденций.

Особое место в истории русско-болгарских и советско-болгарских культурных связей занимает проникновение в Болгарию и переводы произведений Максима Горького, постановка его пьес в театрах страны. Болгарские читатели и зрители очень рано смогли познакомиться с творчеством великого пролетарского писателя, основоположника метода социалистического реализма в советской литературе. Как известно, роман Горького «Мать» был издан в Болгарии ранее, чем в России, а его первая драматизация появилась в 1914 г. В 1921—1922 гг. на сцене Варненского театра была поставлена пьеса Горького «Враги». Эти и другие произведения писателя во многом стимулировали формирование черт нового метода в прогрессивной болгарской литературе. Никакие усилия со стороны реакционных сил в стране, никакие препоны фашистской цензуры не смогли помешать этому процессу. Задолго до освобождения страны, в 20—30-е годы, в болгарской поэзии и прозе были созданы талантливые произведения социалистического реализма.

С драматургией дело обстояло сложнее. В силу своей специфики она встречала гораздо больше препятствий на пути освоения новых тем и идей, на пути освоения нового метода. До освобождения Болгарии от монархо-фашизма не была опубликована и тем более поставлена ни одна болгарская пьеса, в которой бы отражались революционные идеи времени, антифашистская борьба болгарского народа, действовал бы герой-коммунист. Рождение современной болгарской драматургии социалистического реализма непосредственно связано с возникновением народной Болгарии. Однако подготовительный процесс, процесс созревания новых черт начался гораздо раньше. Об этом свидетельствует возникновение в 30-е годы рабочих театров и самодеятельных коллективов, которые сумели

пробиться через преграды цензуры и показать зрителю ряд оригинальных болгарских пьес антибуржуазной направленности («Генеральная репетиция» Радоя Мирского, «Помощник архивариуса Гунчов» Ивана Велева и др.). В 1935—1936 г. известный болгарский поэт-революционер Никола Вапцаров написал пьесу «Девятый вал», главный герой которой — коммунист. До 9 сентября 1944 г. была написана и пьеса о партизанах и подпольщиках «Борьба продолжается» Крума Кюлявкова. Однако обе эти пьесы смогли быть опубликованы и поставлены лишь после победы в Болгарии народной власти.

Путь на болгарскую сцену советской драматургии в 20—40-е годы вплоть до победы народа был также крайне затруднен. Однако интерес к ней был столь велик, что некоторые из советских пьес все же удалось поставить. Так, в 30-е годы болгарские зрители увидели «Квадратуру круга» Катаева, «Чужого ребенка» Шкваркина, «Человека с портфелем» Файко, «Чудесный сплав» Киршона и многие другие пьесы. В начале 40-х годов «Платона Кречета» Корнейчука, «Героический полет» и «Славу» Гусева и др. Наряду с лучшими пьесами болгарской, западной и русской классической драматургии эти постановки способствовали подготовке нового этапа развития болгарского театра, который наступил после победы народа над монархо-фашизмом.

После 9 сентября 1944 г. политические, экономические и культурные взаимоотношения болгарского и советского народов вступили в новый этап своего развития. Неизмеримо расширились культурные контакты обоих народов, которые получили полную возможность удовлетворить свои возросшие интересы к взаимному ознакомлению во всех областях жизни. Советская драматургия свободно шагнула на сцены театров Болгарии. Сейчас трудно было бы назвать хотя бы одного известного советского драматурга, которого бы не знали болгарские зрители. Со своей стороны, болгарское драматическое искусство также стало желанным гостем в Советском Союзе. Гастроли театров Болгарии как правило очень тепло встречаются советским зрителем. Только в последние два-три года в Москве с большим успехом выступили Софийский театр Народной армии, театр им. города Софии, Сатирический театр, театр им. Ивана Вазова. Пьесы классиков болгарской драматургии и современных драматургов ставятся в десятках городов нашей страны. Широкие и разнообразные творческие контакты театральных культур наших стран на современном этапе проявляются и в такой форме, как проведение фестивалей драматического искусства.

В ноябре 1977 г. в Софии состоялся заключительный этап фестиваля советской драматургии в Болгарии, посвященного 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Этот фестиваль стал одним из значительнейших событий в театральной жизни Болгарии. Он еще раз продемонстрировал глубокий интерес как деятелей театра, так и болгарских зрителей к русской классической и советской драматургии. Даже простое перечисление поставленных пьес свидетельствует о широком знакомстве болгарского зрителя с драматургией братского народа и о серьезном небеспристрастном отношении к ней. Фестиваль как бы проследил историю героической борьбы и побед советского народа на протяжении более полувека. Успех сопутствовал многим спектаклям: «Дни Турбиных» и «Бег» Булгакова (кстати, поставленным на болгарской сцене впервые), «Конармия» Бабеля, «Разлом» Лавренева, «Клоп» Маяковского, «Золотая карета» Леонова, «Шестое июля» Шатрова, «Святая святых» Друцэ, пьесы Вампилова, «Обратная связь» Гельмана и др. Постановки в рамках фестиваля осуществлялись как болгарскими, так и советскими режиссерами (Гончаров, Хейфец, Плучек, Кац и др.). Откровенный и

творческий «разговор», получившийся в результате такого сотрудничества, был бесспорно очень плодотворным для обеих сторон.

В Москве в конце театрального сезона 1978 г. была организована заключительная неделя фестиваля болгарского драматического искусства в Советском Союзе. Этот фестиваль проводился у нас уже во второй раз. Впервые он проходил в 1969 г. и был посвящен 25-летию освобождения Болгарии от монархо-фашизма. На этот раз театры Советского Союза обратились к болгарской драматургии в честь славного юбилея обоих наших народов — 100-летия освобождения Болгарии от османского ига.

Второй фестиваль болгарского драматического искусства в СССР убедительно свидетельствует о неуклонном укреплении наших контактов в области театра и драматургии, о росте популярности болгарской классической и современной драматургии в СССР. В этом отношении показатели сравнительный анализ результатов первого и второго болгарских фестивалей: если в первом участвовало около 80 театров Советского Союза, поставивших около 30 болгарских пьес, то во втором фестивале уже 160 театров нашей страны показали 167 спектаклей по 54 пьесам 40 болгарских драматургов. Географические рамки обоих фестивалей были достаточно широки: зрители Москвы и Ленинграда, Киева и Баку, Вильнюса и Риги, Таллина и Махачкалы, а также многих других городов нашей страны смогли познакомиться и с произведениями классиков болгарской литературы (И. Вазова, П. Яворова, С. Костова, Р. Стоянова, А. Страшимирова), и с пьесами современных болгарских авторов разных поколений, представляющих различные направления болгарской драматургии (Д. Димов, Г. Джагаров, И. Пейчев, В. Петров, Н. Хайтов, Н. Русев, Й. Радичков, Д. Асенов, П. Панчев, Н. Йорданов, С. Стратиев, Г. Данаилов, Д. Начев, Л. Милева и др.). Примечательно, что в этом фестивале (как и в фестивале советской драматургии в Болгарии) широко участвовали постановочные бригады из Болгарии (режиссеры, художники, композиторы).

Непосредственные связи, примеры которых были приведены выше (а эти примеры можно было бы и умножить), способствуют сближению культур, их взаимовлиянию и взаимообогащению, появлению сходных тенденций в развитии. Однако есть и нечто более существенное в этом процессе культурного сближения. Общность многих признаков культуры болгарского и советского народов на современном этапе связана как с исторически, традиционно сложившимся духовным обликом народов, так и с общностью их пути в будущее, общностью целей и основных средств их достижения. Исследование драматургических произведений советских и болгарских авторов убеждает не только в единстве главного направления развития этого рода литературы в наших странах, но и в типологическом сходстве многих его отличительных черт.

Каковы же наиболее существенные общие аспекты в развитии драматургии наших стран за последние 10—15 лет? Болгарская драма в эти годы шла по пути жанрового и стилевого обогащения, художественного совершенствования, идейного утверждения и тематического разнообразия — по пути зрелости. И все же наряду с бесспорными завоеваниями, о которых речь впереди, было бы неправильным умалчивать и об известных потерях на этом пути, временных отступлениях. Например, уже отошла в область истории та яркая и своеобразная лирико-поэтическая волна болгарской драматургии, которая наиболее смело и решительно вступила в борьбу с ругиной драматургии 50-х годов; на второй план отодвинулась масштабная эпическая драма. Вместе с тем, новое время ставит новые вопросы. Задача любого литературного рода — отразить эпоху, своеобразие момента, настроения, образ мышления, цели современника. Эту за-

дачу и старается выполнить болгарская драматургия сегодня. При этом главным отличительным качеством литературы (в том числе и драматургии) как и в прошедшие годы остается социалистический гуманизм.

Гуманизм — неотъемлемая особенность марксистско-ленинского мировоззрения, лежащего в основе метода социалистического реализма. Вера в человека, в его разум, признание достоинств и ценности человеческой личности, отношение к человеку как к активной, действующей силе истории, как к творцу жизни — эти и другие гуманистические принципы свойственны современной болгарской и советской драматургии. Специфика развития социалистического общества предполагает воспитание активной и сознательной личности, человека-борца и человека-созидателя. Процесс этот — сложный и длительный — отражает в сущности основные философские и нравственные задачи эпохи. Социалистический гуманизм, наследуя передовые идеалы прошлого, порывает с принципами абстрактного гуманизма, связывает простое человеколюбие с революционными идеалами. Это гуманизм активный, возлагающий на человека обязанность перестраивать мир, ответственность перед обществом.

Понятый именно так, социалистический гуманизм требует от художника, выдвигая человека, личности в центр изображения глобальных и более частных процессов современного общества, близкой и далкой истории.

Общим для драматургов Болгарии и Советского Союза является их неослабевающий интерес к эпохе антифашистской борьбы. Снова и снова возвращаются они к событиям Сентябрьского восстания 1923 г., партизанского движения, подполья, Отечественной войны и пр., событиям, имевшим решающее значение для истории и судеб народов. Существенным для разработки этой темы на современном этапе является дальнейшее стремление авторов отойти от голой хроникальности и внешней описательности, попытка раскрыть внутреннюю диалектику событий и характеров героев, сложность и противоречивость процессов героической эпопеи борьбы народов против фашизма. В чем корни героизма или предательства, мужества или малодушия, беззаветной преданности, стойкости или компромисса? Какова нравственно-философская основа подвига? Для ответа на эти и многие другие вопросы авторы зачастую ставят перед ними проблему выбора. При этом во многих случаях роль конкретной фабулы в структуре драматургического произведения несколько меняется. Фабула отодвигается на второй план по сравнению с другими компонентами драмы. Характерна в этом отношении пьеса поэта-драматурга С. Цанева «Суббота-23». Пьеса представляет собой развернутое размышление в форме многостороннего диалога-дискуссии о силе и слабости человека перед лицом страшной трагедии, об ответственности каждого человека перед временем, перед будущим, о верности идеалам и душевной стойкости. Внешняя фабула в пьесе почти отсутствует. Все внимание обращено на внутреннее действие — исповедь героев, оказавшихся в крайней ситуации перед необходимостью выбора, решения. В столкновении разных точек зрения, позиций вскрываются глубинные черты внутреннего мира человека, подвергается испытанию вера в идеалы, воля и характер героев.

Совсем иную структуру имеют другие болгарские пьесы из эпохи Сопротивления фашизму (например, «Возвращение к будущему», К. Георгиева, «Любовь необъяснимая» Н. Йорданова, «Письмо» П. Панчева) и пьесы советских драматургов об Отечественной войне (например, «А зори здесь тихие» и «В списках не значится» Б. Васильева). Но и в них главенствующую роль играет раскрытие характеров героев, импульсов их поступков, а не внешнее действие.

К человеку, современнику, «герою нашего времени» прежде всего обращаются и драматурги, трактующие проблемы развития социалистического общества. Недаром советская и болгарская драматургия последних 10—15 лет — отдает предпочтение изображению современной нам действительности в нравственно-психологическом аспекте.

Борьба за коммунистическую нравственность — дело очень нелегкое. Мещанство, карьеризм, приспособленчество, равнодушие все еще не изжиты в нашем обществе, мешают его движению вперед. Драматурги обеих стран делают очень много для разоблачения обывательской философии современных мещан. Эта тема получила и получает свое воплощение в огромном количестве пьес самых разных жанров и стилизованных направлений. Достаточно вспомнить, например, произведения Розова и Асенова, Рощина и Радоева, Вампилова и Хайтова, чтобы получить представление о широте и многообразии разработки этой темы. Симптоматично, что авторы все чаще добиваются ощутимых успехов не только в критике пороков, не совместимых с моралью социалистического общества, но и в создании образов героев, представляющих реальные силы, способные противостоять этим порокам, решительно бороться против них. Таковы герои драматургических миниатюр Хайтова, главный герой пьесы Розова «Ситуация», герой сатирических комедий С. Стратиева «Римская баня» и «Замшевый пиджак». При всей внешней несхожести этих персонажей (и обстоятельств, в которых они действуют) в них есть и нечто общее — черты, соответствующие перспективам развития общества.

Воспитание нового человека, строителя будущего — центральная, наиболее сложная и важная задача нашего общества. Драматургия, как и другие роды литературы, принимает в ее решении самое активное участие.

По-прежнему пристальное внимание уделяется проблеме соотношения поколений. Однако на смену молодым героям, бунтующим против несовершенства мира взрослых (Розов, Асенов, Радоев, К. Георгиев), этим «Ромео», «Джюльеттам» и «Моцартам» нашего времени постепенно приходит молодежь следующего исторического этапа, более глубоко вникающая в сложные процессы действительности, умеющая отличить наносное и вредное от здоровых основ поколения отцов, от непреходящих нравственных ценностей.

С эпохой НТР связано появление мощного потока пьес, условно называемых «производственными». Хотя действие в них и имеет прямое отношение к производству, а их герои обычно трудятся на промышленных предприятиях, драматурга интересуют в первую очередь не производственные процессы, а их нравственный человеческий смысл. Во многих таких пьесах решается вопрос о нравственных критериях современного руководителя или обыкновенного рабочего, но не абстрактно, а в сфере производства. Каким должен быть человек, от которого зависит функционирование сложнейшего производственного организма, которому подчинены иногда тысячи людей, какова ответственность за дело рядовых работников? На этот вопрос пытаются ответить как советские (Дворецкий «Человек со стороны»; Гельман «Заседание парткома» и «Обратная связь»; Шатров «Погода на завтра»), так и болгарские драматурги (Н. Йорданов «Вопрос принципа»; Д. Асенов «Золотое обеспечение»; Г. Джагаров «Эта маленькая земля»; пьесы Л. Стрелкова).

Все эти пьесы, независимо от их жанрово-стилистических и тематических различий, вскрывают новые тенденции в развитии общества, определяют новый этап в нравственном созревании человека социализма. Прошли те времена, когда преодоление любых трудностей в строительстве, даже когда они были следствием плохой организации труда, воспевалось

как героизм, когда цель оправдывала средства, когда ради сиюминутного эффекта приносились серьезные жертвы. Но рецидив тех времен чувствуется еще и сегодня. Заслугой драматургов наших стран является умение нащупать и раскрыть эти и подобные им конфликты (Джагаров «Эта маленькая земля», Салынский «Мария»).

Следует сказать и о некоторых издержках воплощения так называемой «производственной» проблематики. Не всем авторам удастся обнаружить и отразить истинно жизненный конфликт, увидеть действительно новые и перспективные черты характера героя. В результате, например, в некоторых советских пьесах на производственную тему мы наблюдаем «повторение пройденного», известную «вторичность» или даже искусственность ситуации и конфликта. Иногда драматурги, увлекшись профессиональными достоинствами героя, забывают о его нравственной позиции, о его гражданском облике (отчасти это относится к пьесе Д. Асенова «Золотое обеспечение»).

Достоинство пьесы определяется прежде всего значительностью заключенных в ней идей времени, подлинностью конфликтов и ситуаций, достоверностью характеров, и, разумеется, талантом и общественной позицией драматурга. К сожалению, случается, что авторы идут по пути искусственного построения конфликта и тогда неизбежны пустое «философствование», умозрительные абстрактные рассуждения, схематичность характеров.

Концепция человека в искусстве социалистического реализма, идеи социалистического гуманизма предоставляют художнику широкий простор в выборе не только жизненного материала, но и формы, средств его художественного претворения. Практика творчества советских и болгарских драматургов показывает, что воплощение гуманистического идеала у каждого из них происходит глубоко индивидуально. Достаточно вспомнить здесь болгарского прозаика и драматурга Й. Радичкова. Его глубоко самобытное творчество, как представляется, открыло новую линию в современной болгарской драматургии.

Вместе с тем каждой из литературных эпох присущи и некоторые общие черты, свойственные в той или иной мере литературе (в данном случае — драматургии) в целом. Чаще всего они касаются жанрово-стилевой структуры произведений.

В последние 10—15 лет в болгарской драматургии довольно отчетливо проявляется тенденция к известной камерности — сосредоточению внимания на отдельных конкретных фактах жизни, на первый взгляд, частных и не очень существенных, а в действительности точно отражающих в себе важные тенденции развития общества. Обычно в таких пьесах на первый план выступает аналитическая мысль автора. Внимание зрителя приковано к диалогу — дискуссии или к монологам героев, которые в сущности и движут действие в пьесе. Успех такой пьесы зависит от важности и актуальности поставленных проблем и от умения автора создавать интересные и содержательные диалоги. Этим умением обладают многие болгарские драматурги (Д. Димов, И. Радоев, Н. Хайтов, Й. Радичков, М. Величков, Б. Димитриева и др.). Подобная тенденция прослеживается и в современной советской драматургии (Володин, Арбузов, Эдлис), разумеется, каждый раз видоизменяясь в зависимости от индивидуальности таланта.

Разумеется, этот процесс нельзя абсолютизировать. Как в советской, так и в болгарской драматургии всегда можно найти авторов, которые стремятся к охвату более широкого круга явлений, к эпическому изображению событий («Путь к истине» Л. Стрелкова, «От земли до неба» Н. Русева).

С другой стороны, симптоматично, что авторы, тяготеющие к камерности формы, зачастую находят свой способ достижения известной укрупненности, масштабности в решении проблем. У них мы нередко наблюдаем процесс синтеза идейного и художественного замыслов, выражающийся в соединении двух или более одноактных пьес (или драматургических миниатюр) в одном спектакле. Решение основной проблемы на разном конкретном материале, с разных точек зрения, и в разных аспектах приводит в результате к серьезным выводам, художественным и идейным обобщениям, углубляет анализ жизненных явлений. Интересных художественных результатов в этом направлении достигли, например, Вампилов и Розов в советской драматургии, Хайтов, Радоев, Величков — в болгарской. Это явление в болгарской драматургии, по-видимому, отражает более общие процессы в развитии современной болгарской литературы в целом. Недаром такие же тенденции отмечаются и в прозе — движение к укрупненности анализа действительности путем объединения рассказов или даже повестей в циклы на основе общей проблематики, темы, героев и т. п.

Типологическое сопоставление культур социалистических стран на данном этапе развития необходимо, так как оно позволяет глубже познать своеобразие каждой из национальных культур, выявить национальные и интернациональные черты искусства, общее и особенное в нем. Идеино-эстетическая общность, присущая литературам социалистических стран и вытекающая из самой природы нового социального строя, не исключает, а предполагает обращение к национальным культурным традициям, способствует расцвету национальных культур.

Т. Н. МОЛОШНАЯ

О СЛАВЯНСКОМ ТИПЕ АДЪЕКТИВНОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ

За последние годы в лингвистической литературе появилось довольно большое количество работ, посвященных типологическому сопоставлению различных языков. Принципы типологического описания понимаются в них не всегда одинаково. Нам наиболее близка теоретическая программа типологического исследования языков, изложенная в сборнике «Структурно-типологические исследования»¹. Там, в частности, было отмечено, что однородные и единообразные описания систем отдельных языков и последующее сведение полученных описаний воедино явятся надежной базой для общетипологических выводов.

Исследование, общие результаты которого здесь будут изложены², выполнено в соответствии с этим положением типологической программы. Оно ориентировано на индивидуальное изучение синтаксиса языка, с выявлением его специфики, которая понимается как отличие от некоторого общего «ядра», характеризующего группу языков. Работа представляет собой описание адъективных словосочетаний в славянских и некоторых балканских языках по отдельности, под углом зрения их сопоставительного анализа. (Из славянской семьи привлекаются русский, польский, чешский, болгарский и сербохорватский языки. Поскольку выбранные языки репрезентируют все группы славянской семьи — западную, восточную и южную — очевидно, можно считать охваченным, в основном, весь славянский языковой ареал. Кроме славянских, рассматривается румынский язык.)

Однородность описания обеспечивается выбором синтаксической единицы — элементарного словосочетания. Выбор такой единицы описания одновременно позволяет определить общее и индивидуальное в изучаемых языках.

Материалом исследования служили толковые, фразеологические и двуязычные словари и грамматики соответствующих языков, отдельные специальные грамматические описания, некоторое количество текстов, отражающих явления современной живой речи, и в ряде случаев — сведения, полученные от информантов—лингвистов. Основные источники, из которых извлекался материал, приведены в конце статьи.

Как уже было сказано, объектом нашего исследования является группа близкородственных славянских языков. Известно, что славянские языки обладают огромным количеством общих черт на всех уровнях, в том числе и на синтаксическом. Поэтому долгое время существовало мнение,

¹ «Структурно-типологические исследования». М., 1962.

² В данной статье излагаются лишь общие выводы из исследования, вся полнота которого здесь ни в коей мере не воспроизводится.

что их сопоставительное изучение не принесет таких значительных результатов, как изучение языков генетически далеких. Действительно, специфика и сложность данного исследования обусловлена тем, что в рассматриваемых славянских языках в значительной степени совпадают как набор моделей адъективных словосочетаний (формальные средства), так и набор выражаемых этими моделями значений (содержательные средства). Так что, можно придти к выводу о существовании общего типа славянской адъективной (и шире — именной) сочетаемости. Однако сопоставительное изучение обнаруживает и весьма значительные расхождения между славянскими языками в этой области. А главное — выявляется разное распределение содержательных и формальных единиц по языкам. Различия в таком распределении являются существенными типологическими характеристиками славянских языков.

Привлечение материала румынского языка, не родственного славянским, но входящего вместе с некоторыми славянскими (болгарским и сербохорватским) в так называемый балканский языковой союз, делает сопоставление еще более интересным.

Румынский язык, обнаруживая некоторое, довольно большое, сходство со славяно-балканскими языками, одновременно имеет существенные отличия от них. В румынском языке, языке другой генетической принадлежности употребляются материально другие предлоги, имеется другая падежная система (противопоставляются родительно-дательный и именительно-винительный падежи), синтаксические значения распределяются между адъективными моделями по-другому. Поэтому можно считать, что румынский язык представляет несколько иной тип адъективной (а также именной) сочетаемости, хотя и близкий к славяно-балканскому типу.

Наиболее близок румынский язык к болгарскому; оба они отличаются в области грамматической структуры чертами аналитизма, не свойственными остальным славянским языкам, являющимся языками преимущественно синтетического строя.

Самым общим результатом данного исследования является установление на основе адъективной сочетаемости относительного сходства славянских языков друг с другом и румынского языка с ними. Оказывается, что западнославянские польский и чешский очень близки один к другому; из них польский имеет больше общего с русским; с другой стороны к русскому примыкает сербохорватский, за которым следует болгарский. Славяно-балканские языки наиболее близки между собой; они также частично пересекаются с русским и, простираясь в балканскую общность, имеют сходства с румынским. Этим в первую очередь характеризуется болгарский язык. Данное соотношение можно изобразить графически следующим образом:

Чешск — Польск — Русск — Срх — Болг — Рум

Обнаруживая принципиальное сходство в адъективной сочетаемости, рассматриваемые славянские языки проявляют и некоторые, большие или меньшие, отличия друг от друга.

Так, интересно положение в разных языках беспредложных адъективных моделей с косвенными падежами существительного. Для русского языка характерно, с одной стороны, наличие и достаточно большая употребительность беспредложных адъективных словосочетаний (с родительным, дательным и творительным падежами: *полный слез, благодарный другу, румяный лицом*), а с другой — ограниченность круга прилагательных, выступающих в качестве определяемого компонента. Круг этот продолжает сужаться, так что ряд словосочетаний моделей Прил+Сущ_{род}, Прил+Сущ_{дат} и Прил+Сущ_{тв} представляют собой в современном русском языке архаические, редкие или просторечные выражения (*крови алчный,*

единосуцный ему, брюхата ребенком). В других славянских языках, кроме болгарского, количество прилагательных, образующих беспредложные адъективные словосочетания, больше. Например, те прилагательные, сочетания которых с родительным беспредложным в современном русском языке являются архаизмами, в современном сербохорватском достаточно свободно ими управляют: *жедан воде, жудни кише, гладан ваздуха, сит рата*. Также в польском и чешском языках с родительным падежом существительного сочетается больше прилагательных, чем в русском: ср. польск. *syty sławy, chciwy rozgłosu, żadny władzy*; чешск. *jistý uspěhu, schopný všeho, chtivý slávy*. По объему лексически различных прилагательных, способных управлять беспредложным дательным, первое место занимает сербохорватский язык, превосходя и русский, и польский, и чешский. Характерны такие, например, расхождения с русским языком, как срх. *милостив мени* — русск. *милостивый ко мне, jednak му* — *одинаковый с ним* и др. Ср. также польск. *winien (wszystkiemu) złemu* и русск. *виноватый чем-то* (и *в чем-то*). Словосочетания с творительным беспредложным наиболее многочисленны в чешском языке. Особенно распространен творительный ограничительный с причинным оттенком: *bledý hněvem* — русск. *бледный от гнева*, польск. *blady z gniewa*. В сербохорватском языке в модели Прил+Суц_{ТВ} участвует несколько больше прилагательных, чем в русском и польском (ср. срх. *хром ногом* и русск. *хромоногий*, срх. *болестан ухом* и русск. *с больным ухом*), но меньше, чем в чешском.

Для польского, чешского и сербохорватского языков характерна еще одна беспредложная модель — с винительным падежом количественного числительного, выражающая количественно-определяющее значение меры, степени признака: польск. *dwa kroki szeroka, głęboki stop 200*; чешск. *dlouhý jednu hodinu, teplý 40 stopů*; срх. *висок jednu стопу, тежак четири килограма*³. Интересно, что беспредложный аккумулятив меры есть и в болгарском языке, в котором, как известно, нет других беспредложных моделей. Но поскольку там не сохранились противопоставления падежей в имени, количественное числительное и существительное не имеют падежного оформления: *висок два метра, дълбок пет метра*.

В русском же языке беспредложный аккумулятив меры отсутствует. Наличие этой модели в сербохорватском и болгарском языках подтверждает их близость друг к другу. А коль скоро они оба принадлежат к балканскому языковому союзу, можно было бы предположить, что аккумулятив меры характерен именно для балканских языков. Однако тот факт, что эта модель, с одной стороны, свойственна также польскому и чешскому (не балканским языкам), и с другой стороны — не наблюдается в румынском, принадлежащем вместе с болгарским и сербохорватским к балканским языкам, не позволяет этого сделать.

В русском, польском и румынском языках имеются предложные модели с винительным падежом, передающие примерно то же количественно-определяющее значение меры, степени признака и выступающие аналогами беспредложного аккумулятива меры. Например, в русском языке эту роль выполняет модель Прил+в+Суц_{вин}, чаще всего в ее трехсловном варианте: *широкий во всю улицу*. В польском языке значение меры пере-

³ Обычно эта трехсловная модель выступает в нескольких вариантах, обусловленных лексической конкретностью числительного: 1) Прил + /Числ_{кол} + Суц_{вин}: польск. *szeroka jeden krok*; чешск. *dlouhý jednu hodinu*; срх. *дуг jedan метар*; 2) Прил + /Числ_{кол вин} + Суц_{род}: польск. *pięć kroków szeroki*; чешск. *široký pět metrů*; срх. *тежак четири килограма*. Правила выбора падежей существительного в зависимости от конкретного числительного обычно приводятся во всех грамматиках соответствующих языков.

дается с помощью предлога на и винительного падежа: *szeroki na pales, głęboki na trzy metry*. В румынском с этой целью используется модель Прил+de+/Числ_{род}+Сущ_{вин}: *lung de trei metri*.

В румынском языке имеется лишь одна беспредложная адъективная модель с косвенным падежом существительного — Прил+Сущ_{род-дат}, ограниченная по определяемому компоненту и довольно мало употребительная: *străin lui чуждый ему, propriu copiilor свойственный детям, necesară elevilor необходимая ученикам* и пр. В этом отношении румынский язык приближается к болгарскому.

Во всех рассматриваемых языках беспредложные модели уступают предложным по количеству, многозначности и употребительности. Они всё чаще оказываются тесными предложными. Этот процесс протекает во всех наших языках. Своего завершения он достиг в болгарском, где с утратой категории падежа в системе имен существительного сохранилась лишь одна беспредложная модель — упомянутый аккузатив меры (представленный к тому же весьма ограниченным количеством прилагательных со значением качества, которое может быть измерено). В румынском языке положение близкое, различие состоит только в том, что в румынскую модель Прил+Сущ_{род-дат} входит несколько более широкий круг прилагательных. Из остальных наших языков наибольшим удельным весом беспредложных словосочетаний характеризуется сербохорватский, наименьшим — русский: в польском беспредложных словосочетаний несколько больше, чем в русском, а в чешском — больше, чем в польском. С этой точки зрения рассматриваемые языки можно выстроить в следующий ряд:

Болг — Рум — Русск — Польск — Чешск — Срх.

Предложные адъективные словосочетания во всех славянских и балканских языках чрезвычайно многочисленны, многообразны и многозначны. Это основные типы адъективных моделей, преобладающие над беспредложными. Но их удельный вес в разных языках разный. Самый большой он в болгарском, где вследствие отсутствия падежей в имени существительном очень велика емкость значений предлогов — один болгарский предлог соответствует нескольким русским предлогам, в комбинации с различными падежами, и нескольким беспредложным словосочетаниям. За ним следует румынский, затем — русский, дальше — остальные славянские (см. вышеуказанную последовательность в обратном порядке).

Самыми многочисленными, многозначными и частотными во всех славянских языках являются предложные модели с родительным падежом зависимого существительного. В качестве примера можно привести модель с предлогом *до/до*. Она имеется во всех славянских языках и всюду выражает почти одинаковый набор значений. Это а) количественно-определятельное значение с оттенком меры, степени признака: русск. *бледный до зелени*, польск. *dokładny do znudzenia*, чешск. *červený do žluta*, болг. *нахален до безобразие*, срх. *до очаја калъв*; б) значение определительно-пространственного предела: русск. *голый до пояса*, польск. *długa do kostki*, чешск. *svlečený do pasu*, болг. *мокър до кости*, срх. *дуг до колена*; в) значение определительно-временного предела: русск. *верный до гроба*, польск. *wierny do śmierci*, болг. *верен до гроб*, срх. *привржен до смрти*. Однако полного совпадения в выражаемых значениях не наблюдается. Например, обсуждаемой польской модели свойственно также значение назначения: *zdatny do pisanía*; в остальных славянских языках этого нет.

Довольно единообразно распределяются по языкам значения, передаваемые моделью с предлогом *от/од/до* и родительным падежом. Так, эта модель всюду выражает причинно-следственные отношения с ограничительным оттенком: русск. *коричневый от загара*, польск. *brunatny od*

slońca, чешск. černý od saží, болг. *бледен от умора*, срх. *гарав од сунца*. В болгарском и сербохорватском языках ей свойственно также выделительное значение: болг. *някой от учениците*, срх. *један од другова*. В русском, польском и чешском языках эта модель не имеет такого значения. Значение выделительности в этих языках передается с помощью предлогов *из/з* и родительного падежа зависимого существительного: русск. *лучший из врачей*, польск. *pięwszy z ucniów*, чешск. *každý z bratří*.

Интересно, что основным средством передачи значения назначения в русском языке служит модель с предлогом *для* и родительным падежом (*удобный для строительства*), в то время как в польском это значение передается в основном моделью Прил+do+Сущ_{род} (*trudny do naśladowania*), в чешском — моделью Прил+pro+Сущ_{вин} (*zdravé pro děti*), в болгарском и сербохорватском — с помощью моделей с предлогом *за* (болг. *удобен за сядане*, срх. *рођен за велика дела*), в румынском — моделями Прил+de+Сущ_{вин} (*gata de atac готовый к нападению*) и Прил+pentru+Сущ_{вин} (*folositor pentru sănătate полезный для здоровья*).

Примерно такое же соотношение по языкам наблюдается и в субстантивных словосочетаниях: ср. русск. *ваза для цветов*, польск. *wazon do kwiatów*, чешск. *budka pro psa*, болг. *стая за гости*, срх. *књига за децу*, рум. *cutie pentru scrisori ящик для писем*, *carte de citire книга для чтения*.

Как известно, в славянских языках с дательным падежом сочетается небольшое количество предлогов. Польский же язык вообще отличается практическим отсутствием моделей с дательным падежом. Нам удалось обнаружить лишь единичные адъективные словосочетания с предлогом *к*, помеченные в словарях как устаревшие, например, (*izby*) *wygodne ku mieszkaniu*. В современном употреблении здесь используется предлог *do* с родительным падежом (*wygodne do mieszkania*). В сербохорватском языке также не зафиксировано сочетаний прилагательных с предлогом *к* и дательным падежом. В остальных славянских эта модель, основным значением которой является объектно-определяющее с ограничительным оттенком, представлена хорошо: ср. русск. *добрый к детям*, *привычный к обстановке*; чешск. *laskavý k němu*, *hrubý k žně*; болг. *добър към животните*, *склонна к пълнеене*.

В сербохорватском языке употребляются специфические предлоги *према* и *спрам*, первый из них сочетается в современном сербохорватском с предложным падежом, а второй — с родительным. Они являются соответствиями предлога *к* с дательным падежом в других славянских языках: *добар према мени*, *спрам ње равнодушан*.

В чешском языке с дательным падежом сочетается также предлог *proti*; в этом проявляется сходство с польским *przeciw* и отличие от русского *против*, требующего родительного падежа: чешск. *otůžilý proti prazu*. Ни в русском, ни в польском материале таких адъективных словосочетаний не встретилось, при том что субстантивные модели с указанными предлогами обнаружены во всех трех языках: чешск. *prášky proti kášli*, польск. *maść przeciwko zmarszczkom*, русск. *средство против моли*.

Как уже говорилось, сербохорватский язык отличается особенными предлогами, не имеющими этимологических соответствий в остальных славянских языках. К числу таких предлогов, кроме приведенных выше *према* и *спрам*, относятся также *супрот/несупрот*, *упркос/успркос*, сочетающиеся с дательным падежом. Адъективные модели, включающие эти предлоги, выражают ограничительные отношения со сравнительным оттенком: *меки насупрот оцу*, *погрешан упркос чињеницама*. В качестве русских соответствий можно привести модели Прил + *по сравнению с/в сравнении с* + Сущ_{тв} (*мягкие по сравнению с отцом*) и Прил + *вопреки/наперекор* + Сущ_{дат} (*ошибочный вопреки фактам*).

Своеобразна адъективная модель Прил + *o* + Сущ_{вин}, представленная лишь в польском и чешском языках. Она выражает объектно-определятельные отношения с ограничительным оттенком: польск. *sпокојna o los (syna)* чешск. *bezpečný o život*. В русских адъективных моделях предлог *o* даже с предложным падежом практически не сочетается (словосочетания типа *заботливый o себе* единичны).

Известно, что среди субстантивных моделей и в русском и в польском языках весьма употребительна модель с предлогом *o* и предложным падежом. Она выражает объектно-определятельные (изъяснительные) отношения и в русском и в польском, а также собственно определятельные отношения — только в польском (*dziewczyna o jasnych włosach*). Соответствующей русской субстантивной моделью собственно определятельное значение почти полностью утрачено; в русском языке встречаются лишь отдельные устойчивые архаические словосочетания с количественно-определятельным значением типа *конь o четырех ногах, змей o двух головах*.

В адъективных моделях русского языка предлог *o* с предложным падежом, как только что было сказано, вообще не сочетается; в польском же языке эта модель известна. Она почти всегда выступает в трехсловном варианте и выражает как объектно-определятельные отношения с ограничительным оттенком (редко): *świadomy o jego praktykach*, так и собственно определятельные отношения: *obszerne o wielkich pokojach, wielobarwne o nowoczesnych wzorach, blond o odcieniu złotawym*. Подобные польские адъективные словосочетания с собственно определятельным значением принадлежат к числу новых, недавно возникших в результате синтаксического переразложения субстантивных — *dywany o nowoczesnych wzorach, włosy o odcieniu złotawym*. В группу моделей такого рода входят также модели с предлогами *z/c* и творительным падежом и *w(в, у)* и предложным и винительным падежами. Такие модели имеются в польском, русском, болгарском и сербохорватском языках. Модель же с предлогом *o*, выражающая собственно определятельное значение, характерна лишь для польского языка.

Предлог *o* используется в польском языке также в моделях с компаративом (сравнительной степенью прилагательного) — Комп + *o* + Сущ_{вин}: *wyższy o głowę, o dwa lata starszy*. Он выражает здесь отношения меры, степени признака. Предлог *o* в модели с компаративом характерен еще только для чешского языка: *o hlavu kratší, starší o dvě léta*. Ни в русском, ни в болгарском, ни в сербохорватском этого не наблюдается.

Очень многозначна и употребительна во всех рассматриваемых языках адъективная модель с предлогом *c/z* и творительным падежом. Она особо примечательна в собственно определятельном значении: русск. *сизые с морозом, красная с полосами, розовый с цветочками*; польск. *biała z granatem, fioletowy z wzorami*; болг. *сив с петна, бяла с рисунки, червен с дребни десени*; срх. *бела са пругама, жут са цветним десеном, црвена са ситним коцкима* и пр. Указанное значение выражается этой моделью в русском, польском, болгарском и сербохорватском языках. Лишь чешский и словацкий языки представляют собой исключение. Это объясняется тем, что словосочетания модели Прил + *c/z* + Сущ_{тв} принадлежат к числу новых, недавно возникших из субстантивных в результате синтаксического переразложения последних. Этот процесс переразложения происходит во всех славянских языках, кроме чешского и словацкого. Там таких словосочетаний не возникло. В чешском и словацком языках модели Прил + *c/z* + Сущ_{тв} в собственно определятельном значении соответствует прилагательное или причастие, согласованное в роде, числе и падеже с определяемым существительным, например, русск. *черные с проседью (волосы)* — чешск. *prošedivěle (vlasy)* и пр.

Интересно, что обсуждаемые новые адъективные словосочетания появились и в румынском языке, но их немного. Вместо словосочетаний модели Прил + су + Сущ_{вин}, соответствующей славянской модели Прил + c/z + Сущ_{ств}, чаще используются прилагательные (причастного происхождения), подобно тому, что наблюдается в чешском и словацком. Например, русск. (волосы) *черные с проседью* — рум. (păr) *negru săgunt*. Однако в румынском языке все же встречаются новые адъективные словосочетания, возникшие в результате переразложения субстантивных. Так, нами отмечены, например, *albastru cu vergi синий в полосу*, *albă cu desenuri белая в узорах*, *roșie cu buline красный в горошек* и др.

Такова же ситуация с другими новыми адъективными словосочетаниями, возникшими в славянских и румынском языках сравнительно недавно. Это словосочетания моделей Прил + в/w /у + Сущ_{вин} и Прил + в/w/у + Сущ_{предл}. Они отмечены во всех рассматриваемых языках, кроме чешского и словацкого. В русском и польском языках адъективные словосочетания с предлогом в/w и винительным падежом приблизительно одинаково употребительны. Например, русск. *синий в полосу, красный в белую клетку, зеленый в мелкий горошек, розовый в крапинку* и пр.; польск. *siwy w jabłka, błękitna w paski, biała w kratkę, czerwona w groszki, jasne w drobne wzorki, kolorowe w kwiaty, niebieskie w plamy* и пр. В болгарском языке адъективная модель с предлогом в, естественно, содержит зависимое существительное в общем падеже, не отличаясь от модели Прил + в + Сущ_{предл}, характерной для других славянских языков. Например, *бяла в ярки рисунки, жълта в широки райета, син в фигурални десени* и др. В болгарском языке адъективных словосочетаний данной и других моделей меньше, чем в русском и польском. Очевидно, это объясняется особенностями грамматического строя болгарского языка, чертами аналитизма в его морфологии и синтаксисе. Отсутствие падежных флексий у существительного и прилагательного, а также более твердый порядок слов в болгарском предложении, чем в русском или польском, препятствует перетягиванию предложно-падежной группы от существительного к прилагательному, затрудняет образование адъективного словосочетания.

В сербохорватском предлогу в/w других славянских языков соответствует предлог у, поэтому рассматриваемая модель адъективных словосочетаний выглядит как Прил + у + Сущ_{вин}, например, *светла у ситан десен, двобојне у пруге* и др. Эта модель в сербохорватском менее употребительна, чем в русском и польском языках.

Еще одна адъективная модель, возникшая в результате переразложения соответствующей субстантивной, — это Прил + в/w/у + Сущ_{предл}. Она также представлена во всех рассматриваемых языках, кроме чешского и словацкого. Например, русск. *серый в яблоках, сиреневый в узорах, розовый в цветочках, желтоватый в золотых тонах* и пр.; польск. *niebieski w różnych odcieniach, czerwona w ciemnym kolorze, beżow w złotych tonacjach* и т. д.; срх. *бео у цветном десену, зелена у плавим нијансама* и т. д. Как уже говорилось, в болгарском языке модель Прил + в + Сущ_{предл} не могла не слиться с моделью Прил + в + Сущ_{вин}.

Румынскими соответствиями рассматриваемых моделей с предлогами в/w/у являются модели с предлогами în и între и винительным падежом зависимого существительного. Например, *negru în dungi черный в полосу*, *verde în saouri зеленый в клетку*, *galbenă în desenuri желтая в узорах*, *albă într—un desen exotic белая в экзотический узор*.

Болгарский и сербохорватский языки характеризуются довольно широким распространением новых адъективных словосочетаний с предлогом на, принадлежащих к модели Прил + на + Сущ в болгарском и Прил + на + Сущ_{вин} в сербохорватском. Например, болг. *сив на петна, бяла на*

линии, бял на райета, червена на квадрати, и пр.; срх. *једнобојне на пруге, плав на коцке, жут на туфне, сив на тачке* и пр. Эти словосочетания возникли в результате переразложения субстантивной модели *Сущ₁ + на + Сущ_{2вин}*, способной передавать в болгарском и сербохорватском языках собственно определительное значение (например, болг. *пуловер на квадрати*, срх. *халина на туфне*). Это является общей особенностью болгарского и сербохорватского языков. Ни в русском, ни в польском таких словосочетаний с предлогом *на* и винительным падежом нет.

Переразложение субстантивных словосочетаний с образованием адъективных происходит в славянских и румынском языках уже с конца XIX в. преимущественно в том случае, когда качественные прилагательные обозначают цвет или масть, а зависимые существительные определяют новые их оттенки. Однако в XX в. и особенно в нашу эпоху не только активно возрастает употребительность таких адъективных словосочетаний, но и происходит расширение семантического круга прилагательных и существительных, способных образовывать подобные словосочетания. Так, в новом адъективном словосочетании может участвовать зависимое существительное, не обозначающее дополнительных характеристик цвета, выраженного прилагательным. Например, русск. *белый с кружевами, серая с полями*; польск. *srebrzysto-jedwabiste o chorągiewkowym zakończeniu*; болг. *разноцветни с ажурена сплитка*; срх. *карирана са фолклорним утицаем* и пр.

Различные относительные прилагательные, в большей или меньшей степени способные развивать качественные оттенки и обозначать признак по материалу, также могут образовывать адъективные словосочетания путем переразложения субстантивных. Например, русск. *деревянный с резьбой, шелковое с серебристым отливом*; польск. *ciepła w szerokie pasy, niemodny w starym stylu*; болг. *гладки с цветя в шахматно повторение*; срх. *класични у пруге*; рум. *transparentă cu jabou, sportiv în dungii* и т. д.

Многие из подобных адъективных словосочетаний неустойчивы. Но показательно, как проявление тенденции к переразложению некоторых субстантивных словосочетаний в русском, польском, болгарском, сербохорватском и румынском языках, что существует возможность такого членения предложения (во всяком случае, в современной разговорной речи этих языков), при которой предложно-падежная группа оказывается зависящей от прилагательного, а не от существительного. Более того, даже в чешском и словацком языках, где не возникли новые адъективные модели словосочетаний, также иногда наблюдаются случаи временного перетягивания зависимой предложно-падежной группы от существительного к прилагательному. Например, чешск. (barva) *bledá béžová s kouskem čokolady*, слов. (šaty) *romantické s ažúrkami* и пр.

Что касается тех славянских и балканских языков, в которых с определенностью можно констатировать появление новых адъективных моделей в результате переразложения субстантивных, то там дело не ограничивается перечисленными моделями. Там употребляются и другие неустойчивые адъективные словосочетания с определительным значением, возникающие, в первую очередь, в разговорной речи. Например, русск. *Прил + до + Сущ_{род}: длинное до пят (пальто)*, *Прил + под + Сущ_{вин}: высокий под небеса*, *Прил + с + Сущ_{вин}: большие с кулак* и др.; польск. *Прил + pod + Сущ_{вин}: gładki pod szyję*, *Прил + z + Сущ_{род}: szeroka ze złotego materiału*; срх. *Прил + od + Сущ_{род}: романтична од шифона*; рум. *Прил + dintre + Сущ_{вин}: simplă dintr-o stofă subțire простая из тонкой ткани* и пр.

Приведенные факты свидетельствуют об активности процесса синтак-

сического переразложения данного типа в современных славянских и балканских языках в целом, особенно в разговорной речи. Возникшие адъективные словосочетания новых моделей укрепляются в системе адъективной сочетаемости, процесс переразложения субстантивных моделей все шире охватывает новые семантические разряды прилагательных и существительных, служащих для их определения. Устно-разговорные по происхождению, новые адъективные модели проникают в литературно-письменную сферу славянских и балканских языков ⁴.

Адъективно-адвербиальные модели обнаруживают очень большую близость по всем рассматриваемым славянским и балканским языкам. Всюду наиболее многочисленны и употребительны сочетания прилагательных с количественными наречиями: русск. *очень красивый, почти детский*; польск. *jeszcze młody, całkiem inna*; чешск. *velmi teplý*; болг. *много зубава*; срх. *веома лукав*; рум. *foarte vechi* *очень старый*. Качественные наречия начали сочетаться с прилагательными во всех языках позднее, чем количественные, но в настоящее время такие сочетания становятся широко употребительными, обнаруживая несомненную тенденцию к дальнейшему распространению; русск. *внимательно ласковый*; польск. *dziwnie miła*; чешск. *příjemně teplý*; болг. *заслепително бяла*; срх. *неочекивано груба*. Повсюду в ряде качественных наречий развиваются значения меры и степени признака, в результате чего они переходят в разряд количественных или оказываются на границе между качественными и количественными. Таковы русск. *абсолютно правый, ужасно грубый*; болг. *неизразимо щастлив, страшно романтични*; срх. *страшно лепа, ужасно попустулив*; рум. *complet distrus* *совершенно разрушенный, strict pesesară* *строго необходимая*. В румынском языке качественные наречия определяют преимущественно отглагольные прилагательные, т. е. причастия: *deschise larg* *широко раскрытые*. Но запрет на сочетание качественных наречий с прилагательными не является абсолютным. В современном языке многие причастия перешли или переходят в прилагательные, сохраняя свою сочетаемость и тем самым открывая дорогу качественным наречиям в систему адъективной сочетаемости, например, *bine crescut* *хорошо воспитанный, îmbrăcată simplu* *одетая просто*.

Из обстоятельственных наречий во всех рассматриваемых языках с прилагательными наиболее широко и свободно сочетаются наречия времени: русск. *нередко слабый*, польск. *zawsze piękna*, чешск. *dosud nepamátý*, болг. *винаги храбър*, срх. *увек такав*. В словосочетаниях данной модели Прил + Нар_{обст} участвуют также наречия места, но их гораздо меньше: русск. *пустой внутри*, польск. *tam niepotrzebny*, чешск. *tam vchodný*, болг. *тесен долу*.

Таким образом, к особенностям адъективной сочетаемости славянских языков относится способность прилагательных определяться всеми разрядами наречий. В румынском же языке есть некоторые ограничения на сочетаемость прилагательных с качественными наречиями.

Для большей части славянских языков характерна адъективная модель с инфинитивом — Прил + Инф. Она достаточно широко употребляется в русском, польском и чешском, хотя круг прилагательных, образующих ее, довольно узок. Такие словосочетания возможны как с краткими, так и с полными формами прилагательных. Однако наиболее типичны сочетания инфинитива с краткими формами. Среди полных форм

⁴ См. об этом: Т. Н. М о л о ш н а я. О новых моделях адъективных словосочетаний в современных славянских языках. «Советское славяноведение»,¹ 1977, № 4; е е ж е. О переразложении субстантивных словосочетаний в адъективные в славянских и балканских языках. «Славянское и балканское языковедение. Античная балканистика и сравнительная грамматика». М., 1977.

словосочетания модели Прил + Инф образуют преимущественно прилагательные, которые определяют предмет по его состоянию (готовности, способности и пр.): русск. *готов бороться, склонный преувеличивать*; польск. *gotów zapomnieć, skłonny uznać*; чешск. *pltný hrát, hodný vzít*.

Поскольку болгарский язык не имеет глагольного инфинитива, в нем практически отсутствует обсуждаемая модель Прил + Инф. Этим болгарский язык отличается от русского, западнославянских и румынского языков, обнаруживая известную близость лишь к сербохорватскому. В сербохорватском инфинитив сохранился, но в современном языке он неуклонно вытесняется конструкцией, состоящей из частицы *да* и формы настоящего времени глагола. Очевидно в силу этого обстоятельства, адъективные словосочетания с инфинитивом в сербохорватском языке практически почти не употребляются. С инфинитивом сочетаются в основном прилагательные, выступающие в предложении в качестве именной части составного сказуемого и имеющие форму среднего рода единственного числа: (*je*) *грубо гледати, лепо (je) принадлежати (чистой вери)*.

Румынский язык отличается в этом отношении от выше упомянутых балканских языков — он обладает глагольным инфинитивом (хотя и в румынском происходит ослабление инфинитива и замена его конъюнктивом), и ему свойственны сочетания прилагательного с этой глагольной формой. Однако, в отличие от того, что наблюдается в славянских языках, в румынском адъективные словосочетания с инфинитивом включают предлог: Прил + *de/pentru* + Инф (*capabil de a crede* *способный поверить*, *comod pentru a trece* *удобный для прохождения*). Такие словосочетания лексически ограничены по линии определяемого прилагательного. Участие предлога в адъективно-инфинитивной модели объясняется, очевидно, тем, что инфинитив выступает в румынской глагольной системе как форма более именная, более субстантивная, чем в русском, польском и чешском языках.

Румынский язык единственный среди рассматриваемых языков обладает формой супина. Супин представляет собой еще более именную глагольную форму, чем инфинитив. Он очень близок к отглагольному существительному, однако благодаря своим синтаксическим особенностям и наличию у него ряда глагольных категорий, тем не менее остается в системе глагола. Румынский супин может образовывать сочетания с прилагательным, при этом, подобно инфинитиву, — предложные сочетания: Прил + *de/la* + Суп (*greu de memorat* *трудный для запоминания*, *ușor la purtat* *легкий в носке*). Такие словосочетания лексически ограничены по обоим компонентам.

Наличие в румынском языке адъективных моделей с инфинитивом и супином чрезвычайно интересно с типологической точки зрения. Эти модели характеризуют исключительно румынский язык, нигде в славяно-балканском ареале они не встречаются.

Для всех рассматриваемых славянских и балканских языков характерны модели словосочетаний с так называемым компаративом (формой сравнительной степени прилагательного) в роли определяемого компонента. В русском языке компаратив отличается от положительной и превосходной степеней тем, что не имеет грамматических словоизменительных категорий рода, числа и падежа и относится к разряду морфологически неизменяемых форм. Однако и лексическую и грамматическую связь с положительной и превосходной степенями компаратив сохраняет, поэтому мы учитываем модели словосочетаний, которые он образует, и приводим их в виде некоторого приложения к собственно адъективным моделям. Примеры моделей с компаративом в русском языке: *Комп + Суш_{род}* (*острее ножа*), *Комп + Суш_{тв}* (*выше ростом, старше двумя годами*),

Комп + на + Сущ_{вин} (*на три рубля дороже*), Прил + в + Сущ_{вин} (*во много раз красивее*).

В остальных славянских языках форма сравнительной степени прилагательного изменяется по родам, числам и падежам (там, где падежи есть). Тем самым она принципиально не отличается от формы положительной степени. Но тем не менее мы выделяем модели с компаративом в самостоятельный класс во всех языках для единообразия в расположении материала и в целях большей наглядности сравнения с русским языком. Ср. польск. *bielszy od śniega, o dwa lata starsza*; чешск. *starší tebe, mladšího od Karla*; болг. *по-хубав от песен, по-драга от мома, по-млади от него*; срх. *старији од мене, лепша од сунца, страшилвије од зеца*; рум. *mai înalt decât Gheorghe выше Георгия, mai veselă decât mine веселее меня*. В болгарском языке компаратив, как вообще весь класс прилагательных и существительных, естественно, не изменяется по падежам.

В русском языке основная модель с компаративом, выражающая общее значение сравнительности, беспредложная — Комп + Сущ_{род}. Такие же беспредложные модели есть в чешском и сербохорватском языках: чешск. *starší tebe*, срх. *лепша сунца*. Однако в современных чешском и сербохорватском сочетания компаратива с беспредложным родительным уступают место предложным словосочетаниям: чешск. *mladší od Karla*, срх. *лепша од сунца*; ср. польск. *młodszy od żony*, болг. *по-млада от него*. Для выражения ограничительного и количественно-определяющего значения меры, степени признака в русском языке используется еще одна беспредложная модель с творительным падежом (*выше ростом, старше двумя годами*) и модели с предлогами *на* и *в* и винительным падежом (*на три рубля дороже, в сто раз красивее*); в польском употребляются предлоги *ponad* и *o* с винительным падежом (*wyższy ponad szaleństwa, o piętro niższy*), в чешском — предлог *proti* с дательным падежом (*proti tobě vážnějí*) и предлоги *nad* и *o* с винительным падежом (*lepší nad jiné, o hlavu kratší*). Уже было отмечено, что только польский и чешский языки характеризуются использованием предлога *o* с винительным падежом в компаративных моделях.

В болгарском и сербохорватском языках обнаружена лишь одна предложная модель с компаративом (и предлогом *от/од*); в румынском роль предлога в модели с компаративом выполняет союз (*decît* или *ca*).

Подводя общий итог, можем повторить сказанное в начале статьи, что различия между славянскими языками, которые здесь были сравнительно подробно проанализированы, гораздо менее существенны, чем их сходства. Иными словами, несмотря на известные отличия друг от друга, славянские языки очень близки между собой. Это особенно отчетливо видно при включении в рассмотрение румынского языка, который имеет общие со славянскими языками черты в области организации адъективных словосочетаний, однако отстоит от них в этом отношении дальше, чем славянские языки один от другого. Поэтому мы говорим о существовании общего славянского типа адъективной сочетаемости. Румынский же язык представляет несколько иной тип адъективной сочетаемости, хотя и близкий в некоторой степени к славяно-балканскому типу.

Сходства славянских языков в области адъективной сочетаемости совпадают со сходствами в области субстантивной сочетаемости⁵. В этом смысле можно утверждать наличие общего славянского типа именной сочетаемости. При этом соотношение славянских языков в одном и в другом случае (тип адъективной сочетаемости и тип субстантивной сочетаемости)

⁵ См. Т. Н. Молошная. Субстантивные словосочетания в славянских языках. М., 1975.

одинаково. Если принять за точку отсчета русский язык как язык данного описания, как родной язык автора (и потому представленный в настоящем исследовании самым полным материалом), то оказывается, что к русскому языку наиболее близок польский; к польскому примыкает чешский, несколько больше отличающийся от русского. С другой стороны русский язык соседствует с сербохорватским, за которым следует болгарский. Румынский язык соприкасается со славянской семьей в первую очередь через посредство болгарского, с которым он имеет достаточно общих черт в грамматической структуре.

Указанное соотношение наших языков Чешск — Польск — Русск — Болг — Срх — Рум отражает деление их на западнославянские (чешский и польский), восточнославянские (русский) и южнославянские, или славяно-балканские (болгарский и сербохорватский). Естественно, что румынский язык как балканский примыкает к славяно-балканским языкам.

ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА

- «Грамматика русского языка», т. II. Синтаксис, ч. I. М., 1954.
 «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970.
 Н. Н. Прокопович. Словосочетание в современном русском литературном языке. М., 1966.
 Z. K l e m e n s i e w i c z. Składnia opisowa współczesnej polszczyzny kulturalnej. Kraków, 1937.
 Z. K l e m e n s i e w i c z. Zarys składni polskiej. Warszawa, 1954.
 S. S z o b e r. Gramatyka języka polskiego. Warszawa, 1947.
 W. D o g o s z e w s k i. Słownik języka polskiego. Warszawa, 1958.
 St. S k o r u p k a. Słownik frazeologiczny języka polskiego, I, II. Warszawa, 1967.
 «Przekrój». Kraków, 1974—1979.
 V. S m i l a u e r. Novočeská skladba. Praha, 1952.
 F. T r á v n í č e k. Mluvnice spisovné češtiny, č. II. Skladba. Praha, 1951.
 F. T r á v n í č e k. Slovník jazyka českého. Praha, 1952.
 А. И. Павлович. Чешско-русский словарь. М., 1976.
 «Žena a moda». Praha 1975—1976; «Odívání». Praha, 1975; «Vlasta». Praha, 1976; «Moda». Bratislava, 1974—1976.
 К. Попов. Съвременен български език. Синтаксис. София, 1963.
 Л. Андрейчин. Основна българска граматика. София, 1944.
 «Речник на съвременния български книжовен език», т. I—III. София, 1955—1959.
 «Български тълковен речник». София, 1976.
 С. Б. Бернштейн. Болгарско-русский словарь. М., 1975.
 «Лада». София, 1972—1974; «Лъч». София, 1972—1974.
 М. Стевановић. Савремени српскохрватски језик, II. Синтакса. Београд, 1974.
 М. Јалевић. Синтакса српскохрватско књижевног језика. Београд, 1962.
 «Речник српскохрватскога књижевног језика», I—V. Нови Сад, 1967—1973.
 «Сербско-хорватско-русский словарь». Составил И. И. Толстой. М., 1958.
 «Praktična žena». Beograd, 1974—1979; «Наша жена», Титоград, 1973—1974.
 «Gramatica limbii Române», vol. II. București, 1966.
 Л. И. Лухт. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Румынский язык. М., 1970.
 «Dicționarul limbii Române literare contemporane», vol. I—IV. București, 1955—1957.
 «Румынско-русский словарь». Под ред. Б. А. Андрианова и Д. Е. Михальчи. М., 1954.

И. КОСТЮШКО

ИСТОРИКО-СЛАВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СССР (1971—1978)¹

В советской историографии исследования по истории славянских народов занимали и занимают весьма большое место. И это естественно. История русского, украинского и белорусского народов является предметом отечественной историографии. Особый интерес для советских историков представляет и история зарубежных славянских народов, тесно связанная с историческими судьбами восточного славянства.

Историко-славистические исследования, осуществленные и ведущиеся в СССР, настолько обширны и многообразны, что в небольшом сообщении невозможно даже кратко охарактеризовать их. Поэтому здесь мы хотели бы дать лишь некоторое представление о состоянии этих исследований после 1970 г. — об их организации, важнейших результатах и планах на ближайшие годы.

Одной из важных черт историко-славистических исследований в СССР является их планомерность. Эти исследования планируются в соответствии с потребностями развития науки, с учетом возрастающего интереса советской общественности к прошлому народов своей страны и зарубежных славянских народов.

Научное руководство историко-славистическими исследованиями и координация их в пределах всей страны осуществляются Отделением истории АН СССР. Изучением истории славянских народов наряду с прочим занимаются институты АН СССР: археологии; истории СССР; славяноведения и балканистики; истории, филологии и философии Сибирского отделения; истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока; Институт истории и Институт общественных наук АН УССР; Институт истории АН БССР и другие учреждения этих академий. Исследования по этой проблематике ведутся на кафедрах истории СССР, истории КПСС и всеобщей истории в высших учебных заведениях, а в некоторых университетах — и на специальных кафедрах по истории южных и западных славян и по истории социалистических стран. Значительное внимание уделяется изучению истории славянских народов и в других учебных заведениях, научных и культурных учреждениях страны.

Советские историки в своих исследованиях опираются на принципы марксистско-ленинской методологии. Последовательное и творческое применение этой методологии обеспечивает подлинно научное освещение исторических явлений и фактов, исторического процесса в целом. В рассма-

¹ Сообщение, сделанное на собрании Международной комиссии славянских исследований в Париже в ноябре 1978 г.

триваемый период получили дальнейшее развитие методологические основы советской исторической науки и в частности историко-славистических исследований. В работах советских ученых по методологии и отдельным проблемам исторической науки более глубоко и всесторонне раскрывается диалектика исторического развития, объективный характер закономерностей исторического процесса, учение о социально-экономических формациях, роль революционных преобразований в поступательном развитии человеческого общества, связь исторических судеб народов, формирование новых исторических общностей. Большое значение имеют теоретические положения о развитии социалистического содружества народов. Существенным условием научных славистических исследований является освещение истории отдельных или всех славянских народов в связи с историческим развитием других народов, в контексте европейской и мировой истории.

Весьма важные обобщения о современном развитии русского, украинского, белорусского и других народов СССР, образующих ныне новую историческую общность — советский народ, а также зарубежных славянских народов содержатся в материалах XXIV и XXV съездов КПСС, в трудах руководящих деятелей КПСС и Советского государства. В этих материалах и произведениях дается характеристика пути, пройденного братскими народами, раскрываются черты социалистического содружества, определяются перспективы его развития.

Отдельные периоды или проблемы истории всех славянских народов получили освещение в ряде обобщающих трудов, в которых подводятся итоги исследований советских и зарубежных историков.

Вопросы современного развития славянских народов и народов всех социалистических стран рассматриваются в работах «Мировая социалистическая система. Некоторые проблемы развития на современном этапе» (1971), «Закономерности развития мировой социалистической системы» (1972), «Мировая социалистическая система. Некоторые проблемы теории и истории становления социализма» (Н. Я. Бромлей, Е. М. Жуков, Л. Н. Лисицина), «Социалистическое содружество: основные тенденции развития» (И. В. Дудинский), «Развитое социалистическое общество: сущность, критерии зрелости, критика ревизионистских концепций» (изд. 2, 1975), «Развитое социалистическое общество, его историческое место и особенности строительства в различных странах» (1975), «Строительство развитого социализма в странах социалистического содружества» (Б. М. Пугачев), «Теория и практика строительства социализма. Из опыта стран социалистического содружества» (1975), «Ведущая роль рабочего класса в социалистических странах» (изд. 2, 1974), «Классовая структура общества в странах социализма» (К. И. Микульский), «Вопросы социально-политического развития социалистических стран» (1976) и в других коллективных и монографических исследованиях.

В томе XI академической «Всемирной истории», изданном в 1977 г., в рамках мирового исторического процесса показываются усилия и достижения советского народа в восстановлении и развитии народного хозяйства и культуры, а также коренные преобразования в политическом и общественно-экономическом строе западных и южных славянских стран. О революционных переменах в России и странах Центральной и Юго-Восточной Европы дает представление книга «Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (1977).

В «Истории второй мировой войны» (в 1973—1978 гг. вышли в свет девять томов) ярко раскрывается героическая борьба советского народа и зарубежных славянских народов против фашистских захватчиков. В ней убедительно показывается решающая роль СССР в разгроме фашизма и

отмечается вклад народов Польши, Югославии, Чехословакии и Болгарии в общее дело победы над врагом.

Вопросы внешней политики и международного положения в годы второй мировой войны и в послевоенный период (до начала 60-х годов) освещаются в IV томе (1975) и в первой книге V тома (1974) «Истории дипломатии».

В 1—3 томах труда «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории» (1976—1978) большое внимание уделяется проблемам формирования пролетариата, развития революционной мысли и рабочего движения в славянских странах и землях в период до Великой Октябрьской социалистической революции.

История русского, украинского и белорусского народов рассматривается как в общих трудах по истории народов СССР, так и в работах, посвященных истории России, Украины и Белоруссии.

В изданных в 1971 и 1973 гг. IX и X томах академической «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» характеризуется развитие братских народов в период построения социализма в СССР (1933—1941) и раскрывается их героический подвиг в годы Великой Отечественной войны. Об историческом пути народов Советской страны рассказывается в «Краткой истории СССР» в двух частях (изд. 3, доп., 1978), «Истории Коммунистической партии Советского Союза» (изд. 4, 1971—1975; изд. 5, 1976—1977), второй книге 4 тома «Истории Коммунистической партии Советского Союза», охватывающей 1929—1937 гг. (1971), в 1—5 томах «Истории социалистической экономики СССР», выпущенных в свет в 1976—1978 гг.

В ряде коллективных и монографических трудов излагается история народов СССР в период строительства развитого социализма и коммунизма. Из них следует отметить работы: «СССР на пути строительства коммунизма. 1959—1970» (1971), «СССР — великое содружество народов-братьев» (1972), «История национально-государственного строительства в СССР» (т. I—II, 1972), «Советский народ — новая историческая общность людей. Становление и развитие» (1975, а также монография М. П. Кима по этой проблеме), «Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР» (1976), «Актуальные проблемы коммунистического строительства» (1977), «Развитие СССР как союзного государства (С. И. Якубовская), «Советский народ — строитель коммунизма» (1977), «Конституция общенародного государства» (1978), «Советская деревня в первые послевоенные годы. 1946—1950», «Проблемы истории современной советской деревни. 1946—1973» (1975).

Борьбе советского народа против фашистских захватчиков посвящены работы «Всемирно-историческая победа советского народа. 1941—1945» (1971), об освободительной миссии Советских Вооруженных Сил во время второй мировой войны (изд. 2, 1974), «Великий подвиг советского народа» (1975), «Советский Союз в годы Великой Отечественной войны 1941—1945» (1976), об участии советских людей в антифашистской борьбе балканских народов (1975) и другие исследования.

По истории довоенного периода опубликованы монографии В. К. Иващенко о ленинском плане построения социализма (1972), С. П. Трапезникова «Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос» (изд. 2, 1974), работы о государственном строительстве в первые годы Советской власти (1973), о деятельности В. И. Ленина в 1917—1918 гг. (М. П. Ирошников), ЦК РКП(б) в 1918—1919 гг. (В. В. Аникеев), о становлении пролетарской диктатуры в России (С. С. Хесин).

Период гражданской войны и иностранной интервенции освещается в работах «Крах первого нашествия империалистов на Страну Советов»

(1973); «Из истории гражданской войны и интервенции» (1974), «Пролог гражданской войны в России» (В. Д. Поликарпов), «Крах российской монархической контрреволюции» (Г. З. Иоффе) и других изданиях.

Появились новые работы по истории Великой Октябрьской социалистической революции: третий том «Истории Великого Октября» И. И. Минца (1973, первый том во втором издании вышел в свет в 1977 г.), монография Ю. А. Полякова «Великая Октябрьская» (1977), сборники статей «Исторический опыт Великого Октября» (1975), «Источниковедение истории Великого Октября» (1977) и другие. В специальной работе показывается банкротство мелкобуржуазных партий в России в 1917—1922 гг.

Вопросы внешней политики КПСС и Советского государства получили освещение в третьем дополненном издании «Истории внешней политики СССР. 1917—1976» в двух томах (1976—1977), в работах «Внешняя политика Советского Союза. Актуальные проблемы» (1976), «Во имя мира на земле» (кн. 1, 2, 1977), «60 лет борьбы СССР за мир и сотрудничество между народами» (В. Г. Трухановский), «На путях нерушимой дружбы» (1977), «60 лет борьбы СССР за мир и безопасность» (1979) и в других монографиях и сборниках по истории внешней политики СССР и его отношений с социалистическими странами и капиталистическими государствами. Отношения с южными и западными славянскими странами, в частности, рассматриваются в работах о сотрудничестве СССР и НРБ в области сельского хозяйства в 1948—1958 гг. (Д. Г. Песчаный), о борьбе СССР за прием Болгарии в ООН (М. А. Мунтян), о сотрудничестве советского и болгарского народов в борьбе против фашизма (Р. Т. Аблова), советско-болгарских отношениях в 1917—1935 гг. (Д. Б. Мельцер), советско-польских отношениях в 1921—1924 гг. (П. Н. Ольшанский) и в 1931—1935 гг. (И. В. Михутина), о влиянии Октябрьской революции на развитие революционного движения в Польше в 1917—1919 гг. (П. М. Калениченко), советско-чехословацких отношениях накануне Мюнхена (И. А. Петерс), советско-югославском сотрудничестве (Ю. С. Гиренко), совместных боевых действиях советских и югославских войск в годы второй мировой войны (А. Н. Ратников).

Много сделано и в области изучения истории народов СССР в период капитализма. Опубликованы работы о первой мировой войне (т. I—II, 1975), IV Государственной думе и свержении царизма (Е. Д. Черменский), революции 1905—1907 гг. и ее всемирно-историческом значении (1976), русско-японской войне 1904—1905 гг. (1977), по истории рабочего класса в России в 1861—1900 гг. (1972), о всероссийском аграрном рынке (И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов), русской общественной мысли во второй половине XIX — начале XX вв. (Ш. М. Левин), по истории городов Сибири до советского периода (1977), о революционных связях народов России и Польши в дооктябрьский период (1976), русско-болгарских отношениях накануне и в период революции 1905—1907 гг. (А. К. Мартыненко), о русско-турецкой войне 1877—1878 гг. и участии в ней болгарского народа (А. А. Улунян), о российских революционерах в Юго-Восточной Европе (В. Я. Гросул) и по другим проблемам этого периода.

Большое внимание уделялось и истории феодальной формации в России. Были изданы исследования: «Революционная ситуация в России в середине XIX в.» (1978), «История Дона. С древнейших времен до падения крепостного права» (1973), о декабристах (М. В. Нечкина), «Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе» (1972), «Общество и государство феодальной России» (1975), «Россия в период реформ Петра I» (1973), по аграрной истории России (В. И. Шунков), о русской исторической мысли XVII — первой четверти XVIII вв. (М. А. Алпатов), о зем-

ских соборах русского государства в XVI—XVII вв. (Л. В. Черепнин), о становлении российского самодержавства (С. О. Шмидт), об Иване Грозном (Р. Г. Скрынников), о русско-польских отношениях второй половины XVI — начала XVII вв. (Б. Н. Флоря), по истории первой трети XVI в. (А. А. Зимин), о российском государстве XV—XVII вв. (М. Н. Тихомиров), о русских картах Московии XV — начала XVI в. (Б. А. Рыбаков), о социально-экономическом развитии Руси XIV—XVI вв. (А. Л. Шапиро), о черносошном землевладении XIV — начала XVI в. (Н. Н. Покровский), о Восточной Европе и упадке Золотой орды в конце XIV—XV вв. (И. Б. Греков), о княжеских уставах и церкви на Руси XI—XIV вв. (Я. Н. Шапов), о древнерусских княжествах X—XIII вв. (1975), о «Слове о полку Игореве» и русских летописцах (Б. А. Рыбаков), по истории и историографии русского летописания (А. Г. Кузьмин, В. И. Буганов), об Изборнике Святослава 1073 года. Вопросы древнейшей истории восточного славянства освещаются в монографиях В. Л. Янина, В. В. Седова, И. П. Русановой, А. А. Медынцевой, в сборнике «Проблемы этногенеза славян» (1978) и других работах. Следует отметить такие издания, как двухтомная «История рабочих Ленинграда» (1972), «История Москвы. Краткий очерк» (1974—1978), «История и историки» (1972—1978), а также исследования Н. М. Дружинина, А. Л. Нарочницкого, А. П. Окладникова, А. М. Самсонова, историографические работы В. Т. Пашуто.

История Украины рассматривается в обобщающих трудах: «История Украинской ССР» в восьми томах: т. I, III, т. V (1917—1920), т. VI, VII, 1977—1978; «Очерки истории УССР» (советский период, 1973), «Очерки истории Коммунистической партии Украины» (1971, 1977), «История государства и права Украинской ССР (1917—1973)» (1976). Продолжалось издание 26-томной «Истории городов и сел Украинской ССР».

Проблемам истории послевоенного периода посвящены исследования В. О. Романцова о рабочем классе УССР (1946—1970), В. С. Чистякова о движении новаторов в промышленности (1959—1965), Б. П. Ковалевского об укреплении союза рабочего класса и колхозного крестьянства в период строительства коммунизма (1959—1970), издания: летопись коммунистического строительства (1971—1975), о духовном расцвете украинского народа (1972), об участии УССР в сотрудничестве СССР с европейскими социалистическими странами (1974).

Среди работ о периоде Великой Отечественной войны выделяются «Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза» в трех томах (1975), коллективный труд об организующей роли Компартии в освобождении Советской Украины от фашистских захватчиков (1975), монографии М. В. Коваля об общественно-политической деятельности трудящихся УССР в период войны (1977) и Д. Ф. Григоровича о коммунистическом подполье на Украине в годы войны (1976).

О рабочем классе Украины в период социалистической реконструкции народного хозяйства (1926—1937) рассказывается в книге М. В. Резничкой (1977), в годы социалистической индустриализации (1926—1929) — в работе В. М. Довгопола (1971); монография А. Ф. Чмыги (1974) дает представление о коллективизации сельского хозяйства УССР.

В исследованиях по истории Октябрьской революции и первых лет Советской власти на Украине раскрываются борьба трудящихся Украины и России за победу и упрочение рабоче-крестьянской власти (монография А. В. Лихолата, коллективные труды «В борьбе за власть Советов на Украине» (1977), «Великий Октябрь и гражданская война на Украине» (1973), роль большевистской партии («В авангарде революционных масс...» 1977), деятельность Всеукраинского Центрального исполнитель-

ного комитета Советов (С. П. Виноградская и А. И. Рогожин, 1977), роль Украины в создании Союза ССР (Б. М. Бабий, 1972).

Широко изучались и проблемы истории Украины в период капитализма и феодализма. Появились работы о революционном движении на юге Украины (З. В. Першина), о революционных народниках 70-х годов XIX в. (М. П. Рудько, 1973), о заселении Новороссии в XVIII — первой половине XIX в. (В. М. Кабузан, 1976), о крестьянах Правобережной Украины в конце XVII — 60-х годах XVIII в. (В. А. Маркина), археологические и археографические исследования по истории южной Украины и другие работы. Изучались украинско-болгарские (П. С. Сохань, В. В. Павленко) и украинско-польские связи (О. В. Швидак).

Из специальных работ, посвященных истории белорусского народа, необходимо прежде всего отметить два обобщающих труда: «Историю Белорусской ССР» в пяти томах (на белорусском языке) (1972—1975) и «Историю Белорусской ССР» (1977), в которых дается систематическое освещение истории Белоруссии с древнейших времен до наших дней. В 1976 г. был издан второй том «Истории государства и права Белорусской ССР», охватывающий 1937—1975 гг. (первый том, относящийся к 1917—1936 гг., вышел в свет в 1970 г.)

Проблемы послевоенного развития Белоруссии рассматриваются в монографиях о трудовой активности рабочего класса в условиях зрелого социализма (В. К. Коршук), о роли Советов депутатов трудящихся в создании материально-технической базы коммунизма в 1959—1965 гг. (П. Т. Петриков), о трудовом подвиге рабочего класса в 1943—1950 гг. (И. Е. Марченко), об изменениях в быту и культуре городского и сельского населения (1976), об участии БССР в советско-болгарском сотрудничестве в 1960—1975 гг. (Г. Г. Сергеев), в книге С. Д. Войтовича показывается связи БССР с развивающимися странами.

Значительное внимание уделялось истории БССР в годы Великой Отечественной войны. Об этом свидетельствуют работы «Освобождение Белоруссии» (1974), «В боях за Белоруссию» (1974), книга В. Ф. Романовского «Против фальсификации истории Белоруссии в период Великой Отечественной войны» (1975).

Вопросы истории межвоенного периода, периода построения социализма нашли отражение в работах о деятельности КП(б)Б по упрочению социалистического общества (И. С. Росман), о культурном строительстве в деревне (О. В. Сафонова). В монографии А. Н. Мацко (1972) затрагивается проблема борьбы трудящихся Западной Белоруссии за свое освобождение и воссоединение с Советской Белоруссией.

Были изданы монографии В. Г. Ивашина — о борьбе большевиков Белоруссии и Западного фронта за осуществление ленинского Декрета о мире, В. Г. Гневко — о борьбе рабочего класса и трудящихся Белоруссии за установление Советской власти, П. Т. Петрикова — о ревкомах Белоруссии, П. А. Селиванова — о военном строительстве в Белоруссии в период разгрома походов Антанты, В. А. Круталевича — о рождении БССР, В. К. Ракашевича — об установлении Советской власти в Белоруссии и сотрудничестве советских республик.

В работах «Белорусская ССР — одна из учредительниц Союза ССР» (М. Е. Шкляр), «Братское сотрудничество Белорусской ССР с союзными республиками» раскрываются тесные связи белорусского народа с другими народами СССР.

Проблемам истории Белоруссии в период капитализма посвящены исследования о столыпинской аграрной реформе и крестьянском движении в 1914—1917 гг. (Л. П. Липинский), о рабочем классе (1900—1913, З. Е. Абезгауз), об общественной мысли конца XIX — начала XX в.

(О. И. Ефремова), о социал-демократическом движении 1883—1903 гг. (М. О. Бич), о революционных народниках 70—80-х годов XIX в. (С. М. Самбук), о развитии капитализма в сельском хозяйстве во второй половине XIX в. (Л. П. Липинский). Особый интерес представляет монография М. И. Иосько «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Белоруссия» (1977).

В ряде работ рассматриваются классовая борьба в деревне в первой половине XIX в. (В. В. Чепко), магнатское хозяйство второй половины XVIII в. (П. Г. Козловский), аграрная история Восточной Белоруссии во второй половине XVII—XVIII вв. (В. И. Мелешко), борьба белорусского народа за воссоединение с Россией во второй половине XVII—XVIII вв. (А. П. Игнатенко), частновладельческие города в XVI—XVIII вв. (А. П. Грицкевич), связи Белоруссии с Россией в XVII в. (А. Н. Мальцев), общественная мысль в XVI — первой половине XIX в. (Н. Н. Мохнач, А. Ф. Бирало, С. А. Подкошиц, С. Ф. Сокол), школьное дело в XVI — первой половине XVII вв. (В. П. Мещеряков), экспансия католической церкви (Я. Н. Мараш). Из других работ можно назвать «Идеи гуманизма в общественно-политической и философской мысли Белоруссии. Дооктябрьский период» (1977), «Очерки по археографии и источниковедению Белоруссии феодального периода» (Н. Н. Улащик), «Очерки по археологии Белоруссии», ч. II (1972), книгу об исторических связях Белоруссии с Болгарией (Д. Мельцер, П. Савочкин).

Обстоятельные сведения об исследованиях по истории русского, украинского и белорусского народов дооктябрьского и послеоктябрьского периодов за время с апреля 1971 г. до февраля 1976 г. приводятся в издании «Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС» (2 вып., 1978).

Советские историки уделяли большое внимание изучению истории зарубежных славянских народов, межславянских связей и славяно-германских отношений. Были изданы работы: «Рабочий класс и строительство социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (1977), о социально-экономических проблемах развития сельского хозяйства в европейских социалистических странах (Г. И. Шмелев и В. Н. Стародубровская), о народно-демократических и социалистических революциях в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1977).

Проблемы антифашистской борьбы и коммунистического движения излагаются в трудах «VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (1977) и «В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (1973). Появились исследования о мюнхенскомговоре (В. К. Волков), об участии зарубежных интернационалистов в Октябрьской революции (коллективный труд «Интернационалисты», 1971 и монография В. Р. Копылова, 1977), сборники «Славяне и Россия» (1972), «Славяне в эпоху феодализма» (1978), исследования о русско-балканских политических связях в первой трети XIX в. (И. С. Достян), по истории славянских и балканских народов в эпоху средневековья, славяно-германским отношениям (1971), по историографии и источниковедению славяно-германских отношений (1973), о политике «Дранг нах Остен» в 1871—1918 гг. (1977), об аграрном кризисе и распаде аграрного блока стран Восточной и Юго-Восточной Европы в 1930—1933 гг. (М. М. Горанович), о первоначальном накоплении капитала и национальных движениях в славянских странах (1972), об общественно-политических движениях в Центральной Европе в XIX — начале XX вв. (1974), по славяно-балканской проблематике (1972, 1976, 1977).

Рассматривались вопросы методологии и историографии этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев (1976), этногенеза славян (В. П. Петров), становления раннеславянских государств (1972), генезиса феодализма у славян и германцев (Г. М. Данилова).

Истории Болгарии были посвящены работы по проблемам строительства развитого социализма (1975), экономики НРБ на этапе строительства развитого социалистического общества (1977), современного положения страны (В. Жебокрицкий; «Народная Республика Болгария», 1974), союза рабочих и крестьян как основы развития социалистического сельского хозяйства (В. И. Голуб), борьбы БКП за социалистическую индустриализацию в 1948—1958 гг. (А. И. Черный), экономической политики БКП в промышленности в 1944—1948 гг. (В. Д. Мозеров), деятельности БКП по укреплению диктатуры пролетариата в 1944—1948 гг. (И. В. Ганевич), внешней политики НРБ в 1961—1975 гг. (М. Е. Позолотин), борьбы Д. Благоева за идеи научного коммунизма (П. М. Шестаков), Апрельского восстания 1876 г. (В. П. Чорний), истории болгаро-российских революционных связей в 60—70-х годах XIX в. (К. А. Поглубко), социально-экономических отношений во Втором Болгарском царстве (Л. В. Горина).

Предметом монографического изучения истории Польши явились проблемы строительства социализма и социальной структуры общества, отечества и социализма (А. К. Кавко), интеллигенции (Н. И. Бухарин), экономики (А. Н. Барковский), формирования Национального фронта в 1944—1946 гг. (В. С. Парсаданова), внешней политики (В. И. Любовцев), боевого содружества польского и советского народов, участия польских антифашистов в партизанском движении на Украине (И. Бречак), политики гитлеровцев в оккупированной Польше (А. Ф. Носкова).

В работах Р. А. Ермолаевой, А. Я. Манусевича, И. П. Петровича, С. М. Фалькович, Н. Н. Пухлова, Р. Я. Евзерова, И. С. Яжборовской, Н. И. Бухарина, А. М. Орехова рассматривается польское рабочее движение и его связи с российским революционным рабочим движением. Изданы монографии о И. Лелевеле (Б. С. Попков), П. Сдегенном (В. А. Дьяков), Б. Шварце (О. П. Морозова), о социально-сословном составе участников восстания 1863 г. (В. М. Зайцев), о польских революционных организациях в Москве в 60-е годы XIX в. (Т. Ф. Федосова), сборник статей по истории польского общественного движения XIX — начала XX в. Исследовались проблемы аграрной истории позднесредневековой Польши (В. А. Якубский).

Исследования по истории Чехословакии охватывали такие проблемы, как путь крестьянства к социализму (1948—1960, В. В. Марьина и Г. П. Мурашко), рабочий класс в годы строительства основ социализма (Н. А. Шленова), экономическое развитие ЧССР (В. Н. Даньшина), внешняя политика страны в 1945—1960 гг. (И. А. Петерс), борьба КПЧ за союз рабочего класса и крестьянства в 1929—1938 гг. (В. П. Мисюра), борьба за победу пролетарского интернационализма в рабочем движении 1918—1938 гг. (С. Ю. Пруница, О. В. Хланта), внешняя политика ЧСР в 1935—1938 гг. (А. Ф. Кизченко), чехословацко-венгерские отношения в 1935—1939 гг. (И. И. Пош), школа и образование в конце XVIII — 30-х годах XIX в. (М. Н. Кузьмин), эпоха просвещения (А. С. Мыльников), бюргерская оппозиция в гуситском движении (А. И. Озолин).

В монографиях по истории Югославии освещались современное развитие СФРЮ (1975), участие югославских интернационалистов в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР (В. В. Зеленев), образование югославского государства (Ю. А. Писарев), деятельность сербского демократа Ж. Жуевича (В. Г. Карасев), аграрные отношения в Боснии и

Герцеговине в 60—70-х годах XIX в. (В. Н. Кондратьева), общественно-политическая борьба в Хорватии в 1848—1918 гг. (И. И. Лещиловская), история Загреба в XVI в. (Е. С. Макова), система государственной власти в Сербии XIII—XV вв. (Е. П. Наумов) и сербская государственность в X—XIV вв. (В. П. Грачев).

Даже эти неполные данные (здесь не учитываются некоторые монографии, сборники статей и большое количество статей в периодических изданиях) показывают, что в рассматриваемый период советские историки сделали весьма много в области историко-славистических исследований.

Весьма значителен вклад в разработку историко-славистической проблематики и советских этнографов (монография Ю. В. Бромлея «Этнос и этнография», исследования других ученых), а также историков культуры. Эти вопросы, однако, требуют особого рассмотрения.

Ряд важных проблем истории славянских народов советскими историками разрабатывался совместно с коллегами из зарубежных стран. Примером этого являются труды «Братство по оружию» (1975), «СССР и Польша. Интернациональные связи — история и современность» (1977—1978), сборники по методологии и истории славистики и др.

В заключение кратко остановимся на ведущихся и планируемых в СССР исследованиях, связанных со славистической проблематикой.

Наряду с такими трудами, как «Всемирная история», «История СССР», «История второй мировой войны» и другими, работа над которыми продолжается, начата подготовка ряда коллективных и монографических исследований. Важнейшими из них являются «Формирование и развитие социалистического содружества», «СССР и страны народной демократии (1944—1949)», «Интернационализм советского народа (история и современность)», «Коммунистическое строительство и дальнейшее укрепление интернационального единства трудящихся в СССР (1959—1972)», «Основные проблемы истории развития и упрочения социалистического общества в СССР (1938—1958)» в двух томах, «Основные проблемы переходного периода от капитализма к социализму (1917—1937)», «История рабочего класса с 1861 по 1980 г.» в 9-ти томах, «История рабочего класса Российской Федерации (1938—1970)», «История советского крестьянства» в 5-ти томах, «Советский тыл в Великой Отечественной войне» в 3-х томах, «РСФСР в годы Великой Отечественной войны», «История трех русских революций», «Революция и интеллигенция (1917—1918)», «Советская историография Октябрьской революции», «Культурная жизнь в СССР. Хроника событий и фактов» в 5-ти томах, «История борьбы СССР за мир, международную безопасность и разоружение», «История крестьянства в СССР с древнейших времен до 1917 г.» в 5-ти томах, «Кризис российского самодержавия» в 2-х томах, «Вторая революционная ситуация в России» в 2-х томах, исследования по истории Московской земли, Новгорода и Киевской Руси, «Исторический атлас СССР», т. I, «Археология СССР» в 16-ти выпусках, «Свод памятников истории и культуры СССР» в 14-ти частях. Ведутся исследования и по отдельным проблемам истории Украины и Белоруссии.

Научный план предусматривает и дальнейшее изучение истории народов Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии. Проблематика истории этих народов получит освещение в работах о народных и национальных фронтах в освободительной борьбе и революции 40-х годов, о кризисе общественно-политической системы капитализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, о социальной структуре переходного периода от феодализма к капитализму, о международных отношениях на Балканах, о развитии этнического самосознания народов Центральной и Юго-Восточной Европы и других исследованиях.

В. А. ДЬЯКОВ, А. С. МЫЛЬНИКОВ

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ ЧЕХОСЛОВАЦКИМИ УЧЕНЫМИ В 1968—1978 ГОДАХ

Славяноведение в Чехословакии имеет давние и богатые традиции; естественно, что именно в ЧССР ведется в настоящее время большая работа по изучению истории отечественной и мировой славистики. Ни в коей мере не претендуя на исчерпывающую полноту, мы попытаемся дать краткую характеристику некоторых работ последнего десятилетия, более или менее широко охватывающих проблематику и имеющих обобщающий характер.

Начнем с выпускаемой Славянской библиотекой в Праге серии ротапринтных справочников, содержащих основные сведения и перечень литературы по международным съездам славистов. Съезды эти являются, как известно, важнейшими вехами в развитии мирового славяноведения, их изучение было и остается насущной задачей истории славистики, а предварительные библиографические разработки — исходным рубежом и залогом успеха будущих исследований. Опубликованы уже выпуски, посвященные I (1929, Прага), II (1934, Варшава) и IV (1968, Прага) съездам славистов¹. Дополнением к последнему выпуску может служить каталог книжной выставки, открытой к VI съезду². Эти полезные издания рецензировались в советской печати³, что избавляет нас от необходимости говорить о них подробнее.

Кафедра славистики Карлова университета в Праге регулярно проводит в последнее время научные конференции по истории славяноведения и публикует их материалы в серийном издании «Исследования по истории славистики». Первый выпуск этой серии включал материалы симпозиума, состоявшегося в сентябре 1967 г.⁴, второй выпуск — выступления на научной конференции, проведенной в октябре 1971 г.⁵ В третий выпуск вошли материалы симпозиума, посвященного научному наследству Л. В. Щербы⁶. В названных симпозиумах принимали участие иностранные ученые. Каждый из симпозиумов давал немало новых фактов и обобщений по за-

¹ «Sjezd slovanských filologů v Praze, 1929. Bibliografie». Sest. R. Rejnikova. Praha, 1968; «II Mezinárodní sjezd slavistů. Warszawa, 1934. Bibliografie». Sest. E. Velínska a kolektiv. Praha, 1972; «VI Mezinárodní sjezd slavistů v Praze. 1968, 7—13 srpna. Bibliografie». Zprac. E. Velínska. Praha, 1969.

² «Katalog slavistické literatury (1963—1968) vystavene na VI Mezinárodním sjezdu slavistů v Praze». Praha, 1970.

³ А. С. М ы л ь н и к о в. Ценный вклад в историю мировой славистики. «Советское славяноведение», 1974, № 6, с. 91—92.

⁴ «Práce z dějin slavistiky», I. Praha, 1970.

⁵ Ibid., II. Uspořádal doc. Ph. Dr. M. Kvapil. Praha, 1975.

⁶ Ibid., III. Uspořádal doc. Ph. Dr. J. Popela. Praha, 1976.

трагивавшимся проблемам истории славистики. Поэтому серийное издание представляет интерес для всех тех, кто интересуется соответствующей проблематикой.

Группа чехословацких специалистов уже длительное время занимается изучением истории славяноведения как комплекса научных дисциплин, включающего историю, языковедение, литературоведение и некоторые другие области знания⁷. Значительным результатом их усилий явился библиографический словарь «Чехословацкие исследования о языке, истории и культуре славянских народов с 1760 г.»⁸. Подготовка к изданию словаря началась еще в бывшем Славянском институте (Брно) Чехословацкой Академии наук и бывшем Чехословацко-советском институте Словацкой Академии наук (Братислава). Как явствует из вводной статьи, в картотеке было учтено около двух тысяч ученых, не считая тех, кто затрагивал славистическую проблематику в качестве популяризатора или публициста. Из-за ограниченности объема в словарь включены статьи только о 594 специалистах, научную продукцию которых составители признали наиболее весомой.

Кроме обстоятельного введения, написанного М. Куделкой и З. Шимечком (с. 5—16), словарь снабжен перечнем использованной биографической литературы, энциклопедий, справочников (с. 19—22), списками сокращений (с. 17, 533—541), общим именованным указателем (с. 543—560). Каждая из персональных статей (с. 23—532) включает основные биографические сведения, лаконичную характеристику методологической ориентации слависта, основных направлений его научной деятельности и места в истории чехословацкой славистики, выборочную библиографию сочинений ученых, а также основную литературу о каждой из персоналий. Словарь имеет большую справочную ценность, ибо в нем чехословацкие специалисты впервые собрали и систематизировали материал о виднейших отечественных, а отчасти и зарубежных (в том числе русских) славистах, работавших более или менее длительное время на территории Чехословакии.

Создатели словаря не ограничивали его функции только справочной сферой. «Словарь преследует, — говорится во введении, — одновременно две цели: во-первых, он должен быть справочником, дающим краткую, но вполне достаточную информацию об известных в настоящее время работах чешских и словацких исследователей в области истории и культуры славянских народов, во-вторых, он должен служить подготовке к написанию истории славистики в Чехословакии, создавая для нее необходимую библиографическую базу» (с. 5).

В 1977 г. М. Куделка, З. Шимечек, В. Штясны и Р. Вечерка опубликовали большую (объемом свыше 40 печатных листов) и весьма серьезную книгу «Чехословацкая славистика в 1918—1939 годах»⁹. Она состоит из предисловия, введения, шести глав и приложения.

В предисловии, написанном В. Штясным, рассматриваются общие вопросы историографии проблемы, предмет и метод исследования. Отметив возросший за последние годы интерес к истории славистики, автор ссылается на соответствующие решения IV и последующих международных съездов славистов, на создание Международной комиссии по истории

⁷ О понимании ими предмета славистических исследований дает представление статья М. Куделки. См. М. Куделка. О славистике как сфере научного познания. В кн. Методологические проблемы истории славистики. М., 1978, с. 18—39.

⁸ М. Куделка, З. Шимечек а kolektiv. Československé práce o jazyce, dějinách a kulture slovanských národů od r. 1760. Biograficko-bibliografický slovník. Praha, 1972.

⁹ М. Куделка, З. Шимечек, В. Штясны, Р. Вечерка. Československá slavistika v letech 1918—1939. Praha, 1977.

славистики, которую в настоящее время возглавляет директор Института славяноведения и балканистики АН СССР член-корреспондент АН СССР Д. Ф. Марков. В. Штясны кратко характеризует итоги работы, проведенной в этой области чехословацкими учеными. Он отмечает трудности, возникающие при создании обобщающего историко-славистического труда не только из-за многообразия и обширности фактического материала, но и ввиду неоднозначности трактовки самого понятия «славистика». Поясняя понимание авторским коллективом предмета славистики, а следовательно, и ее истории, В. Штясны пишет: «Авторы этого труда избрали широкое понимание прежде всего потому, что ... в настоящее время нельзя забывать ни те области знания, которые в свое время не воспринимались как славистические, ни те, которые относятся к славистике теперь» (с. 7).

Хронологические рамки исследования обосновываются в предисловии следующим образом: «Предлагаемый труд содержит систематическую разработку межвоенного периода 1918—1939 гг., который в истории чехословацкой славистики, с одной стороны, необычайно важен ввиду быстрого развития организационных основ и интенсивности исследований, а с другой стороны — ввиду продолжавшегося методологического кризиса и борьбы между господствовавшими идеалистическими воззрениями и постепенно распространявшейся марксистской методологией. Этот период был избран в качестве исходного для обобщающей разработки истории чехословацкой славистики прежде всего потому, что авторский коллектив хотел на этом сложном примере проверить плодотворность своих методических принципов, направленных на комплексное понимание истории славистики в полном ее объеме и в связи с общественной ситуацией эпохи, как того требует марксистская методология» (с. 6).

Ареалом исследования избрана историческая территория чехов и словаков. Исключение сделано для славистов чешского и словацкого происхождения, работавших за границей — они также включены в рассматриваемый труд. «Деятельность славистов других национальностей, работавших в Чехословакии, освещена лишь в той мере, в какой она и тематически и организационно включалась в чехословацкий контекст» (с. 7). Авторы стремились показать историю славистики как процесс, а не как сумму биографий ученых, хотя бы и выдающихся.

Краткое введение, написанное М. Куделкой, содержит общую характеристику общественных условий, в которых происходило развитие славянских исследований в буржуазной Чехословакии между двумя мировыми войнами. Прежняя «славянская идея» переживала кризис, особенно глубоко ощущавшийся в буржуазной Чехословакии, которая до 1934 г. не признавала СССР и гарантию своего политического существования видела в поддержке со стороны западных держав. В этой обстановке важную роль сыграло Общество культурного и экономического сближения с новой Россией, созданное в 1925 г. под руководством Э. Неядлы. Он выдвинул принципиально иную, основанную на марксистском понимании исторического процесса, концепцию славянской солидарности и чехословацко-советского сотрудничества. Тем не менее, в целом буржуазная идеология продолжала определять развитие чехословацкой славистики. Это обусловило внутреннюю противоречивость самой методологии славянских изучений, широкий диапазон взглядов, от откровенно реакционных и контрреволюционных, до демократических и революционных, выдающимся глашатаем которых был Неядлы и группировавшиеся вокруг него приверженцы марксистских принципов.

В написании первой главы монографии — «Теория, библиография и история славистики» — принимали участие все члены авторского коллектива. Особый интерес представляет параграф, касающийся теоретических

посылок чехословацкого славяноведения и представлений о предмете славистики. Как указывает автор этого параграфа М. Куделка, в межвоенный период существовало два основных представления о предмете славистики. Одно из них было связано с именем И. В. Ягича, который рассматривал славистику как славянскую филологию, охватывающую всю духовную жизнь славянских народов. Другое восходило к концепциям ряда дореволюционных русских ученых, особенно к работам В. А. Францева, жившего и работавшего с 20-х годов в Чехословакии. Оно охватывало всю совокупность исторической проблематики и не рассматривало исторические науки как нечто вспомогательное по отношению к филологии. Концепция Ягича была в Чехословакии преобладающей и именно она легла в основу деятельности основанного в 1922 г. журнала «Славия». М. Куделка пишет, что в межвоенные десятилетия в чехословацкой славистике наметились две основные тенденции: с одной стороны, стремление сузить широкое определение Ягича, выделив славянскую филологию как четко ограниченную область исследований, которая включала бы изучение языка, литературы и фольклора, с другой — стремление включить в славистику не только филологию, но историю и исследования современной жизни народов, говорящих по славянски (с. 26). Общим недостатком обоих направлений, считает Куделка, было некритическое отношение к традициям и общее воздействие идеалистических представлений об историческом развитии славянских народов.

В написании второй главы — «Научные центры, периодика, съезды» — также принимал участие весь авторский коллектив. Хотелось бы подчеркнуть необычайную источниковедческую ценность этой главы, по существу впервые объединившей разнообразный материал, который позволяет полнее уяснить организационные основы и формы развития славистических исследований в довоенной Чехословакии. Авторы отмечают идеологическую заинтересованность буржуазного государства в развитии славистики и помощь, которую оно ей оказывало. Причины этого внимания были различны. В основном они определялись целями культурной политики, которую проводила буржуазная Чехословакия на международной арене и внутри страны, благожелательным отношением к антисоветской эмиграции, а также необходимостью контролировать и нейтрализовать общественный интерес и те симпатии, которые росли в стране к Советскому Союзу.

Следующие четыре главы охватывают историю славянского языкознания (Р. Вечерка), литературоведения, критики и фольклористики (М. Куделка), исторических наук (З. Шимечек), философии и искусствознания (М. Куделка). Каждая из этих глав содержит значительный и интересный материал по рассматриваемой проблематике. Не имея возможности остановиться на детальном анализе этих глав, отметим лишь некоторые, наиболее важные, с нашей точки зрения, вопросы. Так, в главе третьей, посвященной славянскому языкознанию, перечисляются ведущие ученые в этой области и характеризуются методологические приемы, которыми они пользовались: младограмматизм, психологизм, социологизм, структурализм и т. д. «Время между двумя мировыми войнами, — заключает автор, — было периодом стремительного развития славянского языкознания и поисков новых путей научного исследования» (с. 161). К сожалению, эта важная в теоретическом отношении тема изложена очень сжато, что, по-видимому, и помешало автору дать более глубокую оценку тем методическим приемам и научным школам, о которых он пишет. В этом смысле раздел о теории и методологических принципах литературоведения, критики и фольклористики (с. 213—223) представляется более удачным. Интересен, в частности, анализ позитивистских позиций чешских литературоведов, виднейшим представителем которых М. Куделка считает Я. Влчка. В пя-

той главе — «Славистика в исторических науках» — автор стремился, поскольку это позволял материал, не только выявить идейные расхождения в буржуазной науке, но и показать постепенное проникновение марксистской методологии в оценку событий и фактов истории славянских народов. В качестве примера можно сослаться на интерпретацию так называемой «славянской взаимности» (с. 355). З. Шимечек выделяет понимание этого вопроса видным деятелем КПЧ Я. Швермой и выдающимся историком-марксистом З. Нееды, указывая, «что это понимание после освобождения в 1945 г. оказало влияние на формирование новой разработки истории славянских народов как части славистических исследований» (с. 355).

Пользование монографией в значительной мере облегчают имеющиеся приложения: перечень энциклопедий и справочников, библиография, список сокращений, вспомогательный указатель имен и названий. Пользуясь последним, например, можно получить сведения не только об упомянутых лицах, но и об организациях и научных учреждениях (например, Славянском институте, Чехословацком этнографическом обществе, Канцелярии словаря чешского языка, Пражского лингвистического кружка и т. д.).

Несомненно, монография, написанная чехословацкими историками славистики, представляет собой ценный и заслуживающий положительной оценки труд. Она является первым и важным шагом в решении задачи создания капитального обзора всей истории чешской и словацкой славистики. Вместе с тем, рассмотренный труд вновь ставит на повестку дня необходимость дальнейшего обсуждения проблем предмета славяноведения.

Если взглянуть на монографию с этой точки зрения, то нельзя не обратить внимания на некоторые противоречия между исходными позициями авторов и реальным содержанием труда. Авторы называют «крайностью» включение в славистику всех дисциплин, занимающихся изучением славянства. В то же время они исходят из того, что славяноведение представляет собой не особую научную область, а лишь тематический срез дисциплин, обращающихся к славянскому материалу. Однако так ли уж противостоят друг другу эти понятия? Едва ли можно сомневаться, что науки, входящие в славистический комплекс, тесно связаны с соответствующими дисциплинами в методологическом отношении. Но допустимо ли на этом основании отрицать, что у славистических дисциплин, если их понимать как некую систему, имеются свои, специфические для них приемы и методы исследования?¹⁰ На наш взгляд, авторы рассматриваемой книги недостаточно учли эту диалектическую взаимосвязь славистических дисциплин внутри славистического комплекса. По-видимому, этим следует объяснить тот факт, что в монографии отсутствует мотивированное заключение, в результате чего изложение истории основных компонентов славистики выглядит как сумма, а не как совокупность наук о славянах. Вместе с тем, это находится в явном противоречии с первыми двумя главами исследования, которые посвящены методологическим и научно-организационным проблемам истории славистики в Чехословакии. Для этих глав характерен именно тот комплексный подход, который представляется естественным и единственно возможным в истории славяноведения. Отсутствие заключительного раздела приводит к тому, что аналитическое освещение славистических исследований в сфере лингвистики, истории, литературоведения и других дисциплин не завершается их синтезом. Высказывая этот упрек, мы со всей отчетливостью понимаем сложность теоретического осмысления и тем более практического решения этой проблемы.

¹⁰ О преобладающих среди советских славистов взглядах на предмет славистики см. Д. Ф. Марков. Славистика как комплекс научных дисциплин. В кн. Методологические проблемы истории славистики, с. 7—17.

В заключение остановимся на «Исследованиях по истории мировой славистики до середины XIX столетия»¹¹. Это один из томов пятитомной серии международных сборников, которую подготавливает в настоящее время Комиссия по истории славистики при Международном комитете славистов. Открывает эту серию уже называвшийся том, который посвящен методологическим вопросам и издан в Советском Союзе¹². Остальные четыре тома охватывают историю мировой славистики с древнейших времен до 1945 г., причем подготовку первого из них взяли на себя слависты Чехословакии, второго (60—90-е годы XIX в.) — Югославии, третьего (до 1918 г.) — Болгарии, четвертого (межвоенный период) — Польши¹³.

Чехословацкий сборник включает 20 статей, написанных авторами из разных стран и посвященных развитию славистики на чешских и словацких землях, в России, Германии, Польше, Болгарии и на территории современной Югославии. Преобладает чехословацкая тематика — на ее долю приходится девять статей, т. е. почти половина сборника. В их числе подготовленные чехословацкими учеными обзорные статьи по чешской (М. Куделка, З. Шимечек, Р. Вечерка) и словацкой (Я. Тыбенский, М. Лацок) славистике, а также более узкие по тематике работы, посвященные В. Ф. Дуриху и его сочинению «Biblioteka Slavica» (В. Бехинева), Ю. Добровскому (М. Крбец, К. Хоралек, П. Крживский), П. Й. Шафарыку (К. Розенбаум, К. Грозненчик), Я. Коллару и Л. Штуру (В. Матула). Четыре советских автора посвятили свои статьи: В. А. Дьяков — идее славянской взаимности и ее воздействию на развитие славяноведения; А. С. Мыльников — особенностям начального этапа развития славистики в России; Р. М. Цейтлин — А. Х. Востокову, И. В. Чуркина — Б. Копитару и его связям с русскими славистами. Польский ученый З. Недаеля дал общую картину развития польского славяноведения до 1848 г., его соотечественник С. Урбанчик посвятил свою работу Богумилу Линде. Состояние югославской славистики и участие Вука Караджича в языковой реформе осветили В. Куделка и В. Кашич; статью о новоболгарской грамматической традиции написал для сборника болгарский ученый Х. Пырвев, обзор немецкой славистики до середины XIX в. дал автор из ГДР Г. Порт, обзор развития сорабистики в Германии — его коллега В. Цайль.

Конечно, можно выразить сожаление, что том охватывает не все страны, в которых на протяжении рассматриваемого периода зарождались и развивались славистические исследования. Не затрагиваются в сборнике и некоторые теоретические вопросы, имеющие значение для разработки истории мировой славистики. Однако несмотря на это сборник в целом является, несомненно, существенным вкладом в ее развитие.

Подводя итоги, следует сказать, что изучение истории славистики в Чехословакии достигло за последнее десятилетие весьма заметных успехов. Перечисленные в обзоре издания воочию показывают, насколько широк фронт ведущейся работы, насколько реальны достигнутые результаты. Важнейшим из них является то, что чехословацкие специалисты выпустили в свет первый том обобщающего труда по истории славистики. Хотя этот том не лишен отдельных недостатков, уровень его настолько высок, что позволяет надеяться на успешное решение этой трудной, но почетной задачи во всем ее немалом объеме.

¹¹ «Stúdie z dějin svetovej slavistiky do polovice 19 storočia». Ved. red. J. Hrozienskí. Bratislava, 1978.

¹² В нем, кстати сказать, кроме упоминавшейся статьи М. Куделки, помещена еще одна интересная и содержательная статья чехословацкого автора: Ф. В о л ь м а н. Методологические вопросы сравнительного изучения славянских литератур на съездах славистов. В кн. Методологические проблемы истории славистики, с. 282—313.

¹³ Подробнее обо всем замысле см. в предисловии к кн. Методологические проблемы истории славистики, с. 5—6.

Г. В. ВУХАЛО

ПОЛЬСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ВОССОЕДИНЕНИИ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ

Внимание современных польских историков привлекала освободительная война украинского народа 1648—1654 гг. В связи с празднованием 300-летия воссоединения Украины с Россией в народной Польше появился ряд трудов, посвященных изучению этого вопроса. Мы имеем в виду работы Б. Барановского, С. Либишовской, О. Гурки, З. Вуйцика, А. Керстена, С. Арнольда¹ и других. В последующие годы различные аспекты этой проблемы нашли свое отражение в трудах З. Вуйцика, А. Керстена, Л. Подгородецкого, И. Фонковича, Т. Твардовского² и других.

В польской историографии затрагивался вопрос об экономической помощи России Украине в годы освободительной войны. Историки ПНР указывают, что на протяжении XVII в., а значит и во время освободительной войны, между Украиной и Россией существовали крепкие экономические связи.

Авторы коллективной «Истории Польши» С. Арнольд, И. Михальский, К. Пиварский подчеркивают, что во время войны русское государство оказывало Украине экономическую помощь: поставляло скот, оружие, амунцию и т. д.³

Историк Б. Барановский также отмечает, что Украина на протяжении всей войны получала от России не только зерно и соль, но и оружие, амунцию, металлоизделия⁴.

¹ B. B a r a n o w s k i. Narodowo-wyzwoleńcza walka ludu ukraińskiego w XVII wieku. «Nowe Drogi», г. VIII, 1954, № 1 (55); B. B a r a n o w s k i, Z. L i b i s z o w s k a. Problem narodowo-wyzwoleńczej walki ludu ukraińskiego w XVII w. w historiografii polskiej. «Kwartalnik Historyczny», 1954, № 2; O. G ó r k a. Bohdan Chmielnicki — jego historycy, postać i dzieło. «Sesja naukowa w trzechsetną rocznicę zjednoczenia Ukrainy z Rosją 1654—1954». Warszawa, 1956; Z. W ó j c i k. Feudalna Rzeczpospolita wobec umowy Perejasławskiej. «Kwartalnik Historyczny», 1954, № 3; A. K e r s t e n. Wyzwoleńcza walka ludu ukraińskiego a wystąpienia chłopów polskich lat 1648—1654. «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», 1955, № 1—2 (10—11); S. A r n o l d. Polska szlachecka wobec walki narodowo-wyzwoleńczej ludu ukraińskiego w wieku XVII. «Sesja naukowa...».

² Z. W ó j c i k. Dzikie pola w ogniu. Warszawa, 1968; A. K e r s t e n. Na tropach Napierskiego. Warszawa, 1970; L. P o d h o r o d e c k i. Sicz Zaporoska. Warszawa, 1970; ег о ж е. Tatarzy. Warszawa, 1971; ег о ж е. Zarys dziejów Ukrainy, t. I. Warszawa, 1976; J. F o n k o w i c z, T. T w a r d o w s k i. Krwią i bliźną. Warszawa, 1972.

³ S. A r n o l d, J. M i c h a l s k i, K. P i w a r s k i. Historia Polski. Warszawa, 1955, s. 136.

⁴ B. B a r a n o w s k i. Ibid., s. 41.

Рассматривая этот вопрос, Л. Подгородецкий приводит более широкий ассортимент направляемых в те годы из России на Украину товаров. К их числу он относит: меха, кожи, полотно. Автор указывает, что Украина в свою очередь направляла в Россию селитру, изделия гончаров, табак, водку. Он пишет, что в Москве и в других городах России были отведены специальные торговые пункты для украинских купцов, а на Украине — в Киеве, Львове, Виннице, Каменце Подольском и в других городах — аналогичные условия для торговли создавались русским купцам⁵.

Современные польские историки в связи с проблемой освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. касаются еще одного важного вопроса — дипломатической помощи России Украине. Они подчеркивают, что русское правительство с первых лет войны внимательно следило за ходом событий на Украине и в самые критические, тяжелые для украинского народа минуты предпринимало попытки защитить его интересы.

Так, С. Арнольд пишет, что русское правительство неоднократно требовало от польского королевского правительства прекратить террор и кровавые репрессии на Украине со стороны польских магнатов, особенно усилившиеся после Зборовского и Белоцерковского соглашений⁶. З. Вуйцик указывает в связи с этим, что в августе 1653 г. находившийся в Польше русский посол Оболенский требовал от имени царя ликвидации тяжелых для украинского народа условий Белоцерковского договора⁷.

Современные польские историки отмечают, что Россия оказывала дипломатическую помощь Украине не только в ее отношениях с Польшей. Русские дипломаты отстаивали интересы Украины и в своих переговорах с представителями других государств — правильно подчеркивает Б. Барановский⁸.

Специально рассматривался вопрос о дипломатических отношениях Украины с Россией в годы освободительной войны — с самого ее начала Б. Хмельницкий поддерживал дипломатические связи с русским правительством, в частности вел переговоры о воссоединении Украины с Россией. О. Гурка приводит письмо Б. Хмельницкого русскому царю от 8 июня 1648 г., которое, кстати, замалчивалось как украинскими, так и польскими буржуазно-националистическими историками. В этом письме высказано пожелание воссоединения Украины с Россией и намечен путь реализации этой идеи — совместная борьба украинского и русского народов против шляхетской Польши⁹. На идею о воссоединении Украины с Россией с самого начала освободительной войны указывает и Л. Базылёв¹⁰.

Но в силу целого ряда причин Россия не была еще готова к этому решительному и ответственному шагу. З. Вуйцик справедливо отмечает, что русское правительство было занято вопросами внутренней политики. В частности, его тогда волновали народные восстания в Новгороде и Пскове¹¹.

В последние годы польские историки глубже стали изучать этот вопрос. Так, Л. Подгородецкий в своем двухтомном труде «Очерки истории Украины» подчеркивает, что царскую Россию «беспокоил и радикальный, плебейско-крестьянский характер казацкого восстания»¹².

⁵ L. Podhoroński. Zarys dziejów Ukrainy, s. 286—287.

⁶ S. Arnold. Ibid., s. 19.

⁷ Z. Wójcik. Ibid., s. 206.

⁸ B. Baranowski. Ibid., s. 41.

⁹ O. Górka. Ibid., s. 99.

¹⁰ L. Bazylow. Historia Rosji. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969, s. 147.

¹¹ Z. Wójcik. Ibid., s. 203.

¹² L. Podhoroński. Ibid., s. 275.

В работах, посвященных данной проблеме, современные польские историки касаются и вопроса взаимоотношений украинского и русского народов. Б. Барановский пишет, что уже само существование и развитие русского государства, его успехи в борьбе против татарских ханов и польских феодалов — именно тех сил, которые так сильно притесняли украинский народ, не могли не укреплять его национального сознания, его сопротивления национальному и социальному угнетению¹³. В связи с этим, указывает автор, в ходе народно-освободительной войны проявлялись четкие тенденции опоры на Россию.

Русский народ с большим вниманием следил за борьбой украинского народа против эксплуататоров. Польские историки отмечают, что русские крестьяне, казаки и мещане неоднократно приходили на помощь своим приднепровским братьям.

Война 1648—1654 гг. усилила тягу народных масс Украины и России к единству действий. Так, Б. Барановский говорит, что в рядах повстанцев было немало русских, что донские казаки сыграли немалую роль в освободительной борьбе украинского народа¹⁴. Помимо донских казаков в украинской повстанческой армии были и беглые русские стрельцы, крестьяне, уходившие от жестокой эксплуатации на Приднепровье. На территории России в тяжелые минуты находили убежище участники освободительных выступлений украинского народа, спасаясь от гонений и репрессий польской шляхты. Русские охотно принимали украинских эмигрантов, наделяли их землей, принимали казаков на военную службу¹⁵.

Естественно, пишет Б. Барановский, что Земский собор 1653 г. в Москве, в котором кроме бояр, шляхты, духовенства и царских чиновников принимали участие и представители крестьян и стрельцов, единодушно дал согласие на принятие Украины в состав России и на объявление войны шляхетской Польше¹⁶. В связи с этим О. Гурка подчеркивает, что воссоединение Украины с Россией было реализацией прежде всего чаяний народных масс, но не результатом деятельности царских вельмож и бояр, а также казачьих полковников¹⁷. С. Арнольд подчеркивает, что программа Б. Хмельницкого предусматривала с самого начала освободительной войны не только получение помощи от России, но и воссоединение Украины с Россией¹⁸.

Таким образом, в польской историографии показывается, что дружба русского и украинского народов уходит своими корнями в глубь веков, что она крепла в совместной борьбе против угнетателей.

¹³ B. B a r a n o w s k i. Ibid., s. 32—33.

¹⁴ Ibid., s. 41.

¹⁵ L. P o d h o r o d e c k i. Sicz Zaporoska, s. 220.

¹⁶ B. B a r a n o w s k i. Ibid., s. 41.

¹⁷ O. G ó r k a, Ibid., s. 101.

¹⁸ S. A r n o l d. Ibid., s. 19.

В. И. БЕЛЯЕВА

МЮНХЕНСКИЙ СГОВОР И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В конце сентября 1938 г. мюнхенский сговор явился кульминацией политики «умиротворения» Германии, проводившейся правительствами Великобритании и Франции практически на всем протяжении периода между двумя мировыми войнами. Мюнхенский сговор по своей сути был позорной сделкой, заключенной между Великобританией и Францией, с одной стороны, и Германией и Италией — с другой за счет независимого чехословацкого государства. Оккупация германскими войсками стратегически важных и сильно укрепленных пограничных районов Чехословакии существенным образом изменила соотношение сил на европейском континенте в пользу фашистских государств. Все попытки буржуазной англо-американской историографии доказать неизбежность мюнхенского сговора и представить его как «благородное» стремление британского и французского правительств к сохранению мира в Европе не могут скрыть того факта, что в действительности мюнхенский сговор стал решающим шагом на пути развязывания второй мировой войны.

Оправдывая мюнхенский сговор, буржуазные историки используют разные аргументы: неподготовленность Великобритании и Франции к войне, пацифизм британского общества, недооценку британскими государственными деятелями агрессивности и вероломства Гитлера, наивность премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена, нежелание Франции выполнять договорные обязательства перед Чехословакией. Однако в течение многих лет главным аргументом в защиту мюнхенского сговора и вообще политики «умиротворения» буржуазная историография считала безоговорочную поддержку общественностью Великобритании политического курса своего правительства. Эта тенденция характерна и для апологетов политики «умиротворения», и для ее консервативных критиков. Тем не менее до 70-х годов фактически не предпринимались серьезные усилия, чтобы проанализировать во всей полноте отношение британской общественности к мюнхенскому сговору. Изучение общественного мнения выдвигает перед исследователем много сложных проблем, связанных как с выработкой критерия оценок, так и с поисками надежных источников, на базе которых можно достаточно объективно судить о позиции различных слоев общества. Субъективность и предвзятый подход буржуазных историков к решению этого вопроса не позволили англо-американской буржуазной историографии критически подойти к стереотипному утверждению об одобрении британской общественностью политики «умиротворения» в конкретных исторических условиях заключения мюнхенского сговора.

Утверждения о встрече «с восторгом и энтузиазмом» обществом в Великобритании и во всем мире известия о мюнхенскомговоре можно найти как в воспоминаниях наиболее видных английских «умиротворителей»¹, так и в работах многих буржуазных историков различных направлений². Для них не подлежащим сомнению доказательством всеобщего одобрения была восторженная толпа в аэропорту и на Даунинг-стрит, поток благодарственных писем в адрес Н. Чемберлена. К. Фейлинг, первый биограф и апологет Н. Чемберлена, приводит цифру — 40 тысяч писем от представителей всех классов и наций³. В таком же ключе пишет об отношении общественности Великобритании к мюнхенскомуговору известный английский историк Л. Б. Нэмир, по многим другим аспектам критикующий стереотипы британской историографии: «...толпы, которые шумно приветствовали Даладье и Чемберлена по их возвращении из Мюнхена, еще раз показали, что эти премьер-министры олицетворяли дух эпохи»⁴.

Следует особо подчеркнуть, что подавляющее большинство буржуазных историков вплоть до 70-х годов для доказательства одобрения мюнхенскогоговора общественностью ссылаются либо на мемуары «умиротворителей», либо на вышедшие ранее работы. В лучшем случае приводится подборка цитат из прессы Великобритании того периода, как правило, без критического подхода к высказываниям ведущих британских газет и журналов. Апологеты и критики политики «умиротворения» чувствуют себя намного спокойнее, прикрываясь официальными органами печати, так как для них именно они олицетворяют общественное мнение всей страны.

В качестве характерного примера использования материалов британской прессы по рассматриваемому вопросу достаточно привести две книги: англичанина У. Хэдли «Мюнхен: до и после» и американца У. Рока «Суд над умиротворением», вышедшие в свет с интервалом в 22 года⁵. По этим книгам можно наглядно проследить эволюцию отношения англо-американской буржуазной историографии к материалам прессы того периода.

Авторы, о которых идет речь, стоят на противоположных позициях: У. Хэдли — страстный апологет «умиротворения» и Мюнхена, У. Рок — относится критически и к тому, и к другому. Разные позиции определяют и разный подход к прессе. У. Хэдли ищет и находит поддержку и одобрение мюнхенскогоговора, У. Рок приводит и критические высказывания скептически настроенных органов печати. Тот факт, что изучая прессу с прямо противоположными целями, можно найти противоположные по смыслу мнения, уже возбуждает сомнения в единодушном одобрении ре-

¹ Viscount Templewood. *Nine Troubled Years*. London, 1954, p. 323; Lord Halifax. *Fulness of Days*. London, 1957, p. 199—200.

² H. Nicolson. *Why Britain is at War*. London, 1939, p. 131; W. Medlicott. *British Foreign Policy Since Versailles*. London, 1940, p. 251; «Cato». *Guilty Men*. London, 1940, p. 54—55; A. Wolfers. *Britain and France between Two Wars*. New York, 1940, p. 223—228; W. Hadley. *Munich: Before and After*. London, 1944, p. 110; J. W. Wheeler-Bennett. *Munich. Prologue to Tragedy*. London, 1948, p. 264—272; G. Gathorne-Hardy. *A Short History of International Affairs 1920—1939*. London, 1950, p. 475; Ch. L. Mowat. *Britain between the Wars*. London, 1955, p. 591—592; A. Furnia. *Diplomacy of Appeasement*. Washington, 1960, p. 254, 386; I. MacLeod. *Neville Chamberlain*. London, 1961, p. 161; K. W. Watkins. *Britain Divided. The Effect of the Spanish Civil War on British Political Opinion*. London, 1963, p. 134; A. J. P. Taylor. *English History 1914—1945*. Oxford, 1965, p. 431; Ch. Webster. *Munich Reconsidered — A Survey of British Policy*. «International Affairs», London, 1961, April; R. Parkins. *Peace for our Time*. London, 1971, p. 61—66.

³ K. Feiling. *Life of Neville Chamberlain*. London, 1946, p. 378.

⁴ L. B. Namier. *Europe in Decay*. London, 1950, p. 6.

⁵ W. Hadley. *Ibid.*; W. Rook. *Appeasement on Trial*. Hamden, Connecticut, 1966.

зультатов мюнхенской конференции. В связи с этим представляется немаловажным рассмотреть, каким образом представляли события осени 1938 г. британские печатные органы.

Со второй половины сентября 1938 г. вплоть до мюнхенской конференции в Великобритании старательно раздувался военный психоз, насаждался страх перед неизбежностью войны. Мобилизация лондонского населения на строительство щелей для укрытия от налетов авиации, массовая раздача противогазов и учебные занятия и тревоги основательно запугали среднего обывателя. Наряду с этим шла интенсивная обработка общественного мнения в провокационных статьях крупнейших газет, например, «Таймс»⁶, речах и выступлениях по радио Н. Чемберлена. Их лейтмотивом было стремление убедить народ Великобритании в том, что для вступления в войну необходимо иметь более высокие, важные и обоснованные причины, чем судьба маленькой страны, далекой и мало известной, к тому же не представляющей жизненно важного интереса для Великобритании. Обстановка нагнеталась очень искусно. И поэтому сообщение о мюнхенской конференции сразу же интерпретировалось как спасение Европы от войны в последний час. В Палате общин это сообщение вызвало взрыв «массовой истерии» и возгласы: «Да благословит бог премьер-министра!»⁷. Примечательно, что выступившие после того, как Палата общин несколько успокоилась, лидеры лейбористской (К. Эттли) и либеральной (А. Синклер) партий поддержали Н. Чемберлена и его политику. И только единственный член британского парламента от коммунистической партии Уильям Галлахер заявил: «Никто не хочет мира так сильно, как я и моя партия, но мира, основанного на свободе и демократии, а не на расчленении и уничтожении малого государства... Я протестую против того, чтобы Чехословакия была принесена в жертву»⁸.

Утверждение Г. Никольсона, известного деятеля консервативной партии, сделанное десять лет спустя, что депутаты приветствовали не мюнхенскую сделку, а избавление от войны⁹, дает ключ к пониманию откликов британской прессы на мюнхенский сговор.

В самом деле, в 52 периодических изданиях, использованных У. Хэдли, мюнхенская конференция и сговор оцениваются с точки зрения предотвращения неминуемой войны — европейской и даже мировой¹⁰. Почти все газеты прежде всего подчеркивали, что народ Великобритании был избавлен благодаря мюнхенскому сговору от войны. А что же Чехословакия? Показательно, что лишь в 13 из 52 изданий вообще упоминается о Че-

⁶ «The Times», 7 IX 1938. Именно передовая статья в этом номере газеты, в которой говорилось о неизбежности передачи территории Чехословакии нацистской Германии, по мнению Р. Паркинсона, укрепила веру Гитлера в то, что Британия не будет сражаться за Чехословакию. См. R. P a r k i n s o n. Peace for our Time, p. 18. Следует подчеркнуть, что эта статья была не единственной в своем роде. Английский историк-марксист Э. Ротштейн цитирует статью в «Нью стейтсмен» — органе, пользовавшемся значительным влиянием в кругах лейбористской интеллигенции, от 27 августа 1938 г., в которой говорилось о необходимости пересмотра границ между Чехословакией и Германией. См. Э. Р о т ш т е й н. Мюнхенский сговор. Пер. с англ. М., 1959, с. 305.

⁷ Вплоть до 1969 г., когда вышла в свет книга английского историка Л. Мосли, в буржуазной историографии не подвергался сомнению тезис о том, что оглашение послания Гитлера с приглашением в Мюнхен Чемберлена в момент выступления последнего в Палате общин было случайным совпадением. Л. Мосли доказал, что Чемберлен еще до начала своей речи знал о предстоящей мюнхенской конференции, так как сообщение об этом в Лондоне было получено к полудню 28 сентября 1938 г., а заседание в Палате общин началось после двух часов дня. См. русский перевод книги Л. М о с л и. Утраченное время. М., 1972, с. 85—86.

⁸ Э. Р о т ш т е й н. Там же, с. 156—157.

⁹ H. N i c o l s o n. The Commons and the 1938 Crisis. «The Listener», 1948, XL, 25 November, p. 796.

¹⁰ W. H a d l e y. Ibid., p. 93—110.

хословакии, сочувствие и сожаление по поводу ее судьбы встречаются еще реже. По материалам прессы, цитируемым У. Хэдли, получается, что Чехословакия имела отношение к мюнхенскому сговору лишь постольку, поскольку за счет части ее территории удалось умиротворить Гитлера. И здесь нельзя не отметить, что сентябрьская обработка общественного мнения, о которой говорилось выше, принесла свои плоды: в обстановке нагнетания военного психоза известие о «предотвращении войны» заслонило для многих суть мюнхенского сговора. Поэтому заслуживает внимания вывод У. Рока о том, что небольшая часть прессы с энтузиазмом отнеслась именно к непосредственным результатам Мюнхена¹¹. Однако автор не идет дальше цитирования критических замечаний отдельных газет и журналов. Понять сознательную перестановку акцентов в откликах британской прессы У. Хэдли и У. Року не дает укоренившаяся предубежденность. Большинство американских и английских буржуазных историков как будто не замечает, что оценка мюнхенского сговора идет по совсем другому пути, искусственно созданному и затушевывающему истинное содержание стремления британских правящих кругов к так называемому «мирному» решению спорных вопросов.

Прав советский историк Г. Н. Реутов, отмечавший в своей книге, что нельзя смешивать простых людей Великобритании, выступавших против опасности войны, с теми, кто «намеренно дезориентировал общественное мнение с целью оправдания политики „умиротворения“»¹². Из английских буржуазных историков на это обращает внимание представитель критического по отношению к Мюнхену направления в английской буржуазной историографии П. Рейнольдс¹³.

Английский историк того же направления У. Макэлви приходит к достаточно горькому выводу: «Неприятные факты слишком часто замалчивались или искажались государственными деятелями, желавшими во что бы то ни стало избежать раздражения диктаторов или ускорения событий. ...люди предпочитали верить в приятную полуправду и трусливые увертки правительства»¹⁴. У. Макэлви подчеркивает факт сознательного введения в заблуждение британского общественного мнения. Именно искажение фактов и полуправда привели к «одобрению» политики правительства Чемберлена. Поэтому следует с особой осторожностью подходить к широко распространенному в буржуазной англо-американской историографии мнению о горячей поддержке общественностью Великобритании кульминации «умиротворения» — мюнхенского сговора.

Стала широко известной фраза радикала и «возмутителя спокойствия» в английской буржуазной историографии А. Дж. П. Тейлора: мюнхенский сговор «был триумфом всего самого лучшего и самого просвещенного в британской жизни» (автор несколько перефразировал и отнес к Великобритании слова английского посла во Франции Э. Фиппса об отношении французского общества к Мюнхену)¹⁵. Некоторые авторы, например, К. Торн, исходя из общей концепции книги А. Дж. П. Тейлора, расценивают его слова как полуйронические¹⁶. Однако фраза А. Дж. П. Тейлора звучит скорее как откровенная издевка над британскими «умиротворителями» и одураченной ими общественностью.

¹¹ W. R o s k. Ibid., p. 157—158.

¹² Г. Н. Р е у т о в. Правда и вымысел о второй мировой войне. Изд. 2-е, доп. М., 1970, с. 73. См. также о намеренной дезориентации общественного мнения Великобритании в кн. В. Г. П о л я к о в. Англия и Мюнхенский сговор. М., 1960, с. 261, 290.

¹³ P. R e y n o l d s. British Foreign Policy in the Inter-War Years. London, 1954, p. 149.

¹⁴ W. M c E l w e. Britain's Locust Years. London, 1962, p. 260.

¹⁵ A. J. P. T a y l o r. The Origins of the Second World War. London, 1961, p. 189.

¹⁶ Ch. T h o r n e. The Approach of War, 1938—1939. London, 1967, p. 11—12.

Британская буржуазная пресса, таким образом, дала довольно своеобразную и мало отвечающую действительному положению вещей оценку мюнхенского сговора. Трудно признать, что она отразила мнение большинства британцев. Ведь местная пресса получила приблизительно одинаковое число писем про- и антимюнхенского содержания¹⁷.

Необходимо также подчеркнуть, что в буржуазной историографии по этому вопросу совсем не учитывается позиция коммунистической партии Великобритании. Официальный орган партии, газета «Дейли уоркер» в течение августа и сентября 1938 г. неоднократно печатала материалы, разоблачающие закулисные махинации британского правительства, направленные на заключение сделки с нацистской Германией за счет Чехословакии. Резко осудила газета мюнхенский сговор. Но лишь в книге английского историка-марксиста Э. Ротштейна мы найдем материалы о компартии, позиции профсоюзов, манифестациях рабочих в поддержку Чехословакии после годесбергской встречи Чемберлена и Гитлера¹⁸. Из английских буржуазных историков существенный поворот в общественном мнении после «годесбергского меморандума» признали Дж. Уилер-Беннет и Ч. Уэбстер, принадлежащие к официально-критическому направлению британской историографии, посвященной политике «умиротворения»¹⁹. Нельзя не согласиться с заключением У. Макэлви, что весь этот массовый восторг и энтузиазм давал представление о более единодушной поддержке политики правительства общественностью, чем это было на самом деле²⁰. Однако У. Макэлви делает такой вывод, основываясь скорее на более поздних по времени событиях. Мы имеем в виду серию дополнительных выборов в британский парламент, состоявшихся с октября по декабрь 1938 г.

Первым из английских буржуазных историков к анализу материалов дополнительных выборов серьезно подошел Р. Итуэл в статье «Мюнхен, общественное мнение и Народный фронт», опубликованной в 1971 г.²¹ Спустя два года появился написанный коллективом английских историков солидный том о роли дополнительных выборов в политике Великобритании в XX в.²² Важность исследования материалов дополнительных выборов редакторы тома К. Кук и Д. Рамсен объясняют тем, что они «со всеми их недостатками в качестве индикаторов продолжают быть более влиятельными, определяющими, чем опросы общественного мнения или выборы в органы местного самоуправления, по-прежнему проходят при относительно высоком уровне участия избирателей и продолжают волновать газеты и телевидение, политиков и историков»²³. Интерес и внимание к дополнительным выборам вызываются убеждением в возможности считать их «референдумом по определенным аспектам политики правительства»²⁴.

В связи с проблемой отношения общественности Великобритании к мюнхенскому сговору показательно, что в так называемых «мюнхенских дополнительных выборах» главным вопросом предвыборных кампаний стали международные отношения. Кандидаты от лейбористов и либера-

¹⁷ I. M c L e a n. Oxford and Bridgwater. In *By-Elections in British Politics*, London 1973, p. 152.

¹⁸ Э. Ротштейн. Там же, с. 320—324.

¹⁹ J. W. Wheeler-Bennett. Ibid., p. 141; Ch. Webster. Ibid. In *Peace or Appeasement?* Boston, 1965, p. 190; см. также J. R. Gannon. *The British Press and Germany 1936—1939*. Oxford, 1971; C. Barnett. *The Collapse of British Power*. London, 1972, p. 535—537.

²⁰ W. M c E l w e e. Ibid., p. 272.

²¹ R. E a t w e l l. Munich, Public Opinion, and Popular Front. «*Journal of Contemporary History*», 1971, v. 6, № 4, p. 122—139.

²² «*By-Elections in British Politics*». London, 1973.

²³ Ibid., Introduction, p. IX.

²⁴ J. R a m s e n. Note: 1931 to 1939. In: «*By-Elections in British Politics*», p. 115

лов выступали с резкой критикой внешней политики Н. Чемберлена и особенно мюнхенского сговора²⁵. Из семи дополнительных выборов, состоявшихся с октября по декабрь 1938 г., в двух — в Дартфорде и Бриджуотере — консерваторы потерпели поражение. В процессе предвыборных кампаний произошло примечательное событие, значение которого подчеркивают Р. Итуэл и Й. Маклин: в Оксфорде и Бриджуотере лейбористы и либералы поддерживали одного, общего для двух партий, кандидата с антимиюнхенской платформой²⁶. Причем Р. Итуэл считает, что если бы речь шла не о Мюнхене, такое согласие вряд ли было бы возможно. Во всех дополнительных выборах оппозиция правительству получила в процентном отношении больше голосов, чем во время всеобщих выборов 1935 г.²⁷

Р. Итуэл отказывается отнести успех кандидатов оппозиции на дополнительных выборах конца 1938 г. к «естественному» качанию маятника (т. е. чередованию популярности политических партий). По его мнению, результаты этих выборов следует интерпретировать, главным образом, с точки зрения «противодействия внешней политике Невилля Чемберлена и особенно Мюнхену»²⁸, но в то же время он призывает не переоценивать названного противодействия, которое только зародилось на дополнительных выборах после Мюнхена и постепенно развивалось до мая 1940 г.²⁹

В полемику с выводами Р. Итуэла вступил Й. Маклин, автор раздела о «мюнхенских дополнительных выборах» в упомянутом выше труде английских историков. Он анализирует материалы всех дополнительных выборов с января 1938 г. по август 1939 г. (общее их количество равно 31)³⁰. По его данным определенно прослеживается рост в процентном отношении числа избирателей, выступавших против правительства³¹, что, по мнению автора, свидетельствует о наличии резких расхождений во мнениях о политике правительства. Автор отмечает, что это тем не менее не является доказательством падения популярности правительства среди избирателей. Поэтому Й. Маклин приходит к следующему заключению: «Многие комментаторы предполагали, без исследования доказательств, что недовольство общества внешней политикой Чемберлена равномерно увеличивалось с октября 1938 г. Это не подтверждается результатами дополнительных выборов, которые показывают отсутствие связи между популярностью правительства и следующими одно за другим событиями за границей, вызывавшими сомнение в мудрости умиротворения»³². По мнению Й. Маклина, на дополнительные выборы, кроме как в Бриджуотере, не влияли дискуссии по внешней политике³³. Однако протестуя против стереотипов понимания настроения общественности Великобритании, он придерживается самого старого и банального стереотипа: большинство британцев не имели никакой точки зрения на внешнюю политику, международные отношения играли небольшую роль или совсем не играли никакой роли в их оценке ведущих политических деятелей³⁴. Подобное суждение крайне популярно в английской буржуазной историографии и принимается без попытки критической оценки большинством историков, публицистов, политиков. И здесь уместно вспомнить, что всеобщие выборы 1935 г. консерва-

²⁵ R. E a t w e l l. Ibid., p. 132—133.

²⁶ Ibid., p. 125—134; I. M c L e a n. Ibid., p. 149.

²⁷ R. E a t w e l l. Ibid., p. 134.

²⁸ Ibid., p. 138.

²⁹ Ibid., p. 139. Эту же концепцию поддерживает У. Рок. См. W. R o s k. Ibid., p. 179.

³⁰ I. M c L e a n. Ibid., p. 157.

³¹ Ibid., p. 158, Table 6. 4.

³² Ibid., p. 161.

³³ Ibid., p. 159.

³⁴ Ibid., p. 161.

тивная партия выиграла, выступая в области внешней политики за поддержку Лиги Наций и системы коллективной безопасности (в данном случае мы не касаемся вопроса, как она выполняла свои предвыборные обещания). Кроме того, в течение парламентской сессии с февраля по август 1938 г. были проведены 24 значительные дискуссии по внешней политике. Правительство должно было ответить на 1400 вопросов по международным событиям. Американистский историк У. Рок, в книге которого приводятся эти данные, считает, что такие необычно высокие цифры показывают не только заинтересованность, но и беспокойство, вызванное во всей стране политикой Н. Чемберлена³⁵. Отнюдь не собираясь из этих фактов, хотя и достаточно впечатляющих, делать далеко идущие выводы, мы хотели лишь подчеркнуть несоответствие стереотипов, распространенных в буржуазной историографии, реальной действительности. Интересная и во многом убедительная статья Й. Маклина оставляет чувство неудовлетворенности из-за расплывчатости и банальности завершающих работу обобщений.

Однако консерваторам и защитникам политики британской консервативной партии ближе утверждение, что Н. Чемберлен обладал значительной поддержкой общества вплоть до начала второй мировой войны. Сошлемся лишь на две книги английских буржуазных историков того направления консервативной историографии, которое критикует политику «умиротворения» с официозной точки зрения в духе У. Черчилля: Д. У. Уилера-Беннета «Мюнхен: пролог к трагедии» и Ч. Л. Мовата «Британия между войнами, 1918—1940»³⁶. Мнение этих историков представляет интерес не только из-за их достаточно известных имен, но и благодаря репутации критиков политики «умиротворения», хотя и несколько преувеличенной. Авторитет известных историков используется для оправдания политики правительства Н. Чемберлена, якобы выражавшего «дух эпохи» и пользовавшегося поддержкой британского общества. Эта тенденция направлена и на то, чтобы представить единственными последовательными противниками «умиротворения» У. Черчилля и его группировку внутри консервативной партии³⁷.

Проблема отношения британской общественности к мюнхенскому договору — вопрос сложный и фактически не решенный окончательно в англо-американской буржуазной историографии. В настоящем небольшом обзоре мы попытались показать предвзятость большинства буржуазных историков, отказ от глубокого анализа механизма создания общественного мнения в Великобритании, выгодного правящим кругам, и некоторую эволюцию в подходе к этой важной проблеме.

³⁵ W. R o s k. Ibid., p. 107. Можно привести еще один пример активного отношения прогрессивной общественности Великобритании к международным событиям когда 8 декабря 1938 г. в страну вернулся из Испании британский батальон, принимавший участие в гражданской войне на стороне республиканцев, на вокзале его встречали свыше двадцати тысяч демократически настроенных представителей общественности. См. K. W. W a t k i n s. Britain Divided, p. 171.

³⁶ W h e e l e r - B e n n e t t. Ibid., p. 264—272; C. L. M o w a t. Ibid., p. 591—592.

³⁷ Следует отметить, что в последние годы роль и значение «антиумиротворителей» подверглись существенному пересмотру в англо-американской буржуазной историографии. См. напр. N. T h o m p s o n. The Anti-Appeasers. Conservative Opposition to Appeasement in the 1930 s. Oxford, 1971; M. G o w l i n g. The Impact of Hitler. British Politics and British Policy 1933—1940. London, 1975.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

«Рабочий класс и строительство социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». М., 1977, 384 с.

Рецензируемый труд — новое важное исследование большого авторского коллектива советских историков, посвященное рабочему классу стран социалистического содружества — главной движущей силе революционного переустройства и общественного прогресса во всем мире.

Опираясь на марксистско-ленинское теоретическое наследие, на богатейший опыт первопроходца мирового социализма — Советского Союза, а также на опыт всего международного рабочего и коммунистического движения, братские коммунистические и рабочие партии намечают и практически проводят в жизнь научно обоснованную программу строительства социализма. Исходя из конкретно-исторических условий, национальных особенностей и возможностей, страны социалистического содружества успешно завершили построение основ социализма и уверенно продвигаются вперед по пути строительства развитого социалистического общества.

Авторский коллектив рецензируемой монографии ставил перед собой следующие цели: «исследовать проблему ведущей роли рабочего класса в европейских социалистических странах в историческом плане на разных этапах их общественного развития в период социализма... рассмотреть, как проявлялась эта важнейшая закономерность становления и развития коммунистической общественно-экономической формации в конкретных условиях каждой страны, проследить способы и формы осуществления ведущей роли рабочего класса в реальной действительности, особенно в создании материально-технической базы социализма, в развитии политической системы и социалистической идеологии, охарактеризовать глубокие социальные сдвиги в обществе, включая структурные изменения, происшедшие в самом рабочем классе, укрепление его союза с крестьянством и интеллигенцией в ходе социалистического строительства, процесс сближения классов и всех слоев населения на основе научной идеологии рабочего класса — марксизма-ленинизма в силу их общей заинтересованности в окончательной победе социализма» (с. 9—10).

В труде использован широкий круг источников, особенно много архивных материалов из хранилищ братских стран. Часть их впервые вводится в научный оборот. В результате большой и кропотливой работы авторскому коллективу удалось справиться со стоявшими перед ним задачами и дать читателю ценное научное исследование. В нем на конкретном и большом по объему историческом материале обстоятельно раскрыта роль рабочего класса социалистических стран Европы и его партий в осуществлении революционных преобразований в период народно-демократических и социалистических революций. В каждой главе труда, посвященной рабочему классу одной страны, особенно подчеркивается его роль в осуществлении такого важнейшего преобразования, как индустриализация экономики, ибо большинство европейских социалистических стран в прошлом были экономически слабо развитыми государствами. Взять, например, Румынию: в 1938 г. весь состав рабочего класса исчислялся 400 тыс. человек (с. 237); в текстильной и пищевой промышленности было занято почти 40% всех рабочих, а объем производства этих отраслей составлял 43% всей промышленной продукции страны. Причем, большинство этих предприятий были маломощными, оборудованными примитивными механизмами (с. 235). Страна находилась в полной зависимости от империалистических стран: ввозила промышленные изделия, а в экспорте 97,8% составляли сырье и продукты сельского хозяйства; под иностранным контролем находилось почти 50% капитала, 17 банков и свыше 30% банковского капитала, а также более 70% капитала румынских страховых обществ (с. 236).

Аналогичные данные можно было бы представить и по ряду других стран Центральной и Юго-Восточной Европы, которые после окончания второй мировой войны были отсталыми аграрными государствами со слабо развитой промышленностью и значительной частью неграмотного и малограмотного населения, жившего в постоянной нужде, страдающего от безработицы, жестокой эксплуата-

тации и болезней. Национальный доход на душу населения, например, в Болгарии, был в 5 раз ниже, чем в развитых странах Европы, а производство продукции металлообрабатывающей промышленности — в 20 раз меньше, чем в Германии и в 15 раз меньше, чем в Англии (с. 27). Рабочий день на многих предприятиях длился 14—16 и 18 часов, а заработной платы не хватало даже на питание (с. 29).

Чтобы увидеть, какой путь прошла братская Болгария за 30 с небольшим лет народной власти — от отсталой аграрной страны — к передовому социалистическому государству, к счастливой и радостной жизни народа, достаточно обратиться к главе «Болгарский рабочий класс в борьбе за социализм» рецензируемой книги (с. 27). Подробную характеристику пройденного пути каждой социалистической страной Европы читатель найдет в данном труде и безусловно обнаружит много нового и ценного материала обо всех сторонах жизни и деятельности братских народов, развитии их связей, взаимного обмена опытом и разворачивании разностороннего взаимовыгодного сотрудничества.

Материал каждой главы и труда в целом убедительно показывает, что рабочий класс европейских социалистических стран и его славный авангард — коммунистические и рабочие партии за сравнительно короткий исторический период добились выдающихся успехов в развитии производительных сил, науки, культуры и всестороннего прогресса общества. Достаточно указать, что лишь за период 1950—1975 гг. объем валовой продукции промышленности вырос: в Болгарии в 18,5, в Венгрии — 7, в ГДР — 7,4, в Польше — 12,2, в Румынии — 20,2, в Чехословакии — 6,7, в Югославии (за период с 1946 по 1974 гг.) — в 17,5 раза (с. 17).

Во вводной главе книги совершенно правильно подчеркивается, что в результате социалистической индустриализации, кооперирования и механизации сельского хозяйства, быстрого роста промышленного производства, рабочий класс в каждой стране стал главной производительной силой, занял ведущее положение в общественном производстве, что значительно упрочило его ведущую роль в обществе (с. 17).

Строительство новой жизни — творчество всех слоев общества. Но в ходе экономического прогресса социалистических стран шел процесс быстрого роста численности рабочего класса, ряды которого пополняли крестьяне, молодежь, женщины и бывшие ремесленники. Так, за период с 1950 по 1975 гг. численность рабочих и служащих в семи социалистических странах Европы (НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СРР, ЧССР, СФРЮ) возросла более чем вдвое, с 20 до 42,7 млн человек (с. 19). В результате этого значительно изменилась социальная структура населения

этих стран. Рабочий класс стал ныне наиболее многочисленной ее частью, что повышает его роль в жизни страны.

В книге указывается, что изменения происходят не только в численности рабочего класса, но и в его профессиональной и отраслевой структуре: рост индустриальных рабочих, концентрация их на крупных предприятиях, повышение уровня общего и специального образования кадров всех отраслей народного хозяйства, вытекающее из требований, предъявляемых научно-технической революцией, специализацией и кооперированием производства, внедрением промышленных методов в сельском хозяйстве, в строительстве и т. д.

Социалистический строй продемонстрировал свои огромные потенциальные возможности, которые еще более возрастают в результате братского, взаимовыгодного сотрудничества стран и народов особенно в рамках СЭВ.

В рецензируемой книге обстоятельно рассмотрены все эти вопросы, показывается, что в процессе социалистического строительства происходит выравнивание уровней экономического развития стран, повышается материальное благосостояние тружеников города и деревни, растет их культура, уровень деловой квалификации, постепенно происходит стирание различий между промышленным рабочим и сельским тружеником, между работниками умственного и физического труда. Так, производственная квалификация крестьян ГДР и их культура достигли в настоящее время такого уровня, который был не мыслим в капиталистической деревне. Почти 84% всех работников сельского хозяйства имеют ныне специальное образование в объеме вуза, техникума, мастера, квалифицированного рабочего. Доход кооперативного крестьянства сейчас сравнялся со средним доходом промышленных рабочих, выполняющих сопоставимую работу¹. В книге много подобных примеров.

Несмотря на страноведческую структуру глав, авторы и редколлегия сумели творчески подойти к использованию важнейших источников и не допустить повторов в изложении аналогичных материалов о роли рабочего класса и его партий в каждой стране. Нельзя не заметить стремления авторов охватить большой круг вопросов, насытив их аргументированным материалом. Особенно в этом отношении выделяется вводная глава, содержащая много интересного материала, теоретических обобщений, анализ источников, показывающая ведущую роль рабочего класса и его партий, а также изменения, происшедшие в социально-классовой структуре населения

¹ Г. Г р ю н е б е р г. Крешет союз рабочих и крестьян. «Проблемы мира и социализма», 1978, № 5, с. 45.

стран и в самом рабочем классе в ходе социалистического строительства.

Во всех главах труда показывается использование братскими странами советского опыта в строительстве новой жизни, применение его с учетом условий каждой страны. Показывается помощь советского народа, развитие сотрудничества стран в рамках СЭВ, подчеркивается, что опыт СССР «имеет не местное, не национальное только, а всеобщее, интернациональное значение, что он пригоден не только в условиях Советского Союза, но и в условиях всех других стран, вставших на путь социалистического развития» (с. 32).

Широкий и разносторонний опыт братских стран, освещенный в труде, является наглядным свидетельством воплощения в жизнь великих ленинских идей и принципов пролетарского, социалистического интернационализма, результатом братской дружбы и сотрудничества социалистических стран Европы.

Книга может быть рекомендована не только специалистам, но и более широкому кругу читателей — преподавателям, студентам, пропагандистам, лекторам.

Н. Салегов

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Значимость проблемы, исследованию которой посвящена монография Н. И. Бухарина «Интеллигенция Польской Народной Республики» (М., 1977), бесспорна. Эпоха строительства развитого социализма, отмеченная всепроникающим влиянием научно-технической революции, плановой организацией общественной жизни, приобщением к культурным ценностям широких народных масс, выдвигает в ряд важнейших практическую задачу воспроизводства общественного слоя людей, профессионально занимающихся умственным, творческим трудом, развитием и распространением культуры. Соответственно повышается актуальность научной задачи исследования роли и функций интеллигенции в социалистическом обществе, формирования нового типа работника, качественно отличного от буржуазного интеллигента; становится необходимым глубокий анализ политики коммунистической партии в отношении интеллигенции, изучение методов и форм вовлечения ее в сознательное и активное культурное строительство.

Автор монографии на опыте руководства интеллигенцией со стороны Польской объединенной рабочей партии раскрывает общие закономерности и, вместе с тем, специфические особенности идейно-политического становления и развития данной общественной группы в условиях народной Польши.

К исследованию обозначенной проблемы Н. И. Бухарин привлекает три группы источников. Обширные статистические материалы позволили выявить динамику роста и структуру польской интеллигенции с точки зрения социального происхождения, возрастного и образовательного ценза, профессиональных ориентаций. Монографии

польских и советских историков, архивные документы и свидетельства польской прессы дали возможность вскрыть социально-исторические и политические корни формирования национальной польской интеллигенции, сделать необходимый экскурс в ее биографию межвоенного периода, первых лет народной власти, на этапе построения основ социализма в Польше и вплотную подойти к 70-м годам. Материалы съездов и пленумов ПОРП, специальные постановления ПОРП и выступления ее руководителей на активах, конференциях и в печати послужили основой для анализа культурной политики партии. Параллельно автор обратился к трудам теоретиков марксизма-ленинизма, руководителей братских партий, в которых находили подтверждение и опору мировоззренческие, методологические принципы работы ПОРП с интеллигенцией.

Таким образом, Н. И. Бухарин предпринимает попытку комплексно представить объект исследования и комплексно — на стыке конкретно-социологического и конкретно-исторического анализа — изучить его. Причем исторический «план» разрабатывается как бы в двух взаимопроникающих измерениях — во внутренней эволюции интеллигенции и в опосредовании этого процесса целенаправленной руководящей волей партии.

В первой главе монографии автор рассматривает общую исходную ситуацию в духовном производстве послевоенной Польши, когда партия, налаживая экономическую и политическую жизнь страны, столкнулась с колоссальной нехваткой кадров специалистов. Н. И. Бухарин указывает на причины малочисленности и неразвитости структуры польской национальной интеллигенции, ограни-

ченности политических, философских и эстетических концепций ее основной массы. Представленная исследователем историческая ретроспекция помогает осознать всю сложность и ответственность задач, вставших после освобождения страны перед польскими коммунистами в области культуры: требовалось в беспрецедентно короткие сроки решить проблему подготовки необходимого для национальной экономики числа квалифицированных кадров, коренным образом изменить существующую, по сути гомогенную, структуру интеллигенции, привлечь к сотрудничеству старых специалистов. В монографии последовательно проанализирован каждый из способов реализации поставленных задач: подготовка кадров через систему высшего образования и реформа самой этой системы, выдвижение в ряды интеллигенции представителей рабочего класса, привлечение на сторону народной власти и перевоспитание буржуазных специалистов. На большом фактическом и статистическом материале исследователь прослеживает процесс постепенного взращивания нового общественного слоя — польской социалистической интеллигенции, качественно отличающейся от интеллигенции довоенного времени.

Содержание второй, основной в книге, главы посвящается анализу важнейших направлений, форм и методов работы ПОРП с интеллигенцией на современном этапе. Правомерен главный методологический принцип исследования: автор исходит из тезиса, что политика ПОРП по отношению к отдельным классам и общественным группам является составной частью общей внутренней политики партии. Поэтому раскрытие политической линии в отношении интеллигенции предпринимается в контексте общих изменений в стиле и методах партийного руководства обществом в первой половине 70-х годов.

Характеристики социального движения в целом позволяют исследователю определить затем место и роль специфических процессов, происходящих в среде интеллигенции. Например, широко применяемый партией метод консультирования проектов государственных решений с партийным активом, с рабочими коллективами распространяется также на работников культурного фронта. Положено начало постоянной практике встреч политических и государственных деятелей с представителями различных кругов польской интеллигенции, «где обсуждаются важные для развития науки, культуры и просвещения проблемы, формируется мнение о текущей и перспективной политике партии в этих областях, поднимаются вопросы политических, организационных и социально-бытовых условий деятельности польской интеллигенции».

Общая для современного этапа социалистического строительства закономер-

ность — возрастание роли научного знания в материальном производстве — находит выражение в практике подготовки партийных и государственных решений на основе научных экспертиз и, в частности, на основе комплексных футурологических программ, к разработке и обсуждению которых привлекаются широкие слои научно-технической интеллигенции.

Глубоко исследован в монографии вопрос о связи интеллигенции с массами. Автор, фиксируя объективные условия для укрепления этих связей, отмечает и то новое, что характеризует процесс сближения общественных классов и групп в настоящее время. Одновременно он указывает на причины еще сохраняющихся социальных и мировоззренческих расхождений рабочего класса и интеллигенции.

Отсюда логически следует анализ общих направлений и методов идейно-воспитательной работы партии с работниками культуры, который конкретизируется в последующих разделах второй главы, где речь идет об особенностях политики ПОРП в отношении основных профессиональных групп интеллигенции: художественной, научной и технической.

Главный вывод исследования: в процессе социалистического строительства, развертывания научно-технической революции, в результате успешной культурной политики партии в стране резко возросла численность интеллигенции, усложнилась ее профессиональная структура, существенно повысился ее образовательный уровень и снизился возрастной ценз; коренным образом изменились социальная база рекрутирования интеллигенции и социальная направленность ее деятельности, духовный и нравственный облик, основными чертами которого являются социалистический патриотизм, высокая социальная активность, коллективизм; польская народная интеллигенция вносит огромный вклад в развитие национальной экономики, в формирование социалистических общественных отношений, в воспитание нового человека.

Автор книги выдвигает ряд теоретических положений прогностического характера, которые могут стать темой новых историко-социологических исследований. В частности, чрезвычайно важным для современного общества является представляется дальнейшая разработка вопроса о сближении различных общественных классов и групп социалистического общества, о сокращении социальной «дистанции» между ними. На современном этапе актуальное значение приобретают также вопросы интернационализации духовной жизни и формирования интернациональных черт культуры социалистических стран. Монография Н. И. Бухарина являет собой пример серьезного вклада в решение этих проблем.

Чтобы не нарушать закон «критического жанра», следовало бы отметить некото-

рые просчеты, присущие, по нашему мнению, рецензируемой книге. В частности, можно было бы упрекнуть автора в обилии цитирования источников, которые не всегда дополняют текст, а лишь его перефразируют. Подобное «украшательство» вредит корректности содержания. Еще хуже, когда теоретический тезис подтверждается не эмпирическими наблюдениями, а ссылкой на официальное заявление, из которого следует, что... так быть должно. Такой способ аргументирования встречается иногда на страницах книги, хотя в целом для автора не характерен.

Общезвестно, что наряду с продуктивной сферой культуры существует ее репродуктивная сфера, причем значение ее в последние десятилетия, в связи с революцией в средствах социальной информации, стремительно возрастает. Соответственно оформляется самостоятельная профессиональная группа работников, обслуживающая каналы массовой информации и по численности, по социальному престижу, по идеологической роли в жизни общества выдвигающаяся в первые ряды творческой интеллигенции. Очевидно, эта область культурной деятельности также требует научного анализа, более

обстоятельного и развернутого, чем это сделано автором монографии.

Можно было бы более подробно исследовать формы морального стимулирования творчества. В Польше накоплен богатый опыт изучения общественного мнения. Анализом реакции аудитории на культурную информацию занимаются самостоятельные научно-исследовательские центры в Варшаве, Кракове, Лодзи. Правомерно утверждать, что это направление конкретной социологии, роль которой в процессе дальнейшей демократизации культуры возрастает, в Польше имеет особенно развитые традиции и может быть с пользой воспринято культуроведением других социалистических стран.

Разумеется, замечания эти не носят принципиального характера и не должны нарушить в целом очень благоприятного впечатления от этой основательной и цельной работы. Особая ценность ее, хотим подчеркнуть, заключается в том, что автор исследует явления, находящиеся еще в процессе становления, «живую материю» современности, а это всегда задача и повышенной ответственности и повышенной сложности.

И. Пименова

«Под знаменем боевой дружбы» (Под общей редакцией генерала армии П. И. Батова). Изд-во «Знание», М., 1977

В рецензируемом сборнике опубликованы материалы состоявшейся в Москве в 1972 г. научной конференции советских и польских историков «Боевое сотрудничество народов СССР и Польши в борьбе с фашизмом в годы второй мировой войны и его значение для укрепления советско-польской дружбы в настоящее время».

С советской стороны в конференции приняли участие видные военачальники, сотрудники Института военной истории Министерства обороны СССР, Института славяноведения и балканистики АН СССР, Всесоюзного общества «Знание». Двенадцать польских ученых-историков представляли на конференции Главную историческую комиссию Союза борцов за свободу и демократию ПНР (ЗБОВИД).

В сборник вошли 10 докладов и 19 научных сообщений. Основополагающим аспектом статьи генерал-полковника М. Х. Калашника «Деятельность КПСС и ПНР по укреплению дружбы советского и польского народов в годы второй мировой войны» является вывод о том, что братская и верушая дружба советского и польского народов «...есть прежде всего результат многолетней, повседневной и плодотворной деятельности коммунистических партий наших стран»

(с. 10). Автор подробно рассматривает мероприятия в области внутри- и внешнеполитической деятельности КПСС, направленные на укрепление братского сотрудничества между нашими народами. Большое внимание в статье уделяется освещению пропагандистской работы ПНР среди населения по разоблачению клеветы реакционного подполья в адрес СССР и Советской Армии, воспитанию польского народа в духе дружбы с народами Советского Союза.

Теме зарождения дружбы советского и польского народов в период войны с фашизмом посвящены статьи Генерального секретаря ЗБОВИД Я. Краевского — «К вопросу о зарождении дружбы советского и польского народов» и члена СКВВ генерал-полковника Ю. В. Бордаиловского, бывшего начальника Генерального штаба Войска Польского — «Советские Вооруженные Силы в освобождении польского народа от немецко-фашистских захватчиков».

В статье «Великая освободительная миссия советского народа в годы второй мировой войны» чл.-корр. АН СССР генерал-лейтенант П. А. Жилин показывает причины интереса историков к проблемам второй мировой войны,

необходимость их изучения для понимания послевоенного пути развития человечества, а также в целях борьбы с фальсификацией буржуазной историографией роли СССР и Советской Армии в разгроме фашистской Германии, в освобождении стран Европы от гитлеровских оккупантов.

Конкретно роль Советских Вооруженных Сил в освобождении Польши рассматривается в статье канд. воен. наук генерал-майора Н. И. Шеховцова. Богатый фактический материал по каждой отдельной операции Советской Армии на территории Польши делает статью крайне полезной при изучении данной темы. Автор особо подчеркивает помощь польского народа, оказанную советским войскам в проведении боевых операций. Одному из таких известных фактов сотрудничества советских воинов и населения г. Познани при овладении этой хорошо укрепленной крепостью посвящена статья д-ра ист. наук С. Окенцкого — «Участие польского населения в освобождении советскими войсками города и крепости Познань».

В статье д-ра ист. наук Р. Назаревича — «Польская рабочая партия — ведущая сила освободительной борьбы польского народа в годы второй мировой войны» — раскрывается руководящая роль польских коммунистов в организации вооруженных сил Польши в СССР. Особое внимание автор уделяет сотрудничеству ППР с ВКП(б) и ИККИ, их помощи польским коммунистам в разработке программных положений, а также широкой экономической помощи Советского государства польскому движению Сопротивления. Одна из основных задач статьи — показать ППР у истоков зарождения независимости новой демократической Польши.

Ряд статей сборника посвящены зарождению, созданию и развитию Войска Польского¹ и его участию в разгроме гитлеровской Германии². Особое внимание уделяется опыту строительства Советских Вооруженных Сил³, помощи СССР в деле создания Войска Польского — надежного защитника завоеваний польского народа, а также его участию в укреп-

лении оборонной системы государств Варшавского Договора⁴.

В трех статьях рассматривается тема сотрудничества советских и польских партизан на территории Советского Союза⁵. Польши и других стран Европы⁶. Авторы особо подчеркивают руководящую роль советских и польских коммунистов в развертывании народной войны в тылу врага, пирокую помощь оружием и военными кадрами, оказанную польским партизанам Советским правительством. С темой сотрудничества советских и польских партизан связана и статья д-ра ист. наук генерала бригады Н. Михты «Об отношении польского населения к советским военнопленным», так как советские военнопленные, бежавшие из плена, вливались в польское движение Сопротивления, создавали отдельные отряды, а иногда становились во главе отрядов Гвардии Людовой и Армии Людовой.

В сборнике опубликованы статьи о сотрудничестве советских и польских граждан в гитлеровских концлагерях (проф. К. Дуни-Вонсович) и на принудительных работах в Германии (Ч. Лущак). Авторы показывают, как в неимоверно тяжелых условиях фашистского плена, в совместной борьбе крепла солидарность представителей советского и польского народов.

З. Токаж посвятила свою статью почти неисследованной теме — «Преступления гитлеровцев в отношении советских детей и помощь польского населения советским детям — узникам фашистских концлагерей». Вопросам расследования гитлеровских преступлений, совершенных во время войны, и преследования их виновников, сотрудничеству в этой области советских и польских властей посвящена статья проф. Ч. Пилиховского.

Особая тема советско-польского сотрудничества раскрыта в статьях д-ров ист. наук И. И. Костюшко — «Советская внешняя политика и ее значение для освободительной борьбы польского народа», В. Т. Ковальского — «Защита Советским Союзом национальных интересов польского народа на Потсдамской конференции», посвященных постоянной, упорной

⁴ Э. Я д з я к. Развитие и укрепление вооруженных сил ПНР и их вклад в оборонную систему государств Варшавского Договора.

⁵ В. П о т е р а н с к и й. Боевое братство польских и советских партизан; М. Ю х н е в и ч. Сотрудничество польских и советских партизан и борцов антифашистского подполья в годы второй мировой войны.

⁶ М. И. С е м и р я г а. Участие советских граждан в польском партизанском движении в годы второй мировой войны.

¹ В. Т у ш и н с к и й. От Гвардии Людовой до Армии Людовой и Войска Польского — исторический путь развития вооруженных сил народного движения Сопротивления.

² В. Ю р г е л е в и ч. Создание Войска Польского и его участие в разгроме третьего рейха.

³ А. К а р п и н с к и й. Значение опыта Советской Армии для строительства и развития польских вооруженных сил.

борьбе за интересы польского народа, проводимой советскими представителями на международной арене. Авторы подчеркивают, что все внешнеполитические акции СССР по польскому вопросу были направлены на создание демократической, суверенной и сильной Польши.

Вопросы широкой экономической и политической помощи молодому польскому государству со стороны СССР на завершающем этапе войны и в первые послевоенные годы нашли отражение в статьях В. С. Парсадановой — «Помощь СССР польскому народу в создании народно-демократического государства», Н. Коломейчика — «Помощь СССР Польше в освоении северных и западных земель» и Р. Халябы — «Помощь СССР в создании и укреплении народной власти в Польше (1944—1946)». Дальнейшее развитие эта тема получила в статье д-ра ист. наук И. А. Хренова — «Братское сотрудничество Советского Союза и Народной Польши». Автор рассматривает значение и роль основных документов, подписанных между СССР и ПНР и регулирующих их экономическое и политическое сотрудничество.

В сборник вошли также две историо-

графические статьи⁷, характеризующие состояние советских и польских исследований по истории второй мировой войны, освободительной миссии Советских Вооруженных Сил, сотрудничеству советского и польского народов в разгроме фашистской Германии.

В статье П. М. Деревянко — «Против фальсификации истории советско-польского боевого содружества» — рассматриваются основные направления фальсификации истории второй мировой войны и советско-польского братства по оружию западной историографией.

Рассмотрев содержание рецензируемого сборника, мы можем сказать, что его богатый фактический материал, разнообразие затронутых тем окажут определенную помощь советским и польским историкам.

А. Горенков

⁷ А. В. Антосьяк. Разработка в СССР истории боевых действий Советской Армии по освобождению Польши в годы Великой Отечественной войны; К. Собчак. Состояние исследований истории взаимодействия советских и польских вооруженных сил в годы второй мировой войны.

J. R. SZAFLIK. «O rząd chłopskich dusz». Warszawa, 1976, 352 s.

Ю. Р. ШАФЛИК. «За власть над крестьянскими душами»

Рецензируемая книга известного польского историка, занимающегося исследованием политического движения крестьян в Польше в конце XIX — первой половине XX в., отмечена новизной постановки проблем генезиса людовского движения и оригинальностью их решения. Хронологически работа охватывает период с последней четверти XIX в., т. е. с зарождения организованного политического движения польского крестьянства, до начала первой мировой войны. На протяжении этого отрезка времени Ю. Р. Шафлик рассматривает характер, методы и формы борьбы католического духовенства против превращения польского крестьянского движения в политически организованное и самостоятельное. Эти явления исследуются на территории польских земель, отошедших после раздела Польши к Австро-Венгрии и России. На польских землях в составе Пруссии аналогичные процессы происходили несколько позже того периода, который исследует автор. Ю. Р. Шафлик при работе над книгой опирается на широкий круг

источников: документы, хранящиеся в польских государственных, партийных и принадлежащих католической церкви архивах, мемуары крестьянских деятелей и, что особо следует подчеркнуть, прессу различных политических направлений, доселе мало использованную польскими и советскими историками. Это позволило автору решить не ставившуюся ни в польской, ни в советской историографии задачу — выявить классовые корни политики клира в польской деревне рубежа XIX и XX вв. и показать причины и ход непрерывающейся борьбы католического духовенства с находящимся в первоначальной стадии своего развития людовским движением.

В первой главе — «Образ мышления и социально-политическая позиция крестьян» — отражены наиболее характерные черты польского крестьянства в последней четверти XIX в. и рассматривается политика господствующих классов в деревне. Автор ярко раскрывает такие черты общественной психологии крестьян, как полную зависимость их

от помещиков и клира, крайнюю ограниченность кругозора, который в большинстве случаев не выходил за пределы интересов собственного хозяйства, инертность по отношению к политической жизни, а также «сильно укоренившийся консерватизм, недоверие ко всему новому...» (с. 28). Ю. Р. Шафлик убедительно доказывает, что пьянство, столь распространенное в крестьянской среде в тот период, — результат своекорыстной политики спаивания народа, проводимой господствующими классами. Темный, забитый и во хмелю крестьянин не мог представлять угрозу существующему строю.

Автор отмечает во второй главе — «Борьба за просвещение крестьян», что **большим препятствием на пути общественной эмансипации крестьян был низкий уровень грамотности в польской деревне, как в Галиции (в 60-е годы XIX в. 83% сельского населения составляли неграмотные), так и в Королевстве Польском (в тот же период — 90,7% неграмотных).** Борьбу за ликвидацию неграмотности на рубеже XIX и XX вв. возглавили представители прогрессивной интеллигенции, наиболее политически зрелые крестьяне, а в Галиции даже отдельные деятели католической церкви. Немалую роль в создании сети национальных школ для крестьян сыграла партия национальных демократов, особенно в Королевстве Польском. Однако автор справедливо отмечает, что энцикла проводила активную политику в этом направлении, стремясь укрепить свои позиции в деревне за счет крестьянской среды, проведя в рамках просветительского движения свои идеологические доктрины. Эта деятельность отнюдь не имела целью превращение крестьянства в самостоятельную политическую силу.

В третьей главе — «Накануне возникновения людовского движения» — автор показывает попытки официальной церкви подчинить своему влиянию просыпающаяся к активной политической жизни крестьянство Галиции. Ю. Р. Шафлик убедительно доказывает, что создание в 1893 г. в Галиции Союза крестьянской партии (СКП) является не чем иным, как стремлением подчинить «возрождающееся людовское движение церковной иерархии и духовенству», организационно замкнуть его в рамках социально-христианского движения (с. 132). Эта попытка окончилась неудачей, ибо в 1895 г. в Жешове была создана первая политическая партия независимого крестьянского движения — Стронництво людове.

Анализируя сложный процесс генезиса людовского движения на этих землях, автор особо подчеркивает роль ксендза Стояловского в политическом пробуждении польского крестьянства, отмечая, «что именно он подготовил почву для развития самостоятельного политического

движения крестьян» (с. 131). Казалось бы исторический парадокс — церковь борется за подчинение зарождавшегося движения крестьян своему влиянию, а один из католических чинов играет большую роль в процессе становления людовского движения? Ю. Р. Шафлик убеждает читателя в закономерности этого явления. Стояловский сыграл роль политического лидера крестьянства Галиции в тот момент, когда эта среда не могла еще в силу объективных обстоятельств выделить политического руководителя. Однако в 90-е годы XIX в. он не смог понять новых процессов, происходящих в людовском движении, приведших к созданию первой самостоятельной организации крестьян, так как до конца «не верил в возможность политической самостоятельности крестьянина» (с. 114). Сыграв огромную роль в пробуждении галицийских крестьян к активной политической жизни, он не сумел стать лидером политически самостоятельного крестьянского движения и остаток своих дней провел в бесперывной борьбе с ним.

В четвертой главе — «Католическая церковь и людовское движение в Галиции» — автор скрупулезно показывает все формы и методы борьбы католической церкви с людовцами, начиная от ярых нападок на лидеров крестьянского движения и кончая попытками подчинить деятельность людовцев политическим организациям духовенства, создаваемым в противовес классовому движению крестьян. Несмотря на это Стронництво людове неуклонно расширяло свое влияние и укрепляло свой авторитет у крестьян.

И, наконец, в пятой главе анализируются взаимоотношения католического духовенства с крестьянским движением в Королевстве Польском. Ю. Р. Шафлик пишет, что здесь «так же как в Галиции развитие политического движения крестьянства было отражением тенденции крестьян к освобождению от идеологического и политического влияния помещиков и клира» (с. 255). Однако этот процесс происходил в условиях отсутствия элементарных политических свобод. Запрещение паризмом политических партий в Королевстве Польском (кроме некоторых, безоговорочно его поддерживающих) наложило отпечаток на ход борьбы между католической церковью и людовским движением. Здесь главной формой борьбы клир избрал травлю людовцев при помощи верной ему прессы. Причем, доказывает автор, политика клира в этом направлении фактически смыкалась с деятельностью царской администрации, которая по статьям в клерикальных органах лучше ориентировалась в политической ситуации в Королевстве Польском и могла своевременно принимать меры по ликвидации левых организаций. Можно полностью согласиться с мнением

Ю. Р. Шафлика о том, что в разгроме Польского крестьянского союза в 1907 г. царскими властями и запрещении издания газеты людовцев «Севба» немалую роль сыграла клерикальная пресса. Особо усилились атаки католического духовенства на людовское движение после выдвижения еженедельником «Заране», продолжавшим традиции «Севбы», лозунга «сами себе», «означающего независимость крестьян от шляхты и клира, пробуждающего классовое самосознание крестьянства» (с. 281). Наряду с атаками в печати на деятельность «зараняжи» клир перенес политическую борьбу с людовцами на амвон. Как и в Галиции, предпринимались попытки заключить зарождающееся политическое движение крестьян в рамки социально-христианской партии, впрочем без особого успеха. Однако и здесь, несмотря на все препятствия, политическое движение крестьян набирало силу. Причиной этому, подводит итог автор, был рост классового самосознания и политической зрелости крестьянских масс.

Монография Ю. Р. Шафлика является ценным вкладом в историографию организованного политического движения крестьянства на польских землях. К ее недостаткам можно отнести чрезмерное внимание автора к процессу генезиса людовского движения (он освещался во многих работах польских историков), из-за чего основная тема не везде четко прослеживается, особенно это чувствуется во второй главе. Несомненно, автор является первопроходцем в исследуемой проблеме. Однако некоторые вопросы, освещаемые в монографии, уже затрагивались в польской исторической науке. Сошлемся к примеру на книгу: J. Bogowski. Wykłęci sprawiedliwi. Warszawa, 1974. Жаль, что автор интересного и глубокого исследования не нашел в книге места, чтобы представить и проанализировать другие труды, в той или иной степени затрагивающие проблемы борьбы католического клира с зарождающимся и укрепляющимся политическим движением польского крестьянства.

В. И. Воронков

«Вопросы истории славян», вып. 5. Изд-во Воронежск. ун-та, Воронеж, 1977, 116 с.

Издание, выпускаемое Воронежским университетом с 1963 г., получило признание специалистов как в Советском Союзе, так и за рубежом¹. Как и его предшественник «Славянский сборник», вышедший в 1958 г., «Вопросы истории славян» стали важным изданием по истории славянских стран, в котором печатались работы не только воронежских историков-славистов, но и ученых из других городов Советского Союза, а также из братских славянских стран.

Рецензируемый выпуск состоит из двух разделов: «Средние века» и «Новое и новейшее время», в каждом из них помещено по шесть статей и сообщений.

¹ См. рецензии: И. М. Б е л я в с к а я, Л. В. Г о р и н а, Е. С. М а к о в а. Исторические сборники воронежских славистов. «Советское славяноведение», 1967, № 6, с. 64—68; А. К. М а р т ы н е н к о, А. И. Ч е р п л и й. «Український історичний журнал», 1967, № 10, с. 145—146; А. В. М а р к и н а. Там же, 1971, № 9, с. 148—149; В. П. Г р а ч е в. «Советское славяноведение», 1972, № 3, с. 69—70; «Slovansky přehled», 1964, № 5, s. 311; D. Đ i n i ć-К н е з е в і ć. «Jugoslavenski istorijski časopis», 1966, № 3—4, s. 174—176; J. S o b c z a k. «Z pola walki», 1967, № 1, s. 237—242 и др.

Е. П. Наумов в статье «Политическая система феодальной Сербии в начале XIII в. (К вопросу о взаимоотношениях Рашки и Дукли)» исследует важный вопрос о природе и функциях политической системы Сербии в период борьбы между Рашкой и Дуклей. Он устанавливает точную дату подчинения Дукли и его характер. Статью отличает строгая методика исследования источников.

В статье В. В. Захарова — «Внутренняя колонизация в Далмации в XIII—XV вв. и ее социально-экономические последствия» — воссоздается картина усилий далматинского крестьянства за расширение посевной площади путем расчистки почвы, орошения засушливых земель, осушения болот. Автору удалось показать неоднозначные последствия внутренней колонизации. Югославской тематике посвящена и статья О. А. Акимовой «Положение патрициата в Сплите XVI—XVII вв.». В статье привлечены памятники художественной литературы исследуемого времени для решения социально-экономических вопросов. Статья В. М. Тупкина — «Ф. И. Янкович и сербско-чешский элемент в русском народном просвещении конца XVIII в.» посвящена педагогической деятельности серба Ф. И. Янковича в России. К сожалению, статья в большей своей части

декларативна, автор, как правило, источники и литературу не анализирует, а лишь называет их, иногда излагая содержание.

В сообщении В. Г. Тарановой — «К вопросу об истории драмы И. Вазова „Ивайло“» освещается вопрос об историографической значимости болгарской драмы. Я. Г. Солодкин в сообщении «Польско-литовская интервенция начала XVII в. в России в изображении Авраамия Палицына» удачно полемизирует со своими предшественниками, уточняя оценку А. Палицыным причин и следствий польско-литовской интервенции.

Раздел «Новое и новейшее время» открывается статьей С. И. Бобровой «К вопросу об изучении русско-сербских революционных связей 60—70-х годов XIX в. в советской историографии». Автор исследует проблему, ранее у нас не изучавшуюся. Она показала научный вклад в разработку этих проблем С. Н. Никитина, В. Г. Карасева и других советских историков-славистов. К сожалению, вне поля зрения автора оказалась работа А. С. Пулинец «Н. Г. Чернышевский и Светозар Маркович»², а название очень важной для данной проблематики книги Б. П. Козьмина «Революционное подполье в эпоху „белого террора“» (1929) дано неточно. Статья Б. С. Попкова «Иоаким Лелевель и Украина», написанная в основном по материалам работ И. Лелевеля и его переписки с проф. Харьковского университета И. Даниловичем, вносит много нового в освещение вопроса о польско-украинских связях в первой половине XIX в. Автор критически анализирует концепцию И. Лелевеля в его работах по истории двух славянских народов, показывает демократические тенденции в оценках польским историком народных движений на Украине. В статье Н. Т. Сапроновой «К вопросу о политике Болгарской компартии в области просвещения (1919—1923)» затронут сюжет, не встречавшийся ранее в работах советских историков-болгаристов. Автор показала, как болгарские коммунисты не только декларировали свои принципы, но и вели реаль-

ную борьбу за демократизацию болгарской школы в коммунах, возникших в результате победы на выборах в органы местной власти. Б. Я. Табачников в статье «Некоторые историографические оценки режима „санации“» пытается выделить основные концепции, присущие работам разных периодов, особенно полузабытым трудам 20—30-х годов. С нашей точки зрения, Б. Я. Табачников верно отметил различия двух концепций — советского ученого А. Я. Манусевича и польского — Я. Жарновского. Однако позиция самого автора статьи не совсем ясна. Статья И. Г. Яну «Боевое содружество югославских и греческих патриотов в годы второй мировой войны» интересна и свежа по теме и по содержанию. Автор приводит в ней факты, установленные им по болгарским, югославским и греческим опубликованным источникам и показывающие развитие боевого содружества народов двух стран. На наш взгляд, автору следовало бы более критически относиться к используемым источникам и литературе. Заключает раздел и сборник в целом сообщение Т. В. Козберг «Национальный вопрос в революционной программе В. Левского». Автор сконцентрировала свое внимание на позиции болгарского революционера по отношению к турецкому народу. Она убедительно показала социально-классовую природу взглядов В. Левского на национальные отношения на Балканах, сочетание его патриотических воззрений с идеей равенства всех национальностей и общности интересов трудящихся масс.

Содержание рецензируемого сборника отличается разнообразием тематики, интересной постановкой трактуемых вопросов, часто оригинальностью выводов. Большинство статей и сообщений написано на высоком научно-теоретическом уровне, отличается тщательностью анализа источников и вниманием к литературе вопроса. В заключение нам хотелось бы выразить пожелание, чтобы в дальнейшем в «Вопросах истории славян» были восстановлены разделы публикаций и хроники.

*Б. Н. Билунов, А. Е. Москаленко,
Х. Х. Хайретдинов*

² См. Уч. зап. Черновиц. гос. ун-та, т. 30, Сер. филол. наук, вып. 6. 1958, с. 33—69.

БИБЛИОГРАФИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ СВЕТОЗАРУ МАРКОВИЧУ

Особое и важное место среди трудов ученых Югославии, СССР и других стран о творчестве и жизненном пути Св. Марковича, появившихся в печати за последние годы¹, занимает солидная библиография работ о Марковиче, выпущенная Университетской библиотекой в Белграде, которая носит имя этого пламенного борца за свободу и социальное освобождение сербского народа².

Оценивая первый выпуск этого библиографического справочника, ставшего также первым и в серии изданий Университетской библиотеки, необходимо прежде всего подчеркнуть широту охвата материала, обстоятельность систематизации и анализа разнообразных сведений, проведенного составителями — Слободаном Комадиничем и Эмилией Тешич-Насковски. Здесь собран ценнейший материал, позволяющий наглядно представить, что было издано за сто лет после безвременной смерти Св. Марковича (всего в первом выпуске учтено 1140 работ, включая статьи, заметки, предисловия к его сочинениям). Следует особо подчеркнуть, что составители включили в библиографию не только книги или статьи из сборников, но и большое количество статей из различных газет и журналов (начиная с некрологов в газетах «Освобождение» и «Застава» в 1875 г.), заметки в альманахах, рецензии, стихи и пьесы, посвященные Марковичу. О широте привлеченного материала из югославянской периодики говорит помещенный (в виде приложения) перечень газет и журналов (всего их более 200), которые выходили на языках народов и народностей Югославии за эти сто лет (в том числе — и за пределами современной Югославии).

Составители включили в библиографию работы не только ученых Югославии, но и исследования, опубликованные на русском, болгарском, польском, французском и других языках. В частности, полно учтены соответствующие работы советских историков (В. Г. Карасева, С. А. Никитина, Ю. Д. Беляевой,

К. А. Копержинского, К. А. Пушкаревича, Е. Н. Кушевой и др.)³. Разумеется, включение в данный труд сведений об исследованиях, вышедших без учета достижений советской историографии в этой области (истории Сербии XIX в. и, в частности, истории сербско-русских революционных связей, истории сербской общественно-политической мысли той поры и т. д.)⁴.

Важной отличительной чертой этой библиографии необходимо признать также стремление ее составителей, не ограничиваясь глухими ссылками или скупыми названиями работ, по возможности раскрыть значение научных публикаций для исследования творчества Св. Марковича и смежных проблем истории Сербии 70-х годов XIX в. С этой целью авторы библиографии в необходимых случаях поясняют содержание тех или иных работ в кратких аннотациях (см., например, на с. 39 — о работах № 263—266; на с. 40 — № 274 и т. п.), а для некоторых публикаций, которые были изданы анонимно или под инициалами, указывают вероятных авторов (см., в частности, № 444, 445, 643, 679, 968 и др.). Это свидетельствует о высоком научном уровне труда, который, представляя конкретную библиографическую информацию, одновременно является и исследованием важных проблем, связанных с этой областью историографии.

Разумеется, в книге есть и некоторые мелкие недочеты, которые, естественно, касаются лишь частностей. Так, например, можно указать, что на с. 19 (работа № 93 — монография В. Чубриловича) пропущен год ее издания. Вероятно, в аннотации к позиции № 467 (с. 64) вкралась опечатка, и речь здесь идет о документах XIX, а не XX в. Досадно, что дважды (№ 489 и 496) указана одна и та же работа В. Маслеша о Марковиче.

Есть у нас также некоторые соображения по составу и структуре библиографических материалов, которые было бы желательно учесть во втором выпуске.

¹ См., например: «Научни скуп „Светозар Марковић, живот и дело“». Београд, 1975; «Зборник radova o Svetozaru Markoviћu». Београд, 1976; В. В у л е т и ћ. Мисао и реч Светозара Марковића. Врњачка Бања, 1975; см. также статьи, опубликованные в журналах: «Историјски часопис» (т. 22, 1975), «Глас Српске Академије наука и уметности» и др.

² С. М. К о м а д и н и ћ и Е. Т е ш и ч - Н а с к о в с к и. Библиографија radova o Svetozaru Markoviћu (1875—1975), д. I. Београд, 1976, 161 с.

³ Пожалуй, в данной связи, помимо научных здесь работ, можно назвать также авторефераты диссертаций В. Г. Карасева («Краткие сообщения Института славяноведения», 1951, № 6) и Ю. Д. Беляевой (М., 1963).

⁴ Ср. А. Л. Н а р о ч н и ц к и й, Ю. А. П и с а р е в. Итоги и перспективы изучения истории Югославии в СССР. «Вопросы истории», 1975, № 7, с. 67—68.

В частности, целесообразно было бы сопровождать название книги (или статьи) ссылкой на номера соответствующих рецензий (например: статья К. А. Пущкаревича — рец. № 260). Вместе с тем, по нашему мнению, во втором выпуске следует поместить не только хронологический и предметный указатели, но и именной, который весьма облегчит пользование данной библиографией.

В труде имеются определенные пропуски. Речь в данном случае идет не только о названных работах В. Г. Карасева, Ю. Д. Беляевой, но и о тех изданиях по истории Сербии XIX в., которые было легко упустить из виду, поскольку в названии их нет имени Марковича или его трудов, руководимых им газет и т. д. (Для примера укажем на интересную статью югославского ученого С. Филиповича, в которой говорится о яростных нападках Вл. Джорджевича на Св. Марковича)⁵. Вероятно, во втором выпуске необходимо поместить не только библиографические материалы из иностранных и ряда старых югославянских изданий (как предполагают составители), но также и названные выше работы, а также статьи, опубликованные по этой тематике в журн. «Историйски часопис» (т. 22, 1975), а в виде приложения — и работы, вышедшие в последующие годы (1976 и след.). Все это, разумеется, будет содействовать завершению библиографического комплекса, значение которого вовсе не исчерпывается лишь информацией об изданных в разных странах и на разных языках работах о Св. Марковиче и связанных с его революционной деятельностью проблемах истории Сербии и других югославянских стран в XIX в., истории русско-сербских связей, сербской литературы и культуры той эпохи. Создание такой подробной тематической библиографии будет иметь большое значение для оценки итогов и задач дальнейших исследований всего этого важного круга проблем. Показательно, что югославским историком Н. Петровичем (см. с. 98 библиографии, № 732 — в его заметке «Прошлое без истины») был сделан вывод о необходимости подготовки

монографии, посвященной Св. Марковичу; в своей рецензии на книгу В. Г. Карасева «Сербский демократ Живоин Жуевич» он подчеркивает, что появившееся за последние десятилетия внушительное число статей и публикаций частного характера, действительно, не могут заменить или восполнить отсутствие такой научной монографической работы. Правда, в последние годы вышли в свет монографические исследования о Марковиче (Х. Писарэка, В. Вулетича — см. №№ 745, 1096), однако, констатация Н. Петровича, что в центре исследований сербских историков оказывались больше времена первых Обреновичей, нежели деятельность Марковича и эпоха Первого сербского восстания (и это Петрович связывает с влиянием реакционной школы Сл. Йовановича), бесспорно заслуживает пристального внимания⁶.

Говоря об этих соображениях общего характера, нельзя не коснуться вопросов источниковедческой базы, обеспечивающей дальнейшие исследования данной тематики. На данном этапе изучения творчества Св. Марковича, без сомнения, весьма возрастает роль тщательного текстологического анализа тех произведений, которые появлялись в печати в 70-х годах XIX в. без указания авторства Марковича. Ценные соображения по этому поводу высказал один из составителей рассматриваемой библиографии С. Комадичич, который в статье «Анонимные произведения Светозара Марковича»⁷ указал на заметные различия в тексте его работ, которые были сначала изданы в газетах, а позднее — отдельными брошюрами. Иными словами, создание монографических исследований о Марковиче и его деятельности, которые должны обобщить уже достигнутые результаты работы историков Югославии, СССР и других стран, необходимо обеспечить проведением необходимой текстологической работы, пристальным анализом сочинений Марковича, периодической печати и брошюр тех лет, отбором наиболее полных и важных вариантов тех или иных статей Марковича и т. п.

Е. П. Наумов

⁵ С. Ф и л и п о в и ћ. Доктор Владан Борђевић у роману «Јунак наших дана». «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор», 1964, № 1—2, с. 61—70.

⁶ «Југословенски историјски часопис», 1975, № 1—2, с. 205.

⁷ «Зборник радова о Светозару Марковићу», с. 147—155.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 60-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ПОЛЬШИ

12—13 октября 1978 г. во Львове в Институте общественных наук АН УССР состоялась научная конференция историков, посвященная 60-летию образования Коммунистической партии Польши, которую подготовили и провели Институт общественных наук АН УССР и Львовское областное отделение Общества советско-польской дружбы. В работе конференции приняли участие более 90 историков из Киева, Днепропетровска, Луцка, Дрогобыча и Львовской области.

На пленарном заседании с докладами выступили доц. Е. В. Примеров «КПСС — боевой отряд международного коммунистического движения» и доц. И. И. Белякевич «Основные этапы героического пути Коммунистической партии Польши».

Далее работа конференции продолжалась в трех секциях.

В первой секции «Великий Октябрь и проблемы национально-освободительного движения в Польше» были прочитаны следующие доклады: М. Н. Верников «Распространение марксистско-ленинской философии в Польше в послеоктябрьский период», А. П. Мендусь «Участие поляков-интернационалистов в Октябрьском вооруженном восстании в Москве 1917 года», Н. А. Ратч «Отзвуки Великой Октябрьской социалистической революции в Западной Германии», Я. С. Лялька «Интернациональное единство трудящихся Польши и Западной Украины в революционной борьбе (1921—1939)», В. В. Трофимович «Интернациональные связи российских и польских революционеров в годы ленинской „Искры“», Л. Е. Волькович «Вопросы революционной теории в польских социалистических изданиях второй половины 80-х годов XIX в.», С. М. Трусевич «Выступление польских революционных демократов в защиту интересов трудящихся Восточной Галиции (60-е годы XIX в.)», И. М. Нефедов «К вопросу о становлении революционного демократического крыла в польском национально-освободительном движении 30—40-х годов XIX в.», В. А. Борис «Следствие и процесс полковника Юзефа Заливского и товарищей (1833—1837)», И. С. Захара «Киево-Могилянская академия и польская куль-

тура на рубеже XVII—XVIII столетия», С. В. Кушинская «Из истории классовой солидарности трудящихся Советской Украины и Польши (1933—1939)».

Во второй секции, посвященной вопросам интернационального единства советского и польского народов в борьбе за возрождение польского государства в период второй мировой войны, с докладами выступили: Л. А. Любимский «Содействие Советского Союза строительству народного Войска Польского (1943—1945)», И. М. Мирошниченко «Проблемы воспитания личного состава Войска Польского в духе пролетарского интернационализма и советско-польского боевого содружества в годы второй мировой войны (1943—1945)», В. С. Манюков «Бой под Ленино — начало совместного боевого пути Советской Армии и польских народных вооруженных сил», А. А. Удовенко «Участие 2-й армии Войска Польского в Берлинской операции», Л. В. Ярош «Фронтная печать Войска Польского о роли Советского Союза в освободительной борьбе польского народа в годы второй мировой войны», И. В. Миткалин «Интернациональное единство советского и польского народов в борьбе за возрождение польского государства в период второй мировой войны», Т. Г. Медоварова «Совместные действия советских партизан с Крестьянскими батальонами на территории Польши в 1944—1945 гг.», С. Е. Иващук «Участие советских граждан в польском партизанском движении в период освобождения восточных районов Польши от немецко-фашистских захватчиков», Н. В. Гайворонюк «Создание польского национального правительства на освобожденной территории Польши и отношение к нему правительства Великобритании», С. С. Паливода «Пролетарский интернационализм — основа содружества польских и советских узников Бухенвальда в борьбе против германского фашизма».

В третьей секции рассматривались вопросы строительства социализма в Польской Народной Республике и укрепления дружбы и сотрудничества между СССР и ПНР. В. К. Мороз сделал доклад «Влияние Великого Октября на социалисти-

ческие преобразования в Польше и установление взаимоотношений нового типа между СССР и Польшей», Л. А. Зашкильняк — «Объединительный процесс в польском рабочем движении в 1944—1948 гг. Характер и этапы. (К 30-летию образования ПОРП)», Р. И. Осташ — «Возрастание авангардной роли коммунистов в ходе социалистического строительства в ПНР», Я. С. Хонигсман — «Об особенностях строительства развитого социализма в ПНР», Г. В. Гордиенко — «К вопросу о развитии советско-польского культурного сотрудничества в годы Великой Отечественной войны», Г. И. Ковальчак — «Некоторые особенности экономического развития Польши в XX столетии», Е. И. Франчук — «Рост благосостояния рабочего класса Польши за годы народной власти», М. В. Сенькив — «Некоторые черты развития польской деревни на современном этапе», А. В. Петров — «Политическое, экономическое и научно-

техническое сотрудничество ПНР и НРБ в 1966—1975 гг.».

На заключительном пленарном заседании участники конференции заслушали доклады: «Советская и польская историческая литература об участии польских трудящихся в борьбе за власть Советов в нашей стране», который подготовили П. М. Калениченко и В. П. Колесник и «Научно-культурное сотрудничество дружественных регионов УССР и ПНР (из опыта работы Львовского областного отделения Общества советско-польской дружбы)», подготовленный И. Н. Лозинским. Руководители секций В. А. Борис, И. И. Белякевич и Г. И. Ковальчак подвели итоги работы секций, отметили творческий характер дискуссий, глубокую теоретическую разработку проблем и обоснованные выводы.

В. К. Мороз

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЙ КОЛЛОКВИУМ ПО ПРОБЛЕМЕ «ФАШИЗМ И АНТИДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. 1918—1945»

29—30 ноября 1978 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР проходила вторая научная встреча советских и польских историков (первая — на тему «Европейский фашизм. 1918—1945» состоялась в Варшаве в декабре 1975 г.¹). Встреча была организована сектором истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы периода общего кризиса капитализма с участием ведущих специалистов сектора новейшей истории стран Западной Европы Института всеобщей истории АН СССР и Института международного рабочего движения АН СССР. С польской стороны приняли участие руководители отделов и сотрудники Института истории ПАН в Варшаве и Вроцлавского университета.

Коллоквиум открыл д-р ист. наук И. И. Костюшко. Программа встречи включала широкий спектр вопросов от общих методологических проблем изучения фашизма, его характерных черт и отличий от других форм буржуазной реакции до вопросов историографии этого исторического феномена.

Проблеме типологии фашистских режимов на материале сопоставления примеров Италии и Германии был посвящен доклад проф. Г. С. Филатова. Он подчеркнул, что главной трудностью в попытках

раскрытия законченной модели фашизма является выделение существенных признаков его классификации. Отметив внимание историков к исследованию нацизма, докладчик подчеркнул важность изучения итальянского фашистского варианта, схемы которого были более универсальны и широко перенимаются современными неофашистами. Проф. Ф. Рыпка (Институт истории ПАН) в докладе «Фашистское государство и его внутренняя организация» охарактеризовал фашизм как крайнюю форму империализма и выделил в качестве отличительных признаков фашистской системы крайний национализм, как правило, с чертами расизма, тоталитаризм, построение государственно-политической системы по иерархическому признаку, в идеологическом комплексе — понятие «объективного врага». Д-р ист. наук Б. Р. Лопухов говорил о необходимости диалектического понимания связи между фашизмом и национализмом и проведении различий между национализмом, несущим в международном плане только центробежные тенденции, и международным фашизмом, обладавшим определенными центро-стремительными силами. Для германского фашизма в отличие от традиционного национализма был характерен расизм, «арийство», содержавшее элементы универсализма. Ранний фашизм в Италии первоначально не обращался к категории

¹ «Советское славяноведение», 1976, № 4, с. 130—131.

нации. Объединение итальянского фашизма с национализмом произошло на определенной стадии, но не означало их взаимного растворения. Профессор Вроцлавского университета К. Йонца в докладе «Правовая система фашистского государства» показал, что источником юридических концепций фашизма стала идеология фашистских партий. Фашистское право отрицало принцип равенства граждан, лишало государство атрибута суверенности, наделяя им «вождя». В целом приход к власти фашистских партий означал углубление кризиса буржуазного правопорядка. Эти доклады наряду с рассмотрением теоретических аспектов изучения фашизма содержали богатый исследовательский материал, характеризующий фашистские режимы в Италии и Германии.

Своеобразие развития иных фашистских вариантов были посвящены доклады д-ра ист. наук С. П. Пожарской — «Особенности государственности франкистской Испании» и д-ра ист. наук Р. П. Гришиной — «Особенности болгарской модели фашизма», в которых речь шла об отклонении от норм, если можно так назвать, «классического» фашизма. В первом докладе говорилось о гетерогенности испанского фашизма, отсутствии расистских элементов в его идеологии, крайней персонализации власти. Отмечалось, что в отличие от других фашистских режимов, некоторые из которых лишь для видимости сохранили парламент, франкизм создал его и впервые ввел в стране конституцию. Р. П. Гришина показала, что военно-фашистская диктатура в Болгарии в 20-е годы не смогла укрепиться и интенсивно развиваться. Тенденция к фашизации возродилась в следующем десятилетии, но темпы ее были сравнительно медленными до тех пор, пока в канун второй мировой войны не произошло окончательного сближения Болгарии с нацистской Германией.

Большое внимание было уделено проблемам социально-политического развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы в период между двумя мировыми войнами, соотношения революционных, демократических, традиционно-консервативных и фашистских сил в этих странах. Проф. А. Айнекель (Институт истории ПАН) в докладе «Фашизм и государственные системы в Центральной Европе. 1922—1939» показал, что на протяжении данного периода в рассматриваемых странах при неизменности классового характера государства эксплуататорского типа происходили изменения в форме государственной власти, означавшие кризис буржуазного парламентаризма. Д-р ист. наук И. С. Яжборовская

посвятила свое выступление особенностям социально-политической структуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы и борьбе рабочего класса в этих странах против реакционных режимов в 1924—1929 гг.

Польскими историками было высказано мнение, что наиболее точно характеризует системы, господствовавшие в большинстве стран данного региона, понятие «авторитарный» режим, близкий, но не идентичный фашистскому.

Канд. ист. наук Б. И. Желицки говорил о том, что имущие классы Венгрии, потопив в крови Советскую республику, составили лагерь оголтелой контрреволюции. Это сразу определило реакционный характер созданной ими государственной системы. Однако на протяжении 20-х годов в нее были введены элементы буржуазного парламентаризма. В сообщении канд. ист. наук И. В. Мухотиной было отмечено, что режим «санации», установленный в Польше после переворота 1926 г., не смог осуществить интеграцию трудящихся масс в свою структуру. Оппозиционные рабочие и крестьянская партия, а также независимые от правительства профессиональные и общественные организации стали центрами объединения широких слоев трудящихся на платформе, свободной от влияния реакционного государства.

Ряд выступлений был полностью или частично посвящен проблематике фашизма в период второй мировой войны. О кризисе фашистских режимов в государствах-сателлитах гитлеровской Германии на заключительном этапе войны говорилось в докладе канд. ист. наук И. И. Попа. Канд. ист. наук А. Ф. Носкова, характеризую оккупационную политику гитлеризма в Польше, Чехословакии и Югославии, подчеркнула стремление оккупантов подавить способность народов к самостоятельному существованию, что представляло прямую угрозу для всех социальных слоев и делало возможным объединение этих сил в лагере сопротивления.

Специальное заседание, на котором были сделаны доклады проф. Я. Жарновского (Институт истории ПАН) «Вопросы фашизма в историографии ПНР» и проф. А. И. Пушкина «О понятии „фашизм“ и „тотальный фашизм“ в венгерской историографии», посвящалось рассмотрению состояния и перспектив исследования проблематики фашизма.

Дискуссия по докладам, в которой участвовал широкий круг специалистов, носила творческий характер.

И. М.

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ВОПРОСАМ ЯЗЫКОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В БОЛГАРИИ

В Софии 17—19 октября 1978 г. состоялась первая национальная конференция по вопросам современного языкового строительства в Болгарии. Конференция была организована Институтом болгарского языка Болгарской академии наук. Она состоялась в условиях повышенного внимания и интереса широких слоев болгарской общественности к языковым вопросам. Интерес этот не угасал у болгар и прежде, но в самые последние годы он принял, как свидетельствуют многочисленные статьи и заметки в периодической печати, несколько обостренный характер, особенно по вопросам, касающимся чистоты болгарского языка и борьбы с иноязычными элементами, некоторых вопросов орфоэпии и орфографии. Борьба за чистоту и сохранение самобытности родного языка, за дальнейшее совершенствование литературного языка и повышение общей культуры языка рассматривается сейчас едва ли не как одна из важных национально-культурных задач, к решению которой должны быть привлечены все необходимые для этого силы и средства государства. Национальная конференция по вопросам языкового строительства, о необходимости проведения которой говорилось задолго до ее открытия, явилась реальным откликом болгарских лингвистов на возникшие нужды общества и их крупным профессиональным вкладом в решение указанной сложной задачи в данный момент.

Конференция вызвала значительный интерес среди филологов, редакционных работников, учителей, военных специалистов, представителей многих других слоев интеллигенции социалистической Болгарии. Большой конференц-зал Болгарской академии наук, где проходили заседания, почти всегда был полон. На конференции в качестве гостей присутствовали болгаристы-языковеды ГДР, Польши, СССР, Франции и Чехословакии. К сожалению, и это отмечали многие, она прошла практически без делового участия писателей.

Конференцию открыл видный болгарский лингвист, директор Единого центра по болгарскому языку и литературе при БАН акад. В. Георгиев. На открытии ее присутствовали заместитель Председателя Государственного совета НРБ Г. Джагаров и вице-президент БАН, председатель Союза болгарских писателей акад. П. Зарев. С приветствиями к участникам конференции обратились первый заместитель министра народного просвещения П. Стоянов, ректор Софийского университета проф. Б. Сендов, член бюро

правления Союза болгарских писателей Б. Божилков, представители центральных газет и радио, зарубежные болгаристы: д-р филолог. наук Е. И. Демина (СССР) и проф. Ж. Фойе (Франция).

На конференции было прочтено 33 доклада. На первом заседании после официального открытия и приветственных речей с докладами выступили директор Института болгарского языка, ст. н. с. В. Станков — «Основные проблемы языкового строительства» и проф. Софийского университета И. Дуриданов — «Общее языкознание и основные проблемы языкового строительства». Остальные доклады были посвящены следующим проблемам, почти каждая из которых обсуждалась на отдельном заседании: «Правописание и языковое строительство», «Вопросы формирования болгарского литературного языка», «Культура языка, обучение языку и воспитание», «Терминология и языковое строительство», «Иноязычное влияние на болгарский литературный язык» и «Словообразование и языковое строительство». С докладами по этим проблемам выступили крупные болгарские ученые, ведущие и молодые специалисты в разных областях грамматики, лексикологии, диалектологии и стилистики современного болгарского языка — научные сотрудники Института болгарского языка БАН (Е. Георгиева, М. Иванова, И. Кочев, М. Лилов, М. Младенов, Й. Пенчев, Х. Холиолев, Р. Цойнская и др.), Софийского, Пловдивского и Великотырновского университетов (Т. Бояджиев, С. Брезинский, М. Москов, П. Пашов, Х. Пырчев, Б. Симеонов и др.).

В развернувшейся по докладам оживленной дискуссии, в которой, за недостатком времени, многие участники конференции не смогли выступить, наибольшее внимание было уделено обсуждению таких важных вопросов, как общее состояние культуры языка в Болгарии в настоящее время и неотложные меры по ее повышению, чистота родного языка и борьба с многочисленными иноязычными элементами в нем, стабильность и вариативность норм литературного языка, восточноболгарское и западноболгарское в диалектной основе речи современной интеллигенции как носителя литературного языка и ее соответствие кодифицированным нормам этого языка, состояние грамматических, орфоэпических и орфографических норм литературного языка и их соответствие реальной языковой и речевой практике и некоторые другие.

Г. К. Венедиктов

CONTENTS

- Mozerov V. D.* The Growth of Labour Activity of the Working Class in Bulgaria (1958—1962). *Noskova A. F.* The Fascist Occupation Regime and Positions of Classes and Social Groups in the Central and South Eastern European Countries. *Avrus A. I.* The International Organization of Relief to the Fighters of Revolution Campaigns against Terror in Poland. *Salivon A. W.* To the formation of the Obodryts Nationality. *Solovjeva A. P.* Literary Programs and Development of the Czech National Literature. *Ponomareva N. N.* Modern Bulgarian and Soviet Drama (Connection and Typological Community). *Moloshnaya T. N.* On the Slavic Type of the Adverbial Combination 3

COMMUNICATIONS

- Kostyushko I. I.* Historical Slavic Studies in the USSR (1971—1978). *Djakov V. A., Mylnikov A. S.* Study of the History of the Slavic Investigations in Czechoslovakia (1968—1978). *Bukhalo G. V.* The Polish Historiography on the Reunion of the Ukraine and Russia. *Beliajeva V. I.* The Munich Conspiracy and Public Opinion of Great Britain in the Anglo-American Bourgeois Historiography 87

REVIEW—ARTICLES AND REVIEWS

- Salekhov N.* «Рабочий класс и строительство социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». *Pimenova I.* Intelligentsia as the Object of Historical Sociological Research. *Gorenkov A.* «Под знаменем боевой дружбы». *Voronkov V. I.* J. R. Szaflik. «O rząd chlopskich dusz». *Bilunov B. N., Moskalenko A. E., Khajretdinov Kh. Kh.* «Вопросы истории славян». *Naumov E. P.* Bibliography of Studies Dedicated to Svetozar Markovich. 112

SCIENTIFIC LIFE

- Moroz V. K.* Scientific Conference Dedicated to the 60th Anniversary of Formation of the Polish Communist Party. *I. M.* Soviet-Polish Symposium on the Problem: «Fascism and Anti-Democratic Regimes in the Countries of Central and South-Eastern Europe, 1918—1945». *Venediktov G. K.* Conference on the Problems of Linguistic Construction in Bulgaria 124

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 12.02.79 Подписано к печати 13.04.79 Т-01723 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
 Высокая печать Усл. печ. л. 11,2 Уч.-изд. л. 12,5 Бум. л. 4,0 Тираж 1210 экз. Зак. 1542

Издательство «Наука». 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
 2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.
Индекс 70891